

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВПО «КГТУ», КГТУ)

На правах рукописи

ШАРАБАРИНА СОФЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

ИЗУЧЕНИЕ ФИННО-УГОРСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КОСТРОМСКОГО КРАЯ В XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
док. ист. наук, доцент
Смурова О. В.

Иваново

2013

Содержание

Введение	3–36
Глава 1. Исследование финно-угорского культурного наследия Костромского края в XIX в.....	37–87
§ 1. Особенности освоения территории Костромского края финно-угорскими народами.....	37–53
§ 2. Первая половина XIX в.– период сбора и анализа материалов о финно-угорских народах	53–70
§ 3. Использование археологических источников о финно-угорском культурном наследии в трудах учёных второй половины XIX в.....	70–87
Глава 2. Деятельность учёных архивных комиссий и краеведческих научных обществ по изучению финно-угорских древностей.....	88–185
§ 1. Роль КГУАК в изучении финно-угорского этноса Костромского края.....	88–136
§ 2. Археологические съезды в начале XX в. – новый качественный этап развития провинциальной исторической мысли.....	136–155
§ 3. Костромское краеведческое научное общество и его вклад в изучение истории местного края.....	155–185
Заключение.....	186–194
Список сокращений.....	195
Список использованных источников и литературы.....	196–227
Приложения №1 – 8.....	228–235

Не знаем, когда они (финно-угры)
в России поселились, но не знаем
также никого старобытнее их.
Н. М. Карамзин¹.

Введение

Актуальность исследования. Значительно выросший в последние годы интерес к древнерусской культуре объясняется особенностями развития современного общества. Постсоветский период ознаменовался стремлением российского общества к «обретению корней», что, в свою очередь, повлекло за собой и увеличение профессиональных исследований по проблеме места и роли финно-угорских народов в российской жизни, то есть проблемы истории развития различных народов и национальных взаимоотношений выдвинулись на одно из первых мест в науке, политике, публицистике. Очевидна необходимость изучения этого феномена и применительно к истории финно-угорских народов России. Развитие нерусских, в их числе финно-угорских народов, их взаимоотношений с Российским государством, с русским народом в советской (российской) исторической и социально-политической литературе представлено в довольно искажённом виде. Между тем отступления от исторической правды коснулись не только советского периода, но и многих страниц многовековой дореволюционной истории, в первую очередь, таких как происхождение различных народов, уровень их культурно-исторического развития, влияние их культурного субстрата на развитие культуры отдельных регионов. При этом важно учитывать, что историческое прошлое оказывает большое влияние на современные этнические процессы на этнополитическую и морально-психологическую ситуацию в финно-угорских регионах.

С позиций нового исторического мышления, научной объективности предстоит внимательно изучить и переосмыслить весь исторический путь финно-угорских народов. Естественно, постановка этих задач предполагает,

¹ Карамзин Н. М. О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще // История государства Российского.– М.: ЭКСМО, 2003. Т. 1. Гл. II. – С. 15.

что исследования должны быть обращены и к глубинным историческим корням такого феномена, как многонациональность России, к месту и роли, участию финно-угров в развитии Российского государства.

В этом плане исследуемая тема имеет научное и практическое значение. Финно-угорские народы России, как и другие «инородцы» в течение длительного времени в российской историографии не были предметом специальных научных исследований. Определённое историографическое, а больше источниковедческое значение имеют сообщения об этих племенах и народах в русских летописях, начиная с «Повести временных лет» и заканчивая летописными сводами конца XVI в. («Царственная книга»), в исторической беллетристике того времени («Повесть о погибели Русской земли», «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, «История о Казанском царстве» и др.)

В дореволюционной историографии было положено начало изучению финно-угорского культурного наследия как составляющей российской культуры. Вместе с тем оно не нашло должного развития в последующий советский период.

В советскую эпоху акцент в исследовании этнической истории был сделан на стирании различий, что сдерживало развитие научной мысли в указанном направлении.

Сегодня в современном мире в условиях взаимодействия процессов глобализации и развития самоидентификации регионов актуальным представляется сопоставление макро- и микроуровней этнокультурных явлений как видов анализа и как масштабов содержания изучаемых тем для углубления качества выводов исследований. В этом контексте изучение исторического аспекта этнокультурной специфики разных частей территории Поволжья может привести к обновлению в понимании очень важных явлений в национальной жизни и культуре исследуемого региона.

Первые упоминания о финно-угорском населении Костромского края появились в трудах краеведов XVIII в., но данная тема наибольшее развитие

получила к середине XIX в. Особый интерес представляет период начала XX в. (после 1917 г.), связанный с бурным расцветом краеведческой деятельности в России, которую предполагалось поставить на службу экономического развития молодого Советского государства. Исследования учёных XIX в. – первой трети XX в. положили начало формированию научных выводов о том, что история, культура, этнический состав Костромского края отличаются своеобразием в связи с проживанием на этих территориях древнего финно-угорского племени меря (не летописного), потомков других финно-угорских народов (мари). А так же вследствие межкультурных взаимодействий с другими финно-угорскими народами: мурома, мордва, мещера, веси. При всей внешней отдалённости и своеобразии конкретно-исторических условий исследования XIX – первой трети XX вв. могут быть переосмыслены в контексте новых научных направлений, касающихся изучаемой темы.

Анализируя данную тему, на наш взгляд, необходимо уточнить ряд понятий.

Финно-угорское культурное наследие автор трактует, с одной стороны, в широком смысле, что даёт возможность рассматривать культурное наследие народов существующих в настоящее время (черемисы-мари) и проживавших на данной территории ранее обособленно, а сейчас в составе русского населения; а так же культурное наследие древнего финно-угорского этноса – меря, ассимилировавшегося со славянским населением в X – XV и далее веках. С другой стороны, под понятием «финно-угорское культурное наследие» мы понимаем лишь культуру этнического населения, имевшего место существовать на данных конкретных территориях.

Финно-угорское культурное наследие Костромского края включает в себя весь комплекс культурно-исторических знаний об этническом сообществе, проживавшем на территории края с древнейших доисторических времён, в состав которого на момент прихода на данную территорию славян входили этнические группировки меря, черемисы (мари) и другие.

Проблема диссертационного исследования не была предметом специального исследования и не рассматривалась в указанных хронологических рамках. При всём значении ранее проведённых исследований возникает необходимость объективного, разностороннего переосмысления богатейшего опыта изучения финно-угорских народов в формировании культурного наследия Костромского края.

Предмет исследования – исследование финно-угорского культурного наследия учёными историками-краеведами XIX – первой трети XX вв. Деятельность научных краеведческих обществ, учёных архивных комиссий, археологических областных съездов по изучению истории Костромского края.

Объект исследования – является финно-угорское культурное наследие Костромского Поволжья, его особенности, что нашло отражение в формировании смешанной культуры славянских и финно-угорских этносов.

Хронологические рамки исследования охватывают период начала XIX в. – первой трети XX в. Они выбраны не случайно. Страна стремительно продвигалась по капиталистическому пути развития и реформы 60 – 70 гг. открывали новые возможности ее развития. Особенностью данного периода был всплеск не только в техническом развитии, но и в области научной мысли, что подтверждается созданием большого числа научно-исследовательских организаций историко-краеведческой направленности (учёные архивные комиссии, научные общества и т.д.). Они занимались исследованием не только своего края, но и тесным образом были связаны с Академией наук России, возглавлявшей работу по накоплению сведений об особенностях того или иного региона. Нижняя граница исследования – это период первого десятилетия XIX в., когда появляются первые труды, касающиеся изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края. Верхняя граница определяется 30-ми гг. XX в., когда в период командно-административной системы были ликвидированы все

краеведческие общества, тем самым исследование данной темы было забыто на долгие годы.

Территориальные рамки. Тема диссертационного исследования раскрывается на материалах Верхне-Волжского региона, в частности, на материалах Костромского края. Костромская губерния и Костромской край – рассматриваются нами как однотипные понятия. Использование понятия «Костромской край» продиктовано необходимостью каждый раз не оговаривать принадлежность определённых территорий в конкретный исторический период именно Костромской губернии. Понятие «Костромское Поволжье» берётся с опорой на использование его в трудах археологов Е. И. Горюновой, А. Е. Рябина в качестве понятия аналогичного «Костромской край». Оно включает в себя все территории Костромского края, расположенного в районе Верхнего и Среднего Поволжья, некогда заселённые финно-угорскими племенами.

Историография проблемы. До настоящего времени проблема исследования трудов костромских историков-краеведов на предмет изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края в комплексном плане не решалась. Данный вопрос имеет два направления: во-первых, речь должна идти о трудах известных учёных, изучавших финно-угорское культурное наследие, в том числе и Костромского края, во-вторых, исследование направлено на изучение трудов «культурной периферии», т.е. костромских историков-краеведов, затрагивавших в своих работах вопросы финно-угорского культурного наследия Костромского края. Историография проблемы может быть разделена на три периода дореволюционный (первое десятилетие XIX в. – 1917 г.), советский и современный (с начала 90-х гг.)

Начало исследованию культуры финно-угорских народов было положено в *дореволюционный период*.

XVIII в. связан с идеями европейского Просвещения, проявлением интереса к истории наций. Исследовательский интерес И. Г. Георги, Г. Ф.

Миллера, Ф. И. Страленберга, А. Л. Шлёцера¹ и др. был распространён на финно-угорские народы России. Уже в середине XVIII в. М. В. Ломоносов и В. Н. Татищев² отмечали общность происхождения и языковое родство финнов, эстонцев, карел, черемис, зырян и других народов северо-восточной Европы.

В первое десятилетие XIX в. активизировался процесс формирования европейских наций, финские, венгерские ученые пытались восстановить историю своих народов. В России вели исследования финны М. А. Кастрен и А. И. Шёгрэн, венгр А. Регули³.

Особенностью их научного исследования, обращённого к финно-уграм России, было дополнение лингвистических наблюдений материалами истории, фольклора, этнографии.

С точки зрения формирования Российской империи события, связанные с завоеванием, покорением, присоединением финно-угорских народов к России, включались в общий контекст исторического повествования Н. М. Карамзиным, В. О. Ключевским, С. М. Соловьёвым и др.⁴

¹ Цит. по : Загребин Е.А. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – нач. XIX вв.: История, теория и практика./Автореферат диссертации.– Чебоксары. 2009; Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. – М.– Л., 1966.; Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. – Новосибирск, 1999; Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия.– 1958.– № 4. – С. 113 – 128.

² Татищев В. Н. История Российская. – М., 1962. Т.1– С.314; Ломоносов М.В. Краткий российский летописец с родословием// Полное собрание сочинений. – М.–Л., 1962. Т.6 – С. 195.

³ Терюков А. И. А. И. Шёгрэн и М.А. Кастрен // Финляндия и Россия в XIX–XX вв. – СПб, 1998. – С. 3–15; Лаллукка С. Наследие академика Шёгрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов // Финно-угроведение. – 1995. – № 1. – С. 55 – 61; Антал Регули: Календарий. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. Путешествие по России: Петербург – Урал – Петербург. Будапешт, 2008.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского.– М.: ЭКСМО, 2003. Т. 1. Гл. II. – С. 15; Ключевский В. О. Курс русской истории / под ред. В. Л.Янина. – М.: Мысль, 1989. Ч. 1. – С. 296 – 297; Соловьёв С. М. История России с древнейших времен.– М.: изд-во АН СССР, 1966. Т. 1. Гл. 3.

Первое десятилетие XIX в. можно назвать периодом активной исследовательской деятельности П. П. Свиньина и М. Я. Диева. П. П. Свиньин¹ был первым, кто пытался подойти к анализу финно-угорских традиций через сопоставление с топонимическими данными, местными верованиями, бытовыми особенностями. В работе «Галич» П. П. Свиньин делает вывод о том, что галичское население относилось к финно-угорскому этносу. Вместе с тем в его работах нет высокого уровня информативности и объективности, что объясняется отсутствием использования широкого круга источников. Интерес представляет работа М. Я. Диева «Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда»², посвященная этнографии, традициям Костромского края. В своих работах М. Я. Диев впервые предпринимает попытки подтверждения этнографических характеристик мерянского населения лингвистическими.

В конце 60 – начале 70-х гг. XIX в. появляются работы обобщающего характера, в которых приводятся данные археологического, этнографического и топонимического характера по мерянским территориям Центральной России и Поволжья, куда Костромской край входил составной частью. В этих работах выделены особенности меря.

Отражением нового этапа в изучении финно-угорских древностей явилась работа графа А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам»³, возглавлявшего Московское археологическое общество. Опираясь на выводы А. С. Уварова, можно выделить значительные признаки мерянского населения и использовать его выводы и о том, что ряд селений и деревень, рек Костромского края имеют финно-угорские названия. Интересным для темы нашего исследования является его вывод о границах мерянской территории, находившейся в пределах Московской,

¹ Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных ее народов. Ч. I – СПб.: тип. Н. Греча, 1839.

² Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // ЧОИДР. – М., 1846 – № 2.

³ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды первого археологического съезда в Москве. – М., 1871., Т. 2. – С. 643 – 847.

Владимирской, Костромской, Ярославской, а также части Вологодской и Новгородской губерний, которая сложилась вследствие того, что часть мерян ушла на восток под напором славянской колонизации, где и осела.

Во второй половине XIX в. появляется серия работ И. Н. Смирнова¹. Достоинством этих работ было то, что автор, сопоставляя культуру всех финно-угорских народов, выделял общие для них черты и выделял своеобразие каждой этнической группы. Однако, исследуемая тема не была им раскрыта в полном объеме.

В 1885 г. был издан первый труд, где автор обращался к вопросам этнического состава населения края. Это была работа историка-краеведа И. В. Миловидова «Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича»². Достоинством его работы являлся вывод об условных территориальных границах расселения мерян в Поволжье. По мнению ученого по рекам Унжа и Межа проходили восточная граница расселения финно-угорского племени меря. Для доказательства своих выводов он использовал письменные и рукописные источники, труды ученых XVIII в.

При изучении вопросов финно-угорского культурного наследия Костромского края исследователи обращались к материалам, публикуемым Костромским Губернским Статистическим комитетом. Так, в «Памятных книжках Костромской губернии»³ публиковались материалы, касающиеся археологических памятников, названий населенных пунктов, мест проживания этнических групп. Для изучения данной темы в плане фактологического материала значительный интерес представляет работа Я. Крживоблоцкого «Материалы для географии и статистики России,

¹ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографические очерки. Казань, 1889; Пермь. Казань, 1891; Вотьяки. Казань, 1890; Мордва. Казань, 1895.

² Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. – Кострома, 1885.

³ Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. – Кострома: Губернская типография, 1862.

собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния»¹. В начале XX в. изучением финно-угорских древностей занимался ряд археологов и историков-краеведов: А. А. Спицын, П. Е. Навоев, И. Д. Преображенский, Н. М. Бекаревич и другие².

Большим вкладом А. А. Спицына в науку являются составленные им описания огромного количества древностей. В работе ««Владимирские курганы»»³ он продемонстрировал новый подход к интерпретации археологических источников. Автор впервые указал, что погребальные памятники финно-угров – могильники, а славян – курганы. Его исследования позволили сопоставлять материалы обширной зоны русско-мерянского пограничья с материалами тех районов, где финно-угорский этнический элемент отсутствовал. Проблемы изучения местными исследователями финно-угорского культурного наследия Костромского края нашли отражение на страницах журнала «Костромская старина» (Н. М. Бекаревич⁴, В. Г. Пирогов, И. Д. Преображенский⁵), издаваемого Костромской губернской

¹ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. – СПб: Типография Н. Таблена и К, 1861.

² Спицын А. А. Финские древности Верхнего Поволжья // Известия IV областного археологического съезда в Костроме. – Кострома. – 1909. – № 5.; Бекаревич Н. М. О некоторых городищах в Костромской губернии. – М.: Тов. типогр. А. И. Мамонтова, 1902.; Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад. Члена-делопроизводителя комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. – Кострома: Тип. лит. СПб. С. П. Федотова, 1897. – Вып. 4.

³ Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия археологической комиссии. – СПб, 1905. – Вып. 15. – С. 84 – 174.

⁴ Бекаревич Н. М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенном им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома: Костромская губернская типография, 1894. – Вып. 3; О некоторых городищах в Костромской губернии. – М.: Тов. типогр. А. И. Мамонтова, 1902; Раскопки в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома: Костромская губернская типография, 1890. – Вып. 1. – С. 149 – 150.

⁵ Пирогов В. Г. Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии // Костромская старина. – Кострома: Костромская губернская типография, 1890. – Вып.1.– С. 135 – 141; Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад члена-делопроизводителя комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. – Кострома: Тип.-лит. СПб. С. П.Федотова, 1897. – Вып. 4.

ученой архивной комиссией, а также в Известиях IV Областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г.¹ Существенное влияние на разработку вопросов финно-угорской топонимики оказали М. П. Веске, Я. К. Грот, В. И. Даль, И. А. Износков² и др. Во второй половине XIX в. дискутировался вопрос о языке исчезнувшего племени и его родстве с известными финно-угорскими народами. Согласно первой точке зрения меря была идентична черемисам (мари) и относилась к группе финноязычных народов Поволжья (И. А. Износков, С. К. Кузнецов, Т. С. Семёнов)³. По второй версии, меря родственна угорским народам Приуралья (Д. П. Европеус, П. Д. Шестаков)⁴.

Новый подход к изучению древней истории г. Костромы предлагается в работе В. К. и Г. К. Лукомских⁵, посвященной 300-летнему юбилею Династии Романовых. Авторы, характеризуя исторические события, дополняют их описанием быта, традиций.

Таким образом, первый период историографии исследуемой нами темы имеет ряд особенностей. Работы, посвященные финно-угорской культуре на территории Костромского края, были написаны в виде популярных очерков,

¹ Известия IV Областного Историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909. – № 5 – 6; Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: ГИС, 1980 – 1982. – Т. 1 – 4; Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. – Казань, 1890. – Т. 1; Износков И. А. Какие могут быть сделаны выводы из названий населенных местностей? Труды III Археологического съезда 1874. – Киев, 1878. – Т. II. – С. 35 – 40; Грот Я. К. Из скандинавского и финского мира (1839—1881). – СПб: 1898. Т. 1.

³ Износков И. А. О хорографических мерянских и черемисских названиях. // Труды VII Археологического съезда, бывшего в Ярославле 1887 г. – М., 1887. – С. 223 – 225; Кузнецов С. К. Русская историческая география: курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907 – 1908 г. Меря, мещера, мурома, весь. – М.: Синод. тип., 1910. Вып. 1; Семенов Т. К. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887 г. – М., 1891. Т. 2. – С. 228 – 258.

⁴ Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей // Труды II Археол. съезда. 1871. Отд. IV. – СПб. 1876. – Вып. I. – С. 81 – 103; Шестаков П. Д. Родственна ли меря с вогулами? // Ученые записки Казанского Университета. – Казань, 1873. – С. 10 – 12.

⁵ Лукомские В. К., Г. К. Кострома: Исторический очерк В. К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г. К. Лукомского. – СПб.: изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913.

касающихся постепенного расселения финно-угров на территории Поволжья, первоначальной их культуры и носили обзорный характер. Необходимо отметить, что первые работы по истории Костромского края отличались весьма низким уровнем, поскольку были написаны не профессионалами, а любителями.

В этот период происходит преимущественно процесс накопления фактического материала. Тогда же были выявлены новые артефакты финно-угорской культуры на территории Костромского края, свидетельствующие о мерянском заселении края.

Советский период изучения финно-угорской культуры связан с активными археологическими поисками, накоплением этнографического материала, новыми топонимическими исследованиями. Большинство исследований носило общероссийский характер, а региональный аспект практически не рассматривался. В 30-е гг. когда в нашей стране был наложен запрет на пропаганду финно-угорского родства, в изложении материала господствовало чрезмерное стремление к обобщению и систематизации. Характерным было отсутствие интереса к провинциальной истории. Несмотря на идеологический запрет, в 20 – 30-гг. вопросы изучения финно-угорской культуры Поволжья, в том числе Костромской меры, начали появляться на страницах журналов. В 1929 г. появилась статья известного этнографа Д. К. Зеленина направленная против мнения о быстрой, безболезненной ассимиляции веси, мери, муромы, мещеры и их значительной роли в образовании древнерусской народности¹. По мнению Д. К. Зеленина, летописные племена финнов были вытеснены славянами с исконных земель. М. Фасмер в 1935 г. вновь поднял вопрос о тождестве мери с марийцами.²

¹ Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в формировании русской народности? // Сб. ЛОИКФУН. – Л., 1929. – Ч. 1.

² Vasmer M. Beitrage zur historischen Volkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen. Berlin. 1935. S. 507 – 594.

Интересный вывод сделан П. Н. Третьяковым в статье «К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.» «таинственная мера Начальной летописи, породившая столько гипотез и споров в русской историографии»¹, отличается как от мордовско-муромских, так и марийских племен.

В период 50 – 60-х гг. появился ряд работ, анализирующих древние финно-угорские племена, в которых особое внимание было уделено меря, в том числе и костромской ее части. Это, прежде всего, работа Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья»². Автор выделял две группы мерянского населения – Центральную и Костромскую. Продолжая исследование в обозначенном научном направлении П. Н. Третьяков в работе «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге»³ доказал, что в центральных областях процесс ассимиляции финно-угорских народов шел довольно быстро, но в Костромском Поволжье он затянулся на столетия. В. Ф. Генинг выдвинул гипотезу о существовании во второй половине I тыс. н. э. единой «мерянской этнической общности», включавшей мари, мерю и мурому⁴.

Ряд вопросов исследуемой темы в 70 – 80-е гг. был затронут в работах Л. А. Голубевой, И. В. Дубова, А. Е. Леонтьева, Г. А. Архипова⁵. Е. А. Рябинин в своих работах анализирует особенности финно-угорских племён в

¹ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.: Материалы и исследования по археологии (далее – МИА), 1941. – № 5. – С. 37.

² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. М.: Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 94.

³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.– Л.: Наука, 1966.

⁴ Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск. 1967.– Вып. IV. С. 14.

⁵ Голубева Л. А. Женщины-литейщицы (истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА, № 4. –1984. – С. 75 – 89; Её же. Меря. Муром. Мещера. Мордва. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР.– М.,1987; Дубов И. В. Языческие культы населения Ярославского Поволжья IX–XII вв. (по археологическим данным) // Генезис и развитие феодализма в Росси.– Л.,1987; Леонтьев А. Е. Новые данные о Костромских курганах // СА.– М., 1984. – № 4; Его же Археологические памятники ростовской мери. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). – М., 1988.– С. 16 – 17; Архипов Г. А. Марийцы IX – XI вв.: К вопросу о происхождении народа.– Йошкар-Ола, 1973. – С. 91.

составе Древней Руси и даёт классификацию характерных мерянских шумящих украшений¹. Итоги изучения мерянских элементов в древнерусских археологических памятниках и полная библиография нашли отражение в работе В. В. Седова «Восточные славяне»².

Научный поиск И. Г. Розенфельдта (1982) и А. Е. Леонтьева (1985)³ по анализу вещевого материала и полевые наблюдения подтвердили возможность существования дьяковского населения в некоторых районах Центральной России и Поволжья вплоть до IX – X вв. Подробная характеристика археологических памятников мери с учётом материалов 70 – 80-х гг. представлена в специальном исследовании Л. А. Голубевой «Зооморфные украшения финно-угров» (1987)⁴.

В общероссийских работах, таких как «Язычество древних славян» (1981), «Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв.» (1982), «Язычество древней Руси» (1987) Б. А. Рыбаков в той или иной степени касается вопросов финно-угорской культуры, часто атрибутируя некоторые артефакты как финно-угорские или мерянские⁵.

В области лингвистических исследований советского периода особо значимой работой стала монография О. Б. Ткаченко «Мерянский язык» (1985), и его же работа «Очерки теории языкового субстрата»⁶, где была впервые предпринята попытка системной реконструкции бесписьменного, ныне мертвого мерянского языка, принадлежавшего к финно-угорской

¹ Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986.– С.17; Его же. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986.– С. 17; Его же. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: изд-во С.-Петербургского университета, 1997.

² Седов В. В. Восточные славяне в VI-XIII вв.– М.: Наука, 1982.

³ Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья. – М.: Наука, 1982; Леонтьев А. Е. Стратиграфия и хронология культурного слоя Ростова Великого // Археологические памятники на территории РСФСР. – М., 1985. – С. 105 – 112.

⁴ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. Археология СССР. Свод археологических источников. Е1 – 59, 1979.– С. 67 – 81.

⁵ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981; Его же. Язычество древней Руси.– М.: Издательство: Наука, 1987.

⁶ Ткаченко О. Б. Мерянский язык. – Киев, 1985; Его же. Очерки теории языкового субстрата. – Киев, 1989.

семье. Автор опирался на предыдущие исследования О. В. Вострикова, М. Фасмера¹.

В целом второй период в историографии характеризуется дальнейшим накоплением информации и появлением большого количества работ, посвященных истории и материальной культуре финно-угорских народов Поволжья. Вместе с тем, проблема влияния финно-угорского культурного наследия на формирование культуры Костромского края затрагивалась в трудах исследователей только фрагментарно.

Современный период (с начала 90-х гг. XX в. и по настоящее время) связан, прежде всего, с глубокими изменениями, происходившими в жизни страны, они, безусловно, повлияли и на историографическую ситуацию. Резко расширился круг изучаемых историками проблем, современные исследователи получили более широкий доступ к архивным материалам, благодаря чему достигается большая объективность в освещении изучаемых вопросов. Стали чаще проводятся конференции и конгрессы по исследуемой нами теме. В августе 1995 г. в финском городе Ювяскюля состоялся международный конгресс, где особенно разносторонне рассматривались вопросы языкового родства финно-угров. Конгресс провозгласил широкое включение исторических наук в комплекс финно-угроведения. Научный центр финно-угроведения в 1994 г. начал издавать в Йошкар-Оле научный журнал «Финно-угроведение». В настоящее время существует Некоммерческая ассоциация «Поволжский центр финно-угорских народов». В Саранске в сентябре 2009 г. прошёл IV съезд финно-угорских народов России. На съезде рассматривались вопросы сохранения и развития финно-угорских народов, языка, культуры. Важное место отводилось проблемам межнационального сотрудничества, единения финно-угорских народов, консолидации, разработке этнокультурных программ, итогам переписи

¹ Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья / Этимологические исследования. – Свердловск, 1981.– С. 3 – 45; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер.с нем.и доп. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964 – 1973. Т. 1 – 4.

населения и анализу численности народов, статусу коренных малочисленных народов (сето), а так же вопросам изучения истории финно-угорских этносов.

В Резолюции съезда было указано, что «российское государство, включавшее в различные периоды своей истории большинство территорий, где проживали финно-угры, является исторической родиной, местом формирования этнокультурных традиций финно-угорских народов. Материалами этнографических, полевых и архивных исследований, полученными в России, питается все современное финно-угроведение, не мыслимое без российского многообразия финно-угорской культуры. Съезд считает необходимым разработку стратегии сохранения и развития этнической культуры, функционирования языков, укрепления этнической идентичности финно-угорских народов России»¹. Очередной VI Всемирный конгресс по истории финно-угорских народов прошел в августе 2012 г. в Венгрии.

Новый взгляд на проблему автохтонного населения Поволжья предлагает историк и археолог П. Н. Травкин, используя сведения новых археологических раскопок г. Плеса. В 2007 г. вышел его труд «Язычество древнерусской провинции: малый город»². Автор приводит новые, ранее неопубликованные сведения, полученные в результате археологических раскопок волжского города Плёса. В определённой степени он опирается на некоторые тезисы, выдвинутые исследователем А. В. Куза в работе «Малые города Древней Руси»³. Вопросам изучения культовых камней посвящены работы С. Б. Чернецовой⁴. Автор предлагает классификацию культовых камней по этнографическому и археологическому признаку.

¹Общероссийское общественное движение Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации. <http://www.afunrf.ru/docs/rezolyucziya-iv-sezda>.

²Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции: малый город. –Иваново:Талка, 2007.

³Куза А. В. Малые города Древней Руси. – М.,1989.

⁴Чернецова С.Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги //Альманах современной науки и образования.–Тамбов, 2007. – Вып. 7. Ч. 1.–С. 180; Она же. Некоторые аспекты изучения культа камня на территории ярославского, ивановского и костромского Поволжья//Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ.– Ярославль, 2008. – С. 191.

Важным исследованием, обобщающим материалы археологических изысканий по Костромской области, нужно признать работу С. И. Алексеева, К. И. Комарова и др. «Археология Костромского края»¹, в которой резюмируются сведения, касающиеся материальной культуры Костромского края, в том числе финно-угорских народов. На основе данных новых археологических экспедиций в работе формулируются выводы по особенностям культуры костромской группы меря.

Новой тенденцией современной отечественной археологии стала интенсификация изучения памятников, привлечение широкого комплекса естественных наук и их методик с целью получения максимума информации.

Лингвистические исследования в постсоветское время по проблемам взаимодействия финно-угорских и славянских языков окрашены особым интересом к топонимии, диалектологии, вопросам истории языка, часто касаются лексических и фонетических взаимодействий.

Большой вклад в изучение субстратной лексики и в частности топонимики Русского севера внёс академик А. К. Матвеев, возглавлявший Уральскую лингвистическую школу². Им разработаны карты распространения финно-угорской лексики, в том числе и мерянской. Основной труд «Субстратная топонимия Русского Севера» рассматривает общие вопросы изучения субстратных топонимов; методом исторического и лингвистического сопоставления объясняется и этимология отдельных костромских топонимов. Интересные материалы представлены в статье А. Альквиста «Меряне, не меряне...»³. Автор ведёт речь о финно-угорских

¹ Алексеев С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев и др. – Кострома, 1997.

² Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 32 – 59; Субстратная топонимия Русского севера. – Екатеринбург, 2000. Ч. 1; Костромское Андоба (к мерянской этимологии) / А. К. Матвеев // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. – Вологда, 1995. – С. 84 – 85.

³ Альквист А. Меряне, не меряне ... // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 15 – 33.

суффиксах (-ер, ор), присущих озёрным топонимам, в том числе костромским.

На страницах Интернет известный угрист В. Напольских высказывает мнение о принадлежности мерянского языка: «Я допускаю, что западный мерянский был особым языком, принадлежащим к прибалто-финско-саамско-мордовскому ареалу, а восточный – ближе к марийскому. Возможно, названия меря и мари – одного происхождения. Мордовские же языки, на мой взгляд, надо объединять с прибалтийско-финскими саамскими (и западным мерянским) в один кластер, куда марийский, образующий, видимо, особую ветку в финно-пермской, не входит безусловно»¹.

Особого внимания заслуживает исследование С. А. Мызникова «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада»². Работа базируется на оригинальном материале, полученном автором в ходе диалектологических экспедиций. Результаты исследования репрезентируют балтийский, финно-угорский и тюркские заимствования. В объект обследования вошли и говоры Костромской и сопредельных Ярославской, Архангельской, Вологодской областей. Субстратная лексика Костромского края отражена в работе Н. С. Ганцовой³.

Несмотря на наличие работ по общим вопросам финно-угорской лексики и топонимики, неразработанным остаётся вопрос о влиянии финно-угорской лексики на топонимику Костромского края. Требуют изучения вопросы этимологии и истории отдельных названий, семантического и структурного своеобразия типичных локальных топонимов финно-угорского происхождения, их типологии в местном и общерусском масштабе. Важным представляется выявление и анализ массива финно-

¹ Напольских В. [Электронный ресурс] URL//[http:// forum.molgen. org /](http://forum.molgen.org/).

² Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада. – СПб: Наука-2004; Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров северо-запада. – СПб: Наука, 2003.

³ Ганцовская Н. С. Особенности говоров Костромской области. – Кострома, 1992.

угорской лексики в костромских говорах, а также осмысление фонетических процессов, происходивших в русских говорах под влиянием финно-угорского компонента.

Этнографические исследования в постсоветский период от представления о культуре этносов как таковой переходят к двум, казалось бы, противоположным векторам: осмыслению отдельных деталей в общекультурном, глобальном культурологическом контексте и еще более детализированному постижению этнокультурной самобытности, вписанному в географический и культурный ландшафт. Качественно новое накопление фактического материала ставит новые цели и задачи.

Проблема межэтнических связей и взаимодействий отражена в работе Т. Г. Владыкиной «О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России»¹. Т. А. Золотова² занимается изучением межэтнических общностей и взаимодействий. Из последних можно назвать труд С. И. Дмитриевой «Русско-финно-угорские связи» (по материалам севернорусского фольклора)³. Попытки обобщения этнографических, фольклорных материалов, предпринимаемые в этот период, преследовали две цели: с одной стороны – зафиксировать уходящие элементы традиционной культуры, с другой – представить культурное наследие финно-угорских народов как часть мирового культурного наследия.

Этнографам удалось показать многообразие изучаемой системы, включающей элементы, присущие древнему мировоззрению, наряду с многочисленными заимствованиями. Основную исследовательскую линию

¹Владыкина Т. Г. О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. – Вып. 2. – С. 25 – 32.

²Золотова Т. А. Методические и методологические аспекты проблемы межэтнических связей и взаимодействий (На материале традиционной культуры) // Финно-угроведение.– 1999. – № 2 – 3. – С. 103.

³Дмитриева С. И. Русско-финно-угорские связи (по материалам севернорусского фольклора) // Русский фольклор. Т. XXVII: Межэтнические фольклорные связи.– СПб.: Наука, 1993. – С. 136 – 147.

можно выразить следующим образом: традиционные обычаи и обряды, сформировавшиеся еще на ранних этапах развития общества, изменялись и вбирали в себя новые культурные элементы, но сохраняли свою древнюю освященную религией основу.

Значительный вклад в изучение краеведческих научных обществ Поволжья и Костромской губернии в советское и постсоветское время внесли диссертационные исследования: В. А. Антонова, С. А. Кабатова, Н. Г. Новоселовой, А. А. Севастьяновой¹, а также Л. И. Сизинцевой, Е. А. Спиридоновой, Е. А. Флеймана, А. Д. Шипилова² и другие, в которых анализируются вопросы, связанные с изучением материалов местного края. Основные направления историко-краеведческой деятельности Губернских статистических комитетов 1860 – 1890-х гг. были исследованы в работах В. А. Бердинских³.

Следует отметить, что проблема изучения финно-угорского культурного наследия привлекала внимание зарубежных исследователей. В частности, к изучению данной темы обращались такие исследователи, как А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен, Л. Хонко и другие.

¹ Антонов В. А. Археологические древности в провинциальной исторической мысли Европейской России второй половины XVIII – начала XX вв.: дис. ...канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2005; Кабатов С. А. Сельские поселения Костромского Поволжья XIII – XVII вв.: по археологическим данным: дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2004; Новоселова Н. Г. Становление малого русского города периода феодализма (на примере Нерехты XIII – XVIII вв.): дис. ...канд. ист. наук. – Ярославль, 2006; Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Автореф. дис. док. ист. наук. – СПб, 1993.

² Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие. XIX пер. треть XX.: дис. ...канд. ист. наук. – М., 1998.; Спиридонова Е. В. Древняя история Ярославского края в трудах краеведов XIX – начала XX веков: дис... канд. ист. наук. – Ярославль, 2003; Флейман Е. А. Краеведческое движение в Поволжье 1917 – 1930 гг. Автореф. дис. док. ист. наук. – Ярославль, 1997; Шипилов А. Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. – М., 1985.

³ Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов: дис. ... д-ра ист. наук / В. А. Бердинских. – М., 1994; Он же. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М., 2003.

Особый интерес представляют очерки финского лингвиста А. И. Шёгрена «Историко-этнографические очерки о финско-русском севере»¹, опубликованные после смерти автора в 1861г. в собрании его сочинений. Будучи корреспондентом Академии наук в 1824 –1829гг. он объехал Вологодскую, Архангельскую, Вятскую и др. губернии, в том числе обследовал Ветлугу, Унжу, Галич, Буй. В результате его исследований выявилась достаточно ясная картина истории, расселения и развития языков саамов, прибалтийско-финских и пермских народов. В ходе своих путешествий А. И. Шёгрэн сумел установить границы расселения этих народов, описать основные диалекты, изучил и собрал различные материалы о природе, населении и экономике ряда губерний севера Европейской России. Именно под влиянием А. И. Шёгрена статус финно-угорских исследований был закреплен в Академии наук и получил огромный потенциал для дальнейшего развития. Он подготовил почву для изучения финно-угорских языков М. А. Кастреном. В 1853 – 58 гг. вышли первые тома работы известного финского языковеда и этнолога М. А. Кастрена «Северные путешествия и исследования», подготовленные к печати А. Шифнером. Работа, основанная на результатах путешествия по Северной Европе, Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, состоит из отчетов экспедиций, дневников, писем, этнолингвистических исследований, словаря и грамматики самодийских и неуральских языков (кетского, бурятского и др.)². В 30-е гг. М. Фасмер вновь поднял вопрос о тождестве мери с марийцами. Из тщательно собранного и исследованного ономастического материала ученый доказывал тесное родство языков этих двух этносов³.

¹ Sjögren A. J. Bericht über die wissenschaftliche Reise zur untersuchung der finnischen völkerschaften in Russland // Joh. Andreas Sjögren`s Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. –St.-Petersburg, 1861.– Bd. 1.– S. 71 – 84.

² Castrén M. A. Nordische Reise und Forschungen. – St.-Petersburg, 1853 – 1858, 1862. – Bd. 1 – 12.

³ Vasmer M. Beiträge zur historischen Volkerkunde Osteuropas.III. Merja und Tscheremissen. Berlin. 1935. –S. 507 – 594.

В 1963 г появляется работа классика финской фольклористики Лаури Хонко «Плач поэзии»¹, в которой анализируются особенности финских языческих обрядовых плачей. Автор впервые отмечает, что причитания нельзя рассматривать как обычное выражение горя. По его мнению, похоронные плачи у финнов – это «язык сакрального общения» с усопшими. В 1967 г. немецкий лингвист, доктор Гамбургского университета В. Венкер опубликовал в США работу о финно-угорском субстрате в русском языке². Особая ценность исследования заключается в разработке единого метода сбора и описания данных по топонимике финно-угорских языков и диалектов. В 1986 г. на семинаре в Гамбурге он выступил с работой о финно-угорских диалектах в немецком пространстве³. В 1983 г. появилось исследование М. Витхмана «Финно-угры в работе Августа Людвиг Шлёцера «Всеобщая северная история»⁴. Исследователь рассуждает об особенностях восприятия русской истории иностранцем Августом Шлёцером, о его характеристике финно-угорского этноса и отношении к вопросу происхождения «варягов». Интерес представляет статья Евгения Хелимски «Глоссарий ненецкого языка Мезени и другие лингвистические данные из материалов Шёгрена»⁵. В статье рассматриваются содержание и история двух языковых рукописей из коллекции, которая осталась после Андерса Шёгрена в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге. Автор исследовал механизм работ А. Шёгрена по восстановлению текстов на ненецком языке и нашёл связи с финно-угорскими языками, также принадлежащими уральской группе.

Таким образом, степень изученности темы демонстрирует относительную исследованность отдельных общих проблем и вопросов

¹ Honko L. Itkuvirsirunous // Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki, 1963. – S. 113.

² Veenker W. Die Frage des finnougriichen Substrats in der russischen Sprache, 1967. – 329 s.

³ Veenker W. Die entwicklung der finnougriistik im deutschsprachigen raum Finnisch-Ugrisches Seminar, Universität Hamburg. Hamburg, 1986. – S. 145.

⁴ Weithmann M. W. Fenno-Ugrica in August Ludwig Schlözers «Allgemeiner Nordischer Geschichte» // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1983. – S.175 – 179.

⁵ Evgene Helimski «A Mezeni nenets glossary and other lingvistic data from Sjogren’s papers» //Lingvistica Uralica – Hamburg, 2007. – № 3.

культурного наследия финно-угорского этноса на территории Костромского края. До сих пор в полном объёме не исследованы общие проблемы финно-угорского культурного наследия, в том числе и особенности его регионального развития, т.е. изучаемая нами проблема пока не стала предметом комплексного анализа. Исходя из этого, были определены цель и задачи исследования.

Данное диссертационное исследование имеет *целью* охарактеризовать особенности освоения территории Костромского края финно-угорскими народами и влияние их на культурное развитие исследуемого региона, а также изучение финно-угорского культурного наследия исследователями XIX – первой трети XX вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

– систематизировать и вести в научный оборот ранее неизвестные материалы, отражающие особенности финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края;

– проанализировать работы историков-краеведов по изучению финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края в исследуемый период и влияние их трудов на общеисторическое развитие российской культуры.

– оценить вклад областных историко-археологических съездов в развитие провинциальной исторической мысли;

– дать анализ деятельности Костромской губернской учёной архивной комиссии (КГУАК) по изучению финно-угорских древностей на территории Костромского края;

– рассмотреть практическую деятельность Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) в направлении этнических истоков культурного развития исследуемого региона.

Теоретико-методологическая база исследования. Выбор методов исторического исследования определялся особенностями объекта познания и

сутью исследовательских задач. Настоящая работа основана на принципах историзма и объективности, которые позволили адекватно отразить в работе исторический процесс в его многогранности, увидеть в нем как общее, так и особенное. Предполагается рассмотрение историографических фактов и исторических реалий во взаимосвязи, развитии и критической оценке. Исходя из системного подхода, все явления, события и процессы прошлого рассматриваются как элементы одного целого во взаимосвязи и взаимообусловленности.

Принцип историзма предполагает рассмотрение каждого исторического явления и события во взаимоотношении с другими явлениями, с учетом конкретно-исторических условий и в хронологической последовательности. Данный принцип позволил проследить эволюцию процесса изучения автохтонной культуры края, оценить конкретные факты и явления в историческом контексте развития региона.

На основе глубокого анализа источников и всестороннего изучения поставленной проблемы принцип научности позволяет сделать исследование предельно достоверным. В работе используются общеисторические методы. В основу работы как главный инструмент исследования положен проблемно-хронологический метод, согласно которому исследуемая проблематика рассматривается во временной последовательности с выделением основных проблем изучаемого вопроса. Данный метод применяется в синхронно-диахронном аспекте. Диахронический аспект – требует изложения явлений, фактов, событий мировой и отечественной культуры в хронологической последовательности. Синхронистический – исследование, в т. ч. сравнительное, связанное с изучением объектов в одном выбранном промежутке времени без обращения к исторической перспективе, но с разных сторон. Он применяется при анализе археологических, лингвистических, этнографических и фольклорных материалов на определенном этапе исследования.

Метод периодизации позволяет выделить ряд этапов (периодов) в развитии изучения финно-угорского культурного наследия в обозначенные временные рамки. В качестве критериев временных рамок выдвигаются качественные изменения в процессе изучения исследователями финно-угорского этноса. В отдельных случаях использовался компаративный метод, в частности его разновидность – сравнительно-сопоставительный для раскрытия особенностей славянских и финно-угорских элементов русской культуры. При интерпретации языкового материала использовались лингвоэтнологический метод и описание.

Историко-сравнительный метод положен в основу оценки научного вклада разных поколений учёных в разработку проблем изучения финно-угорских этносов Костромского края; *историко-биографический*, позволяющий показать роль учёных-первопроходцев в становлении и развитии исследуемого научного направления. Для определения достижений отдельных исследователей в изучении исследуемой проблемы потребовалось в некоторых случаях использование метода биографического анализа.

Использование этих методов позволяет объективно оценить теоретическую проблему финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края в исследуемый период.

Теория исследования – в рассмотрении сути глубинных исторических корней такого феномена как многонациональность России, место и роль финно-угров не только как носителей определённой этничности, но и как представителей более широкой историко-культурной общности в развитии Российского государства.

Источниковая база исследования обладает своей спецификой, исходящей из общей концепции работы. Этим обстоятельством обусловлена взаимодополняемость различных групп источниковых материалов: опубликованные письменные источники, архивные материалы (рукописи, письма) и музейные этнографические коллекции.

Основу источниковой базы исследования составил комплекс

документов, которые можно разделить на несколько групп: 1) законодательные акты; 2) делопроизводственные материалы; 3) вещественные источники; 4) статистические материалы; 5) периодическая печать; 6) источники личного происхождения.

К первой группе источников относятся *Законодательные акты правительства*, собранные в Полном собрании законов Российской империи: Положение об Императорской Археологической комиссии, утверждённое 2 февраля 1859 г.¹; Указ Александра III от 1889 г. о предоставлении Императорской Археологической комиссии исключительного права выдачи разрешений на проведение археологических раскопок и обязательного согласования с комиссией и Академией художеств реставрации памятников древности; Временный Устав Императорской Академии художеств². Существенным документом для нашей работы является Положение «Об учреждении учёных архивных комиссий и исторических архивов», утверждённое 13 апреля 1884 г. императором Александром III³. Эти законодательные акты составили правовую базу для изучения финно-угорского культурного наследия.

Вторую группу составляет *делопроизводственная документация*.

Опубликованные делопроизводственные материалы. Логика работы предопределяет их приоритетное значение. Это, прежде всего, документы официального делопроизводственного характера, связанные с деятельностью научных общественных организаций, комитетов, учреждений: отчёты о деятельности, протоколы собраний, официальная переписка, инструкции.

Большой интерес представляет единственный дореволюционный сборник документов, специально посвящённый проблемам сохранения памятников древности «Материалы по вопросу о сохранении древних

¹ Полное собрание законов Российской империи. Второе издание. – СПб, 1859. Т. XXXIV Отд. I, № 34109. – С. 71.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб, 1889. Т. IX. № 5841. – С. 95; Там же. – СПб, 1893. Т. XIII. № 9982. – С. 569.

³ Собрание узаконений. Отдел I. 1 июня 1884 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1885. – Т. IV. – № 2149. – С. 226.

памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом»¹, изданный в 1911 г. и содержащий материалы археологических съездов, документы Московского и других археологических обществ.

Ценные сведения по исследуемой теме содержат материалы археологических съездов. Это, прежде всего, Протоколы заседаний съездов². Важная информация содержится в «Трудах» Всероссийских и Областных историко-археологических съездов. Например, в «Трудах Тверского Областного Археологического Съезда», «Трудах I Археологического Съезда в Москве», «Трудах II Археологического Съезда в Москве», «Трудах IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме», «Трудах КНОИМК», «Трудах VII Археологического Съезда в Ярославле».

Документы региональных организаций представлены отчётами КГУАК, журналами заседаний Костромской губернской учёной архивной комиссии, протоколами заседаний Костромского научного общества по изучению местного края, уставом КНОИМК, а также отчётами Костромского церковно-исторического общества и др.

Привлечение массовых опубликованных источников связано с необходимостью обобщения и осмысления уже опубликованных материалов, поиском фактов, имеющих отношение к финно-угорскому культурному наследию, а также продиктовано самой темой исследования и хронологическими рамками, охватывающими большой отрезок времени.

Значительная часть неопубликованных делопроизводственных материалов содержится в фондах государственных и местных архивов.

Из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) использованы материалы двух фондов: Ф. 342 – Письма И. Д.

1 Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1911.

2 Протоколы заседаний Археологического съезда. Заседания I Отделения: Древности первобытные// Труды I Археол. Съезда. 1869.– М., 1871. Т. I. – С. LXII – XCIII; Протоколы заседаний Второго археологического съезда. Заседание 11 декабря 1871 г. //Труды II Археол. Съезда. 1871. – СПб., 1881. Вып. 2. – С. 28.

Преображенского Ф. Д. Нефёдову¹; Ф. 1455. Личный фонд М. М. Зимина. «Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938 гг.)»². Материалы этих фондов раскрывают методы работы исследователей с вещественными источниками, механизм сбора фольклорного материала.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН) располагает уникальными документами, свидетельствующими о вкладе научных сотрудников Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в разработку проблем финно-угорского культурного наследия. Ф. 94. укомплектован полевыми дневниками, отчётами и рукописями А. И. Шёгрена³.

В Архиве Российского этнографического музея Санкт-Петербурга (АРЭМ) были изучены материалы (Ф. 7.) «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния (копии). Материалы фонда содержат этнографические сведения, собранные на территории Костромской губернии. Из (Ф. 2.) были взяты также материалы о музейной и краеведческой деятельности Н. Н. Виноградова и В. И. Смирнова, а также копия, снятая В. И. Смирновым с рукописи Н.С. Сумарокова «Краткое историческое известие о городе Костроме...». В фондах РЭМ были изучены коллекционные описи, присланные в начале XX в. членами КНОИМК (Н. Н. Виноградовым, В. И. Смирновым и др.)

В фондах Государственного архива Костромской области (ГАКО) изучены материалы Костромского губернского статистического комитета, в частности, его отчёты (Ф. 161). Материалы Костромской губернской учёной архивной комиссии представлены программами областных съездов, их решений, текстами выступлений участников съездов, отчётами о

¹ РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 309. – Л. 1 – 6. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу. 22 марта 1893 – 13 сентября 1895 гг.

² РГАЛИ. Ф. 1455. Оп.1. Д. 1. – Л. 1. Личный фонд М. М. Зимина. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938).

³ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1/1–10. – Л. 1. А. И. Шёгрена.

деятельности КГУАК (Ф.179). Также изучены документы (Ф. 508.) – Костромское научное общество по изучению местного края. Ценные сведения об истории заселения Костромского края финно-угорскими народами находятся в Коллекции литературных, исторических и культовых рукописей и книг (Ф. 558). Интересный материал для раскрытия темы автор извлёк из (Ф. 652) – Преображенский И. Д., историк и археограф, директор музея Костромской губернской учёной архивной комиссии; (Ф. 655) – Н. Н. Селифонтов, историк, председатель Костромской губернской учёной архивной комиссии, крупный административный деятель России; (Ф. Р. 550) – Смирнов Василий Иванович /1882 – 1941/, краевед, председатель Костромского научного общества по изучению местного края.

Из Фондов Церковного историко-археологического музея (ЦИАМ) автор проанализировал рукопись М. Я. Диева «Костромская Вивлиофика 1845 – 1847 гг.»¹, где были сделаны выводы о влиянии финно-угорского культурного наследия на формирование традиций Костромского края.

В Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (ГУК КГИАХМЗ) изучены материалы рукописного фонда².

В коллекционной описи Ш. 3. П. 1. П. 6. малоизученным источником можно считать необработанные анкеты КНОИМК «Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство», где сосредоточен огромный пласт народных верований, традиций, часть из которых принадлежит мерянской и черемисской культуре.

Третью группу составляют вещественные источники. Это в основном музейные коллекции. Они олицетворяют определённое пространство этноса, указывая на творческие и функциональные мотивации изготовителя, и,

¹ ЦИАМ КОК 24738. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.

² КГИАХМЗ. КОК 49347. Казаринов Л. Н. Отчет об археологических разведках у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда в 1924 г.; КОК 49350. Преображенский И. Д. Клады и паны / легенды и предания Костромского края; КОК 49352. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной ученой Комиссии 29 августа 1895 г.; КОК 49353. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

наконец, это вещи связанные с личностью собирателя, руководящегося исследовательской программой и субъективным восприятием изучаемой культуры. В работе представлен 31 предмет из археологических находок, хранящихся в фондах музеев. Были изучены материалы экспозиции Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге¹.

Значительными вещественными источниками финно-угорского происхождения располагает Костромской музей-заповедник (КГИАХМЗ). В фонде «Археология» имеется коллекционная опись² с раскопок 1980 – 1984 гг. Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А. Е. Леонтьева городища конца I тыс. н. э. у деревни Попово Мантуровского района Костромской области (509 предметов). Вещественные источники: бронзовые шумящие подвески с утиной символикой, ножи и другие предметы утвари наряду с письменными, топонимическими и фольклорными материалами используются нами в работе для подтверждения наличия финно-угорской культуры в Костромском крае, что обеспечивает комплексность исследования.

Филиал КГИАХМЗ «Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства» располагает богатым вещественным материалом, найденным во время раскопок мерянских захоронений в 1899 г. Ф. Д. Нефёдовым. Коллекция музея используется при анализе вещественных источников мерянской культуры. Нерехтский краеведческий музей сохраняет вещественные материалы: археологические находки; иконы и скульптурные изображения святых³.

К вещественным источникам мерянской культуры, которые автор изучала в полевых условиях, относятся сохранившиеся остатки мерянских городищ (Плѣс, Галич, Кострома), культовые элементы, например Синий камень в Переяславле-Залесском, описанные в письменных источниках.

¹ РЭМ. Коллекционная опись № 6754. Шуган – верхняя женская одежда и др.

² КГИАХМЗ. Фонд археология. Коллекционная опись. КОК 37808.

³ КГИАХМЗ. КОК 5419 / 5.А – 87 / 5; КОК 15474 / 84. А – 142 / 84 и др.; КОК 17318. Скульптура Св. Николая.

Обследование земель, исконно принадлежавших летописной меря и коллекции музеев, расположенных на данных территориях помогли автору выявить характерные черты и особенности мерянской культуры.

В четвёртую группу входят *статистические материалы*, которые представлены отчётами Костромского губернского статистического комитета: Материалы для статистики Костромской губернии за 1870 – 1891 гг., Костромские календари 1892 – 1906 гг., Памятные книжки Костромской губернии.

Пятая группа источников, самая многочисленная, – это материалы центральной и местной периодической печати, а именно журналы: «Вестник археологии и истории», «Журнал Министерства народного просвещения», «Костромская старина», «Русский вестник», «Живая Старина», «Краеведческие записки», «Отечество», «Российская археология», «Финно-угроведение»; а также газеты: «Костромские губернские ведомости», «Костромские епархиальные ведомости», «Костромской листок» и др. Данный вид источников даёт возможность понять атмосферу тех лет, увидеть основные формы и методы работы археологических комиссий, краеведческих научных обществ, отдельных исследователей в направлении изучения финно-угорского этноса.

Шестая группа включает источники личного происхождения: переписка, дневники, а также фольклорные и литературные источники. В группе источников личной переписки особый интерес представляют письма М. Я Диева к И. М. Снегирёву 1830 – 1857 гг., опубликованные А. А. Титовым в Материалах для истории Императорского общества истории и древностей Российских в 1909 г., а так же письма И. Д. Преображенского, Н. Н. Селифонтова, Д. П. Дементьева. К этой же группе можно отнести труд А. А. Ширского «Из легенд Ветлужского края»¹, где приведены сказы, поверья, отражающие своеобразие культуры края. Очерк П. Зорина «Песни черемис

¹ Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Третий этнографический сборник: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. – Вып. 29.

Ветлужского уезда»¹. Специфика черемисских песен, их шаманские компоненты являются ценным материалом для анализа особенностей культуры Костромского края. В эту же группу можно включить работу С. В. Максимова².

В ходе исследования автор обращался к источникам устного происхождения. Из фондов Костромского областного Дома народного творчества (ОДНТ) при изучении финно-угорских элементов в русских праздниках, использованы сведения информанта Каретниковой Манефы Фёдоровны для анализа празднования Никольщины.

Таким образом, широкий круг использованных источников позволил создать основу для целостного изучения проблемы, акцентировать внимание на вопросах, не получивших ранее должного освещения в литературе.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Освоение территории Костромского края финно-угорскими народами имело особенности. На костромскую меря оказывали влияние другие финно-угорские этносы. Формирование смешанной культуры славянских и финно-угорских этносов.

2. Первая половина XIX в. стала для исторического краеведения временем накопления богатейшего фактического материала, который содержался в отчётах экспедиций, описаниях губерний и уездов и трудах провинциальных исследователей. Этот период также характеризуется появлением первых работ: П. П. Свинына, М. Я. Диева, в которых анализировались вопросы этнического своеобразия Костромского края.

3. Большую роль в изучении финно-угорского наследия играли Губернские статистические комитеты. «Положение о Губернских статистических комитетах» активизировало их деятельность. Начиная с 1860 г. комитеты начинают издавать «Памятные книжки». Изучение финно-

¹ Зорин П. Песни черемис Ветлужского уезда // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1917. – Вып. 8. – С. 41 – 70.

² Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.

угорских древностей нашло отображение в работах А. С. Уварова, который выделил отличительные признаки мерянского населения. Интерес к историческим исследованиям стал проявляться и на государственном уровне. Это нашло практическое отражение в организации историко-археологических съездов и этнографических экспедициях.

4. В 90-е гг. XIX в. планомерное и последовательное изучение истории Костромского края принадлежало Костромской губернской учёной архивной комиссии, активными членами которой были историк-краевед И. В. Миловидов, краеведы Н. М. Бекаревич и И. Д. Преображенский. КГУАК заложила основы для систематической разработки финно-угорской тематики. По инициативе КГУАК стали созываться областные археологические съезды. Благодаря им оформилось научное направление по изучению всего комплекса материальной культуры древних финно-угорских народов, проживавших на территории Костромского края.

5. Открытие Костромского научного общества, которое своей основной целью ставило изучение Костромского края в естественно-историческом, историко-археологическом и культурном плане. К формам изучения финно-угорского культурного наследия КНОИМК можно отнести разработку анкет, программ, сбор археологических и этнографических материалов, издательскую деятельность, создание музейных экспозиций.

Научная новизна характеризуется следующими аспектами:

– прослежена динамика и последовательная смена периодов развития изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края с опорой на общероссийские процессы;

– автором разработана хронологическая периодизация изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края;

– введён в научный оборот большой пласт новых ранее неопубликованных архивных документов (письма, дневники, отчёты о раскопках, анкеты КНОИМК, коллекционные и археологические описи) и на

их основе прослежены особенности финно-угорского культурного наследия в трудах исследователей XIX – первой трети XX вв.;

– проведён комплексный анализ фактологического материала в области археологии, лингвистики и этнографии, характеризующий исследовательскую деятельность историков, археологов, этнографов, лингвистов в отношении культуры автохтонного населения Костромского края;

– уточнены понятия «финно-угорское культурное наследие», «финно-угорские древности», «меря», «чудь»;

– впервые предпринята попытка комплексного рассмотрения финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края.

Практическая значимость. Полученные результаты исследования могут послужить базой для дальнейшей разработки существенных методологических и теоретических проблем истории автохтонного населения и культуры финно-угорских народов, проживавших на территории Костромского края. Обширный фактический материал может быть использован для проведения в вузах спецсеминаров и спецкурсов по общим и специальным вопросам истории Костромского края и истории местного краеведения. Работа представляет интерес для историков, особенно в региональном плане, лингвистов, этнографов, а так же может найти применение в практике музейной деятельности.

Апробация результатов работы. Основное содержание исследования было изложено в докладах: на секции «Третьего Российского культурологического конгресса «Креативность в пространстве традиции и инновации» (Санкт-Петербург, 2010); Международной научной конференции «Прописи на Волге: Костромская земля в отечественной культуре» (Кострома, 2010); Международной научно-технической конференции «Актуальные проблемы переработки льна в современных условиях – 2010» (Кострома, 2010); 1-й и 2-й Межвузовских студенческих научно-просветительских конференциях «Твои века, Кострома» (Кострома, 2009,

2010); Международной научно-практической конференции «Финно-угорское пространство в туристском измерении» (Саранск, 2011); I Международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии «Территория и население стран и континентов: история и современность» (Сыктывкар, 2011); 5-й научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера «Рябининские чтения – 2011» (Петрозаводск, 2011); Международной научно-практической конференции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» (Кострома, 2012), 62, 63, 64 межвузовских научно-практических конференциях молодых ученых и студентов КГТУ (Кострома, 2009, 2010, 2011); Бочковских чтениях (Кострома, 2012); XIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (Ярославль, 2012). Основное содержание работы отражено в 15 публикациях. Общий объем публикаций – 5 п.л., автора – 4,4 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, приложений.

Во введении обосновывается научное значение темы, актуальность, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, обосновываются хронологические и территориальные рамки исследования, даются историографический и источниковедческий обзоры, сформулирована методологическая база и раскрыта научная новизна работы, отмечена практическая значимость исследования.

Глава I. Исследование финно-угорского культурного наследия Костромского края в XIX в.

§1. Особенности освоения территории Костромского края финно-угорскими народами

Наличие финно-угорских элементов с особой очевидностью просматривается на некоторых территориях Центральной России и большей части Поволжья. Это связано с тем, что на данных территориях до начала так называемой славянской колонизации проживали финно-угорские племена, являвшиеся потомками прафинно-угров. Для удобства исследования автор употребляет понятия «*финно-угорские племена*», «*финно-угры*», которые автор использует при цитировании источников. Употребляемые в работе термины *финно-угорские народы, племена, финно-угры* в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона определяются как этнические группы, говорящие на финских языках, живущие чересполосно в Западной Сибири, Центральной, Северной и Восточной Европе¹ (см. Приложение № 1).

В настоящее время на территории Костромского края проживают потомки мари, мордвы и древней народности меря. Для характеристики финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края необходимо обозначить территории, а так же описать финно-угорские народы, земли которых граничили с территорией Центральной России и Поволжья, и которые в связи с развитием хозяйственных отношений и торговли, явно оказывали влияние на формирование русской культуры. К ближайшим соседям отнесем: марийские, мордовские, принадлежавшие к уральской языковой семье (см. Приложение № 2).

¹ Финно-угорские народы [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890 – 1907.
URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения 23.07.2012).

Процесс формирования современных финских, угорских народов был весьма сложен. Уже в XVII в. немецкий учёный Годфрид Лейбниц писал о финно-угорской языковой общности. В настоящее время финно-угорские языки вместе с самодийскими входят в уральскую языковую семью, которая делится: на угорскую ветвь (венгерский, хантыйский и мансийский языки), на финно-пермскую ветвь (коми, коми-пермяцкий и удмуртский), волжские языки (марийский и мордовский), прибалтийско-финскую (карельский, финский, эстонский языки, а также языки вепсов, води, ижоры, ливов), саамов и самодийские языки, внутри которых вычленяются северная ветвь (нганасанский, ненецкий, энецкий языки) и южная ветвь (селькупский). По летописным данным, существовали также финно-угорские языки *меря* и *мурома*, которые в средние века вышли из употребления. В современном финно-угроведении достаточно полно реконструирован мерянский язык, представлявший промежуточное звено между прибалтийско-финскими и мордовскими языками¹.

Костромской край располагается в местности, издревле освоенной финно-угорскими племенами. В период неолита культура ямочно-гребенчатой керамики сменилась прафинно-угорской волосовской. На рубеже III–II тысячелетий до н. э. здесь появилась фатьяновская культура, позднее ассимилированная абашевцами (племенами эпохи поздней бронзы) и поздняяковцами (с VIII в. до н. э. по V в. н. э.). В процессе этих миграций и ассимиляций усилился финно-угорский компонент. В результате смешения культуры финно-угорских местных племён с финно-угорской пришедшей дьяковской культурой на территории будущей Костромской губернии начала складываться марийская народность.

Марийские народы Среднего Поволжья. Исторически Костромская область является территорией проживания марийцев, одного из древнейших народов Среднего Поволжья. В ныне существующих населённых пунктах Старо-Шангское и Кажирово находились столицы марийских княжеств

¹ Цыпанов Е. А. Энциклопедия. Коми язык. – М., 1998. – С. 518 – 519.

Якшан и Шанга. До 1917 г. их называли «черемисы». Название марийцев «мари», «марий» означало муж, мужчина, человек. В 1920 г. была образована Марийская автономная область. Этноним мари заимствован из древнеиранского языка. Впервые марийцы упоминаются в сочинениях историка Готов Иордана в VI в. н. э. под названием «цармис». Что фонетически близко к «черемис». Древние марийцы, по-видимому, имели культурные и экономические связи с другими народами населявшими Среднее Поволжье. Имеются сведения о сборе дани среди народов Среднего Поволжья, подвластных хазарам. В письме хазарского царя Иосифа к министру финансов при испанском халифе Хасан Ибн-Шапруту (около 960 г.н.э.) говорится, что при реке Итиль живут «...многие народы...Булгар, Сувар, Ариец, *Цармис*, Север и Славиун...»¹. Не менее интересны в этом отношении и факты в памятнике древнерусской письменности XII в. «Повесть временных лет». В нём говорится: «На Беле озере сидят весь, а в Ростове-озере меря, а на Клещине-озере меря же; а по Оце, по реце, где потече в Волгу, седят мурома язык свой. А черемиса язык свой»².

В настоящее время марийцы занимают те же земли, на которых они жили издревле. Однако археологические и топонимические данные говорят о том, что марийцы и родственные им финно-угорские племена (мурома и меря) в прошлом занимали более обширную территорию, доходящую с запада до поймы Оки, а с северо-запада – до реки Костромы. Процесс формирования марийской народности археологи относят к середине I тыс. н. э. Он происходил на основе взаимоассимиляции культур Прикамско-уральского (азелинские племена) и Волго-Окского (позднегородецкие племена) бассейнов. На Вятке ассимилирующими явились первые, а на

¹ Гаркави А. Я. Некоторые данные по исторической географии и этнографии России из рукописей, недавно приобретённых Императорской публичной библиотекой // Труды Археологического съезда в России. Отд.2. – Казань: тип. университета, 1884. Т.1.– С.254.

² Повесть временных лет: подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева/ под ред.В. И. Адриановой-Перетц. 1-е изд. Ч. 2. Приложения. – М.; Л., Изд-во Акад. Наук, 1950.– С.10 – 11.

Ветлуге – вторые, они и дали основу для формирования луговых (азелинские племена) и горных (позднегоородецкие) марийцев¹.

С освоением этих мест русскими большая часть марийцев ушла на восток в леса, остались лишь немногие, подвергнувшиеся обрусению. В первой половине XVII в. Правобережье Ветлуги уже было заселено русскими. Существовала д. Шулепниково, которая с 1779 г. стала уездным городом Ветлугой².

Наиболее многочисленной группой населявшей в древние времена Костромской край были племена меря (в некоторых источниках фигурировавшее под более общим названием чудь)³.

Мерянские племена Центральной и Восточной (Костромское Поволжье) территориальных групп. На раннем этапе формирования великорусской народности, в частности первого её ядра – Ростово-Суздальского княжества составляющей будущего народа стали славянские и финно-угорские племена. По заключению В.О. Ключевского современное население русского центра сформировалось под воздействием двух основных факторов – природно-географического, наложившего «глубокий отпечаток как на хозяйственный быт Великороссии, так и на племенной характер великоросса», и этнографического, «ибо чудь, постепенно русея, всю свою массу, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со всеми отличиями, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности»⁴. Под «чудью» древнерусские летописные источники подразумевают разные финно-угорские народы. Чудь трактуется как общее название ряда финно-угорских племён и народов.

¹ Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / под ред. В.И. Лыткина. – М.: Наука, 1976. – С. 3 – 6.

² Березин П. С. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных времен до наших дней// Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней: сост. Варгудин В. И. – Саратов: Надежда, 1996. – С. 21 – 28.

³ В ряде древнерусских источников встречается этноним чудь как обобщенное название финно-угорских племен, проживавших на территории Поволжья и Центральной России.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Курс русской истории / под ред. В.Л.Янина. – М.: Мысль, 1989. Т. 1. Ч. – С.229.

Такое понимание этого термина мы встречаем у Е.А. Рябина¹. Однако большинство учёных считают, что чудь – это собирательное древнерусское название финно-угорских племён и народов прибалтийско-финской группы (воть, весь, сумь, емь). В словаре исторических терминов чудь трактуется как древнерусское название эстов, а также других финских племён к востоку от Онежского озера по рекам Онега и Северная Двина². В 2002 г. чудь внесена как самостоятельная национальность под кодом № 351 в «Перечень национальностей и языков РФ». Большинство жителей, проживающих в Пинежском районе Архангельской области, относят себя к этой национальности.

На территории Центральной России и Поволжья наиболее значительным из финно-угорских племён можно считать племя меря. Меря или меряне – древнее финно-угорское племя, жившее на территории Владимирской, Ярославской, Ивановской, восточной части современной Московской, части Вологодской, и западной части Костромской областей³.

В перечне народов, обитавших по древнему трансконтинентальному пути из Северного Причерноморья в Северную Балтику и Скандинавию называются *Vasinabroncans Merens Mordens*⁴. Историки в них усматривают имена веси, мери и мордвы. Местоположение мери определяется при этом между областью расселения веси и древнемордовскими землями – это Волго-Окский бассейн. Такое размещение мери впоследствии подтверждается и археологическими данными и даёт возможность утверждать, что в I тыс. н. э. существовало мерянское этносоциальное образование с присущим ему особым именем⁵.

¹ Рябинин Е. А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. – Л. 1979.

² Крюковских А. Словарь исторических терминов – СПб.: Лита, 1998.

³ Меря // Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. М. Р. Фасмер. 1964 – 1973. – С. 93.

⁴ Скаржинская Е. Ч. Вступительная статья //Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – М., 1960. – С. 367.

⁵ Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – С.149.

Некоторые районы, населённые мерей, были выделены в особые территориальные единицы в XIII в., которые чаще всего назывались станами, население которых было приписано к какому-либо одному пункту для уплаты даней и оброков. Своё наименование стан получал обычно от названия селения – центра стана или же реки, на берегах которой обитали жители данного стана, и которая служила здесь главным путём сообщения¹. Некоторые из станов, известных по документам XIV – XVI вв., получили своё наименование от этнонима меря. Они назывались Мерскими станами (см. Приложение № 3). Вполне определённые данные имеются о трёх Мерских станах. Один из них находился около Переславля-Залесского к северо-западу от Плещеева озера, по р. Нерли, впадающей в Волгу. Отсюда этот стан в XV – XVI вв. нередко называли Нерльским. Его центром было, по-видимому, с. Мериново на р. Нерли². Население этой местности, сравнительно слабозаселенной и изобилующей лесами и болотами, до недавнего времени имело ряд своеобразных этнографических особенностей³. Другой Мерский стан находился на правом берегу Волги, непосредственно около Костромы, за р. Костромой. Согласно ревизской сказке церковных причтов 1764 г., найденной В. А. Самаряновым, его северо-восточная граница проходила по р. Костроме от с. Мисково до устья, южная – по Волге, от устья р. Костромы вверх на 20 – 25 км, третья, западная граница, замыкающая треугольную по форме площадь Мерского стана, проходила за с. Саметью, у оз. Великое Самецкое⁴. Эта местность с озёрами и протоками, называемая нередко Костромской низменностью, соответствует хозяйству и быту мери. Она часто заливалась в половодье, так что поселения оказывались

¹ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV– XVI вв.– М., 1936. – С.15 – 17.

² Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. – Л., 1929. – С. 44 – 45. Цит по: Третьяков П. Н. На финно-угорских окраинах Древней Руси /У истоков древнерусской народности. МИА, 1970 (179) – С.111–137.

³ Смирнов М.И. По забытым путям Залесья. //Доклады Переславль-Залесск. научн.-просвет. общ. П. Залесский. 1926. – Т. 15.

⁴ Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, эми и других инородцев в пределах Костромской губернии// Древности Труды Московского Археологического общества. – М., 1875. Т. VI. Вып. 1. – С. 48.

на изолированных островах. Среди поселений известна деревня Вежи в северной части Мерского стана, благодаря некрасовскому деду Мазаю. Судя по старым документам и данным последнего времени, территория костромского Мерского стана изобиловала нерусской топонимикой и гидронимией. Крупнейшими сёлами являются здесь Шунга и Саметь, рядом с ними находится деревня Тепра. Имеется оз. Мерское, р. Воржа, р. Касть, р. Соть и др. Ещё один Мерский стан, неоднократно упоминаемый в документах XV – XVI вв., находился на левобережье Верхней Волги около Кашина. Иногда он именовался Мерецким¹. О мерских станах писал М. К. Любавский, – это был когда-то целый инородческий островок среди русского населения².

Дальнейшие исследования отчетливо намечают две территориальные группы меря: центральная, занимающая бассейн верхней р. Нерли, озер Неро и Плещеево и северо-восточная или Костромская группа, включая северную часть Ивановской области³. Центральную меря принято называть летописной, в связи с подтверждением её существования в летописных источниках, приводимых нами ранее. Добавим, что меря упоминается в летописи неоднократно. Например, описывается участие меря в походах князя Олега на Смоленск, Любеч, Киев и Византию в 882 – 907 гг.⁴ Представители «летописной меря» проживали на территориях современного Коломенского г. Москва, г. Переяславля-Залесского, г. Ростова (Сарское городище), г. Ярославля, г. Мышкина и др. Учёные археологи до настоящего времени окончательно не определили многие вопросы, связанные с культурой данного племенного союза. Спорным остаётся вопрос о

¹ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.– М., 1936. – С. 17.

² Любавский М. К. Образование основной государственной территории. – С. 10. Цит по : Третьяков П. Н. На финно-угорских окраинах Древней Руси /У истоков древнерусской народности. МИА, 1970(179) – С.111 – 137.

³ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 244.

⁴ Повесть временных лет. Подготовка текста Д.С.Лихачева / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.–Л.: Изд-во Акад. Наук, 1950. Ч. 1 – 2. – С. 10, 13, 23.

принадлежности меря к дьяковской культуре. Е. И. Горюнова считает, что дьяковские городища, расположенные между реками Угрой, Окой и костромским течением Волги принадлежали предкам мери и их ареал, охватывающий Владимирскую, Ярославскую, Костромскую и северную часть Московской областей, полностью соответствует территории мерянского племенного союза¹. Этому же мнению придерживался К. А. Смирнов², однако, он отмечал, что на позднем этапе в дьяковской культуре появляется балтский элемент. П. Н. Третьяков³, В.В. Седов⁴ склонялись к тому, что только на ранних этапах развития финно-угорских племён в период раннего железа мерянскую культуру можно причислять к дьяковской. В дальнейшем же балтийский элемент культуры мерян усилился. Все из указанных учёных замечают этнокультурную близость мери с финно-уграми Прикамья и Приуралья. В. Ф. Генингом предложен термин «восточный вариант дьяковской культуры»⁵.

Обратимся к характеристике дьяковской культуры как наиболее вероятному типу культуры мерянского этноса для возможности в дальнейшем опираться на её особенности и признаки. Дьяковская культура – археологическая культура раннего железного века, существовавшая в VII в. до н. э. – V в. на территории Московской, Тверской, Вологодской, Владимирской, Ярославской и Смоленской областей (см. Приложение № 4). Своё название дьяковская культура получила от городища в с. Дьяково под Москвой (ныне близ музея Коломенское), исследованного в конце XIX в. Она оформилась на основе культуры раннетекстильной керамики в I тыс. до н. э. Древнейшие городища дьяковской культуры – Старшее Каширское,

¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 44 – 57.

² Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура.– М.: Наука, 1974. – С. 76 – 77.

³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.–Л.: Наука, 1966. – С. 145 – 153.

⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье.– М., 1995. – С.28 – 30.

⁵ Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967. – С. 68 – 70.

Калязинское и др. – относятся к середине I-го тысячелетия до н. э. Они возникли на грани эпохи бронзы и раннего железа, когда совершался переход от охотничье-рыболовецкого хозяйства к скотоводческо-земледельческому. Для защиты стад и запасов зерна от грабежа стали возводиться укрепленные городища, расположенные на крутых речных берегах обнесённые валами и рвами¹.

Дьяковцы по одной из версий пришли из-за Урала и сменили абашевскую культуру (по другим сведениям – фатьяновскую). На смену дьяковцам пришли славянские племена кривичей и вятичей, возможно ассимилировавших дьяковцев².

Духовная культура дьяковцев имела свои особенности. Они хоронили мёртвых в так называемых «домиках смерти». Один из них обнаружен на городище Березняки на реке Волге, близ Рыбинска (Ярославская область), другой на городище близ Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом (Московская область). В этих домах хранились остатки кремации умерших с остатками погребального инвентаря и бронзовых «шумящих украшений». Основными занятиями населения были скотоводство, коневодство и охота.

К I тысячелетию до н. э. относятся и первые образцы изобразительного творчества жителей дьяковских городищ: миниатюрные глиняные зооморфные фигурки и стилизованные человеческие фигурки, своеобразные «пляшущие человечки», среди которых постоянно повторяется образ фигуры с высоко поднятыми вверх руками³ (см. Приложение № 5).

Одним из ярких признаков мерянской общности является, по мнению учёных Е. А. Рябина, П. Н. Третьякова, распространение грунтовых

¹ Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы // Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893 г. – М., 1897. Т. 2. – С. 73.

² Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // Советская археология. – 1994. – №4. – С. 88.

³ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII – XI вв.). Автореф. дис...канд. ист. наук. – М., 1975.

могильников¹. Один из них принадлежал Сарскому городищу – племенному центру ростовской мери. Сарское городище археологический памятник, остатки поселения племени меря, а затем восточных славян, скандинавов и др. (VIII – XIII вв.), на реке Сара близ Ростова, в Ярославской области².

Можно отметить, что мерянские народы центральной группы имели яркие черты материальной культуры, характерные и для всей финно-угорской группировки. Опираясь на классификацию Е. А. Рябина, выделим наиболее значимые из них: *наличие металлических украшений женского костюма, особенно шумящие подвески и зооморфные амулеты; использование захоронений с меридиальной (северной и южной) ориентировкой; расчленение трупов умерших; ярусность курганных погребений; захоронение в «домиках мертвых», иногда погребение «под сводами»*³.

Северо-восточная или костромская группа меря занимала некоторые территории Костромы, Шуи, Плеса, Вохмы, Нерехты, Мантурово, Галича.

Территорию Костромского края во время неолита и в начале I тысячелетия до н. э. заселяли прафинно-угорские племена. В местах костромской низменности было обнаружено несколько исключительно богатых неолитических стоянок, где население группировалось компактно, и, вероятно, принадлежало одному роду. В I тыс. н. э. в Верхнем Поволжье сформировался племенной союз – меря, который граничил с территорией летописной мери: ростовской и владимирской. С другой стороны Костромской край окружён землями, на которых проживали финно-угорские народы: манси, мари, мордва. Влияние этих народов и обусловило формирование особенностей костромской (нелетописной) группы меря.

¹Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей.– СПб: из-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – С. 153.

² Там же.

³Рябинин Е. А. Чудские племена древней Руси по археологическим данным / Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15–17 ноября 1976г. – Л.: Наука, 1976. – С. 94 – 95.

Костромское Поволжье являлось окраинной частью дьяковской территории, и было заселено гораздо слабее из-за неблагоприятных природных условий. Постоянно были заселены земли по Волге, низовья реки Костромы, побережья Галичского озера, отдельные группы в бассейне р. Унжи¹. На Галичском озере известно несколько городищ, например, селище Умиленье у деревни Толтуново, исследованное М. Е.Фосс в послевоенные годы. Здесь были обнаружены следы выплавки железа: стрелы, булавки, перст, нож, топор-кельт и др.² Другой район – костромская низина, ныне залитая водохранилищем. Здесь благодаря работам К. А. Смирнова и Н. Н. Гуриной стали известны не менее 9 памятников раннего этапа дьяковской культуры³. В X – XI вв. на территорию Костромского края стали проникать племена новгородских словен, восточных кривичей. Колонизация края имела два чётко выраженных направления: со стороны Ростово-Суздальского центра с его смешанным русско-мерянским населением и со стороны новгородских земель. Первый поток переселенцев со стороны Суздальской земли двигался через Ивановскую область и осел в южной части Костромского Поволжья. Новгородская колонизация охватила первоначально северные районы области, постепенно распространяясь затем на юг. Интересно отметить, что новгородские словене, пришедшие на финно-угорские земли Поволжья, по всей вероятности уже сами могли иметь финно-угорской компонент, унаследованный от новгородских аборигенов прибалто-финнов. Проживавшее исконно на землях Костромского Поволжья аборигенное население – меря – и после прихода славян долго сохраняло самобытность и тяготение к уральскому культурному центру⁴.

¹ Алексеев С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев и др. – Кострома, 1997. – С. 76.

² Фосс М. Е. Итоги работ Галичской экспедиции // КСИИМК – М. Вып. XXVI. 1949. – С. 35 – 36.

³ Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 76 – 77.

⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 240.

Необходимо отметить два вида колониционных потоков: во-первых, – это стихийный отход из южных княжеств Руси крестьян земледельцев, искавших плодородные почвы. Во-вторых, централизаторская деятельность русских князей в XII – XIII вв., возникновение залесских городов и распространение дани¹. Славянская колонизация оказала значительное влияние на формирование смешанной культуры славянских и финно-угорских этносов.

По свидетельству учёных (Е. А. Рябинин, Е. И. Горюнова, А. А. Алексеев, А. Е. Леонтьев) культура финно-угров Костромского Поволжья значительно отличалась от материальной и духовной культуры летописной мери и по ряду признаков сближается с чудским населением севера, северо-запада и северо-востока. Культурный облик костромской группы меря близок Ветлужской группе мари, с которой она находилась в непосредственном контакте. Сейчас можно говорить более определённо, что мерянского население не было единым, но представляло собой, видимо, обширный племенной союз, делившийся подобно мордве, чувашам и марийцам, на ряд родственных между собой групп, различавшихся отдельными деталями одежды и говоривших, возможно, на различных диалектах одного мерянского или «мерьского» языка.

Опираясь на исследование археологов А. Е. Леонтьева, Е. И. Горюновой, Е. А. Рябинина мы можем выделить характерные черты Северо-восточной мери Костромского Поволжья.

Характерна малочисленность погребений в курганных группах. Курганы в Костромском крае появляются в XII в.² В основном встречаются незначительные размеры погребальных памятников, которые говорят о малодворном характере поселений, часто это всего одна семья. Такие могильники расположены в местах расселения одиноких усадеб «починок на

¹ Насонов А. Н. Русская земля и образование Древнерусского государства. – М.: АН СССР, 1951.– С. 187 – 188.

² Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – С. 188.

лесных рощистях»¹. Однако, существуют сгустки могильников на трёх территориях: западной (костромской), восточной (кинешемской), центральной (колдомо-сунженской).

Для *западной территории* (костромской) характерны насыпи с поверхностными каменными конструкциями, венцы из валунов по основанию курганов. Все могильники расположены на возвышенностях, чаще всего на берегах рек. При захоронениях применялась северо-западная ориентировка погребений, традиция хоронить умерших с руками, сложенными на животе. Местной традицией был обычай приношения заупокойных даров – зооморфных и шумящих подвесок. В *центральной районе* менее заметны следы новгородского присутствия. Здесь сконцентрированы полусферические и крутобокие сопковидные насыпи. Нагрудные и шейные украшения здесь часто служили привесками к височным кольцам. Верх кожаной обуви снабжался металлическими кольцами². Применялось погребение умерших головой на юго-запад, со сложенными на груди руками. Для *восточной территории* присуща овальная форма могильников, иногда удлиненная. Часто использовались подкурганные срубные конструкции и погребения под глиняными сводами³. Погребения имели восточную ориентировку и традицию расчленения умерших.

Как уже отмечено, одной из типичных черт мерянских поселений дяковской культуры считаются так называемые «домики мёртвых» – небольшие наземные (на невысоких столбиках) деревянные сооружения, в которых были найдены обожжённые человеческие кости и наборы инвентаря. Хоронившие соплеменников под курганами славяне не могли не

¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 94. – С. 222.

²Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – С. 192.

³ Горюнова Е. И. Указ. соч. – С. 222.

отразить в своём фольклоре странный, по их представлениям, обряд погребения соседей-дьяковцев. В повести «О начале Москвы» сделан вывод о том, что один из князей, спасаясь в лесу от сыновей боярина Кучки, укрылся в «срубe», где был погребён «некоторый мёртвый человек»¹. «Дома мёртвых», по свидетельству одного из авторитетнейших исследователей финских древностей К. А. Смирнова, известны ещё в дьяковской культуре².

В Костромском Поволжье, как вариант «домика мёртвых», преобладает «погребение под сводом». Так называемая «заливка» впервые отмеченная Ф. Д. Нефёдовым, позднее Е. И. Горюновой и Е. А. Рябининым считается одним из ярких элементов субстратной финно-угорской культуры³.

Интересно, что *погребение «под сводами», характерное для восточной и отчасти центральной группировок, является совершенно оригинальной чертой костромских курганов.* Своеобразная твёрдая «заливка» в виде свода покрывала верхнюю часть или всё тело умершего. Свод этот делался из теста, замешанного из глины, извести и песка. За два года раскопок Ф. Д. Нефёдовым⁴ зарегистрировано 75 погребений под сводом, что составляет примерно около 18% общего числа раскопанных им курганов. Ничего похожего на подобную заливку в погребениях других славянских могильников нет. По свидетельству Ф. Д. Нефёдова, заливка из смеси глины, извести и песка была им встречена в основном в Костромском Поволжье. Археологические раскопки Ф. Д. Нефёдова позволяют сделать следующие выводы: почти все курганы со сводом (66 случаев из 75) содержали женские погребения; в 51 случае среди могильного инвентаря имелись зооморфные и другие «шумящие» подвески, носившиеся мерянскими женщинами в

¹ Цит. по: Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. – М., 1987.

² Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры // Российская археология. – М. – 1990. – №2. – С. 58.

³ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 227, 233, 235; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – С. 46.

⁴ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т. 3. – С. 161.

качестве поясных и нагосных украшений; в 11 случаях со «сводом» сочеталась ориентировка погребений на Восток и Север при преобладающей у славян ориентировке погребений на Запад («на заход»). При этом важно, что курганы с ориентировкой погребений на Восток и Север составляли иногда особые группы (напр., у с. Студенец Кинешемского района); иногда (9 случаев) курганы с погребениями под «сводом» располагались не в группе, а несколько поодаль от нее, особняком. Таким образом, можно предположить, что погребения «под сводом» принадлежали не славянам, а обрусевшей мере. Процент женских погребений, в этой связи, очень показателен. Женщина, входившая в качестве жены в русскую семью, продолжала носить мерянский костюм, в котором её и погребали по обычаям её рода¹.

Следует отметить, что единый характер материальных элементов мерянского населения Костромского Поволжья указывает на сложение к XI – XIII вв. общей материальной культуры. К местным элементам этой культуры относятся: проволочные височные кольца с завитком на одном конце, ставшие ведущей формой украшений головного убора Костромского Поволжья; *каркасные подвески с круглым основанием и шумящими привесками; колечковые и многоспиральные подвески; бронзовые копоушки; цепочки из литых цилиндрических бусин; зооморфные амулеты (полые «коньки-птицы» или «барашки», пластинчатые двуглавые коньки, пластинчатые шумящие уточки)*².

Основываясь на материалах исследования погребальной обрядности Е. А.Рябина, выделим финно-угорские элементы в составе древнерусской культуры во второй половине XI – XIII вв.³

¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 233 – 234.

² Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – С. 194.

³ Там же.

1. К субстратным чертам погребальной обрядности относятся проявления меридиональной направленности трупоположений.
2. Ритуальное погребение коней и их частей рядом с умершим. Эта традиция характерна и другим волжско-финским племенам.
3. Наличие одиночных погребений с оружием, ножами и одновременно с женскими украшениями. Подобная традиция характерна для мордвы.
4. Наличие глиняных сводов над захоронениями (ареал Владимирских курганов и курганов Костромского Поволжья).
5. Комплекс мерянских женских украшений, присутствующих в древнерусских могильниках: *проволочные височные кольца с втулкой на одном конце, наборные треугольные коньковые подвески, шумящие перстни с привесками; спиральные перстни и браслеты, которые вероятно отражают процесс взаимодействия мери с западными соседними финно-угорскими племенами; как элемент финно-угорской культуры в Приладожье и Костромском Поволжье XII – XIII вв. известны игольники горизонтальные с привесками-бубенчиками, служившими «для отпугивания зла»¹.*

Религиозные представления костромской мери имеют свои особенности. Опираясь на мнение учёных Е. И. Горюновой, Е. А. Рябина, выделим характерные черты религиозных представлений мерян. Во-первых, отмечается наличие материализованных символов божества: человекоподобные изображения идолов или антропоморфные фигурки. Во-вторых, обнаруживаются элементы шаманства в форме «волхования», встречаются материальные аксессуары шаманских действий. В-третьих, для мерянских территорий характерно наличие капищ – закреплённых мест для моления. В-четвёртых, присутствуют стойкие тотемические представления: встречаются зооморфные фигурки-обереги, зооморфные изображения и символы (конь, водоплавающие птицы, змея, медведь).

¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 96 – 101.

Таким образом, костромская меря, вполне родственна летописной, но в связи с влиянием на неё других финно-угорских этносов, территориально близко расположенных, например мари, имела свои особенности.

§ 2. Первая половина XIX в. – период сбора и анализа материалов о финно-угорских народах

Историю изучения финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края уместно начать с обращения к работам первых историков, в которых развернулась полемика по двум основным вопросам ранней истории города: происхождение названия города, его связь с древним мерянским населением и место проживания первых костромичей.

Во второй половине 70-х гг. XVIII в. в Костроме появился один из самых значительных трудов провинциальной исторической мысли начального периода «История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым»¹. В своей работе Н. С. Сумароков, размышляя о местоположении города, четко указывал на место его основания «..при устье безымянной речки, впадающей в Волгу» которое, по его мнению, весьма понравилось Юрию Долгорукому². Речь идёт о месте слияния рек Волги и Костромы. Автор считал, что река позднее была названа Костромой в честь города.

Обращает на себя внимание замечание автора об этническом составе населения: «...от всюду к населению сего города стекалось множество народа, даже болгар, мордвы, венгров» – это связано с немалыми суммами, выделенными на построение города из казны. Как видим, отмечен *финно-угорский компонент* в составе автохтонов. Интересным для нас является

¹ КГИАХМЗ. Рукописный фонд. КОК 1273. Сумароков Н. С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии [рукописная копия]. Л. 4. В ОР РЭМ сохранилась копия, снятая В.И. Смирновым с рукописи Н.С. Сумарокова «Краткое историческое известие о городе Костроме...» Ф.– 2. Оп. 2. Д. 73. – Л. 4.

² Там же. – Л. 4.

фрагмент текста Н. С. Сумарокова о происхождении названия города Костромы. Автор, опираясь на мнение В. Н. Татищева, объяснял, что имя города произошло «...от находящегося в Ливонии ...замка Костр или Кострум, которая страна в то время была под властью великого княжения»¹. Ливония – это историческая область в северной Прибалтике. Названа германскими рыцарями-крестоносцами по имени одного из проживавших в то время на этой территории финно-угорских племён – ливов.

Таким образом, первая версия о происхождении названия города опирается на финно-угорскую трактовку. В связи с этим, если встать на позицию Н. С. Сумарокова в отношении этимологии названия города, то можно предположить, что присвоенное городу имя с финно-угорским корнем было близко и понятно местному населению, этнический состав которого был большей частью финно-угорским (племя меря); при этом именователи города при выборе названия могли учитывать этническую принадлежность населения².

В 1792 г. вышла работа Ивана Васькова «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым»³. Это целостное и законченное сочинение принято считать одним из самых первых исторических и историографических описаний Костромы. Относительно этнического состава населения И. Васьков новых версий не предложил, лишь обобщил уже известные мнения.

¹КГИАХМЗ. Рукописный фонд. КОК 1273. Сумароков Н. С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии [рукописная копия]. Л. 4. В ОР РЭМ сохранилась копия, снятая В. И. Смирновым с рукописи Н.С. Сумарокова «Краткое историческое известие о городе Костроме...» Ф.– 2. Оп. 2. Д. 73. – Л. 1.

² Исследователь А. А. Севастьянова отмечает новый подход Н. С. Сумарокова к историописанию, который отличает обширные источниковые материалы с точными ссылками, анализ трудов других историков, попытки построить периодизацию истории края. Севастьянова А. А. «Любезным моим согражданам...» Первый костромской историк Николай Сумароков //Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. – Кострома, 1995. – Вып.3. – С. 105.

³ Васьков И. К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым. М.: Б.и., 1792. 64 с.; Описание Костромского наместничества вообще. Рукопись. 1792. // Санкт-Петербургский филиал Института отечественной истории Российской Академии наук. Архив. Коллекция 115. № 603.

К началу XIX в. сформировались методологические принципы финно-угроведения, основанные на гипотезе Готфрида Вильгельма фон Лейбница о языковых семьях¹, учении Иоганн Готфрид Гердера об этнической самобытности. Обращение к «народной идее», народному творчеству, традициям живой старины было присуще романтическому сознанию первых исследователей этнографического финно-угроведения².

К этому времени интерес к отечественной истории, в том числе местной стал вполне очевидным. Академией наук были организованы экспедиции внутри страны с целью естественно-географического, архитектурно-этнографического изучения. Появились краевые описания, часто справочного характера: Е. А. Болховитинова («Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», 1800 г.), Е. Ф. Зябловского («Статистическое описание Российской империи в нынешнем её состоянии», 1815 г.), Н. В. Станкевича («Статистическая записка о Москве», 1832 г.) и др.

В первой половине XIX в. заявили о себе научные общества. Отечественные древности активно изучались в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете – это первое научное историческое общество в Российской империи для изучения и публикации документов по русской истории, основанное в 1804 г. В него вошли преподаватели университета, а также историки, архивисты и археографы Н. М. Карамзин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, А. И. Мусин-Пушкин и др. Общество издавало «Чтения в Обществе истории и древностей российских». В 1820 г. был создан Румянцевский кружок, который имел тесные контакты в различных губерниях с любителями истории своего края. В 1834 г. впервые была открыта Археографическая комиссия при департаменте народного

¹ Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф.Ильичева и др., М.: Советская Энциклопедия, 1983.

² Загребин А. Е. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – начале XX вв.: история, теория и практика: автореферат дис. к. и. н. – Чебоксары, 2009.– С. 10.

просвещения в Санкт-Петербурге, на которую были возложены обязанности по выявлению и изданию исторических источников по русской истории с древнейших времён до конца XVII в. В 1834 г. при Совете Министерства внутренних дел учреждается особое Статистическое отделение по описанию России, затем появились губернские статистические комитеты, в том числе Костромской губернский статистический комитет в 1835г.¹ В журналах заседаний Костромского статкомитета отражена основная их деятельность по сбору и обработке материалов по Костромской области. К сбору сведений привлекались благочинные церкви, становые приставы, волостное правление². Предназначенные для сбора и обработки местного материала, они вели также исторические и этнографические обследования, а с 1850 гг. повсеместно издавали «Памятные книжки»³. По мнению К. Е. Балдина: «Главная заслуга статистических комитетов середины XIX века заключалась в том, что они сформировали краеведческий актив в российской глубинке, который действовал и в последующие годы, когда статкомитеты уже утратили своё значение»⁴. Уже к 1850 г. в 44 губернских городах появились «Губернские ведомости», публиковавшие краеведческие материалы. В 1845 г. было открыто Русское географическое общество, которое в 1848 г. разослало по всей России этнографическую программу по описанию быта России, где были вопросы относительно народных преданий и памятников. Общество создавало свою сеть корреспондентов в разных губерниях. В ответ на запрос по программе Общество получило 1990 рукописей. Этнографическая программа стала для развития краеведческой идеи в России рубежным моментом, резко активизировав интерес к подготовке описаний

¹ ГАКО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2. Губернский статистический комитет.

² Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 5 июня 1868 г. – Кострома: Губернская типография, 1868.

³ Романова С. Н. Глуховская И. И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информации (XVI в. – 1917 г.) // Вестник архивиста. – № 46 –50; Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Предварительный список.– СПб: Дм. Буланин, 2008 .

⁴ Балдин К. Е. Купцы-краеведы: страницы истории изучения Ивановского края // Борисовский сборник. Вып.1. – Иваново: Изд. дом Референт, 2009. – С. 18.

отдельных уездов, которые стали появляться с начала 1840-х гг. Это работы, являвшиеся «историей» или «описанием»: Ф. Х. Киссель «История города Углича»¹, И. Д. Троицкий «История города Ярославля»² и др.

По мнению А. М. Селиванова, первая половина XIX в. стала для исторического краеведения временем накопления богатейшего фактического материала, который содержался в отчётах экспедиций, описаниях губерний и уездов, ответах на многочисленные анкеты-запросы, рассылавшиеся на места различными ведомствами, в трудах провинциальных исследователей³.

Начало XIX в. по изучению финно-угорских народов Костромского Поволжья можно назвать периодом активной исследовательской работы отдельных авторов: Павла Петровича Свиньина и Михаила Яковлевича Диева. Работы этих авторов отражали идеалы развивающегося в этот период направления – романтизма. Как известно, романтики стремились ко всему необычному, отвергая повседневную жизнь современного цивилизованного общества как бесцветную и прозаическую. Их привлекали народные предания и народное творчество вообще, минувшие исторические эпохи. Их интересовали необыкновенные и яркие картины природы, жизнь, быт и нравы стран и древняя история своего народа. Впервые исследователи описали финно-угорский мир Костромского края, используя этнографию, фольклор Костромы, Галича, Нерехты.

Павел Петрович Свиньин⁴ большое внимание в своём журнале «Отечественные записки» уделял истории родного Костромского края. В 1830-е гг. П. П. Свиньин подготовил к изданию книгу «Картины России и быт её разноплеменных народов»⁵, которая написана в духе романтических

¹ Киссель Ф. Х. История города Углича. Ярославль: губернская типография, 1844.

² Троицкий И. История губернского города Ярославля. – Ярославль: типография губернского правления, 1853.

³ Селиванов А.М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – С.102 – 103.

⁴ П. П. Свиньин родился в 1787 г. в усадьбе Ефремово Галичского уезда Костромской губернии в семье отставного лейтенанта флота Петра Никитича Свиньина.

⁵ Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных её народов. – СПб: типография Н. Греча, 1839. Ч.1.

традиций начала XIX в., где автор живо изобразил «картинки» из жизни местного населения, привлекая фольклорный и этнографический материал.

В книгу вошёл и очерк «Галич», в котором П. П. Свиньин говорил с полной уверенностью о принадлежности галичского населения к финно-угорскому этносу. «Нет никакого сомнения, что Галич лежит на земле *мерячей*, народа некогда могущественного. В Галиче удержался язык *Мерячей*, известный под именем Елманского, и некоторые урочища, сёла и города. В Костромской губернии носят ещё названия, данные первобытными обладателями сих стран, как то реки: Нея, Шуя, Андоба, Идоса, Кусь, озера: Неро, Нико, Рамин; села Шебано, Емена, Юхоть, Кледем, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома, и проч.»¹. В вышеуказанном труде он выделил значительную группу топонимов субстратного происхождения. Позднее учёные подтвердили сведения П.П. Свиньи́на и сделали попытки пояснить этимологию этих названий, путём сопоставления с другими финно-угорскими языками².

Дополняют представления о финно-угорском прошлом Галичской земли этнографические артефакты культуры, предложенные П. П. Свиньи́ным в очерке «Галич». В названной работе Свиньин П. П. приводил местное предание о том, что на Поклонной горе (по Архангельской дороге) располагалась *кумирня мерячей*, в которой поклонялись идолу Яриле³.

Интересно, что автор указал на наличие «кумирни мерячей», а имена идолов употребил славянские: Ярило и Купава. Это обстоятельство подтверждает взаимовлияние культур и слияние культовых традиций, на что обращал внимание и историк В. О. Ключевский. «Сохранились взаимодействия русских пришельцев и финских туземцев в области религиозных поверий. То и другое племя нашло в своём мифологическом

¹Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Ч.1. (с иллюстрациями автора). – СПб: типография Н. Греча, 1839.– С. 170.

²Ткаченко О. Б. в своей монографии дополнил список, предложенный Свиньи́ным П. П., и сделал попытку системной реконструкции мерянского языка. Ткаченко О.Б. Мерянский язык.– Киев: Наукова думка, 1985.

³Свиньин П. П. Указ. соч.– С. 174.

созерцании подобающее место тем и другим верованиям, финским и славянским, языческим и христианским. Боги обоих племён поделились между собою полюбовно: финские боги сели пониже в бездне, русские повыше на небе, и так, поделившись, они долго жили дружно между собою, не мешая одни другим, напротив, даже, – умея, ценить друг друга. По мере сближения обоих племён это различие, очевидно, всё более сглаживалось в сознании смешанного населения, образовавшегося вследствие этого сближения»¹.

Описывая Туровскую гору² на противоположном берегу Галичского озера, П. П. Свиньин отметил: «Нет сомнения, что это название уцелело ещё от первобытных народов, имевших на вершине исполинского кургана языческую кумирню»³.

Кроме того, в данном очерке П. П. Свиньин оставил зарисовки с натуры костюмов галичанок за 1838 г. Особый интерес представляют головные уборы в виде высоких конусообразных или ромбовидных кокошников на широкой подвязке, закрывающей лоб и волосы галичанок, зарисованные П. П. Свиньиным⁴. Это тип однорогого кокошника. Кокошники украшены камнями и узором, дополняют костюм длинные серьги, напоминающие мерянские шумящие подвески. Убор отличается закрытостью головы, что соответствует финно-угорским традициям.

П. П. Свиньин был первым, кто попытался подойти к анализу финно-угорских традиций через сопоставление с топонимическими данными, местными верованиями, бытовыми особенностями.

В 40-х гг. XIX в. продолжается изучение истории г. Костромы, её основания и народонаселения. В 1840 г. вышел в свет труд костромского и

¹ Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти т. Курс русской истории /под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. 1. Ч. 1. – С. 297.

² В 1923 г. Галичскую стоянку (XIII – VIII вв. до н. э.) у с. Туровское исследовали Л. Н. Казаринов и В. И. Смирнов и подтвердили предположения П. П. Свиньины о древности галичской культуры.

³ Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Ч. 1. (с иллюстрациями автора). – СПб: типография Н. Греча, 1839. – С. 174.

⁴ Там же.

вичугского краеведа, фольклориста, писателя князя Александра Дмитриевича Козловского «Взгляд на историю Костромы»¹. Александр Дмитриевич Козловский происходил из древнего княжеского рода, ведущего свое начало от князя Рюрика. Ему принадлежало костромское имение в селе Борщовка на Волге. На гражданской службе он был предводителем дворянства г. Плеса, а затем г. Кинешмы. На чрезвычайном заседании «Общества Истории и Древностей Российских» 8 марта 1829 г. Александр Дмитриевич был принят членом-соревнователем в это общество². Из фольклорных записей А. Д. Козловского широкую известность получили собранные им свадебные песни, напечатанные в сборнике «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» под редакцией профессора И. М. Снегирева.

В 1840 г. А. Д. Козловский познакомился в Костроме со священником Михаилом Яковлевичем Диевым – известным исследователем костромской старины. В 1842 г. Козловский написал М. Я. Диеву письмо и послал экземпляр своей книги «Взгляд на историю города Костромы». Но только что начавшаяся переписка неожиданно оборвалась. В 1845 г., находясь на службе в г. Юрьевце в должности уездного судьи, А. Д. Козловский скончался.³

Его работа «Взгляд на историю города Костромы» впоследствии послужила фундаментом для многих историко-краеведческих работ, стала основой для Памятной книжки на 1862 г., отражена в «Материалах для географии и статистики России. Костромская губерния» Я. Крживоблоцкого⁴. А. Козловский указывал на наличие мерянского населения в Костроме, вместе с тем его суждение о принадлежности мерян славянскому этносу было ошибочным. Он писал: «Страна, занимаемая теперь Костромою, вероятно обитаема была народами славянского поколения, именовавшимися

¹ Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М.: тип. Н. Степанова, 1840.

² Титов А. А. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. – М., 1892. – С. 24.

³ Любимов А. А. Народные праздники, поверья и предания сельских жителей Костромского Поволжья. Фольклорный сборник, 2000// http://vichuga-hronograph.narod.ru/Folk01/Lubimov_text.htm.

⁴ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – СПб., 1861.

мера»¹. Отметим, что первые работы по истории Костромского края отличались весьма низким уровнем, поскольку были написаны не профессионалами, а любителями.

В 1846 г. вышла в свет одна из первых работ Михаила Яковлевича Диева, посвящённая этнографии, традициям Костромского края – «Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда»². М. Я. Диев – историк и краевед, священнослужитель, активный член Московского общества любителей российской словесности, Московского общества истории и древностей российских. Вся жизнь Михаила Яковлевича прошла на Нерехтской земле. Многие из его исследований посвящены изучению старины и быта Нерехтского уезда Костромской губернии.

В данной работе М. Я. Диева содержатся интересные этнографические сведения о некоторых местных традициях, например, о бытовании кокошников в качестве свадебного головного убора. М. Я. Диев писал, что в Нерехтском уезде (в первой половине XIX в.) после венчания молодой подавали на блюде кокошник, приговаривая при этом: «Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!»³. Речь идёт о головном уборе, известном и сегодня под своим древнейшим названием – кокошник. Название имеет финское происхождение: «кёкко» – «курица», «кокош» – «петух»; старофинский термин применительно к домашним птицам использовался наряду с привычными сегодня русскими как минимум до XVII в.⁴, а в поговорках он сохранился и по сей день – подобно тому, как до сих пор используется в провинции термин «кока» (родная сестра матери или крёстная мать). Курица была у финских народов особо почитаемой птицей за её плодовитость, и такая ассоциативная привязка должна была способствовать выполнению женщиной в обществе её

¹ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. – Кострома: Губернская типография, 1885. – С. 1.

² Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // ЧОИДР.– М., 1846.– № 2.

³ Там же.

⁴ Подтверждение финской основы и обоснование названия кокошника даёт современный историк, археолог П. Н. Травкин, исследуя плёсские костюмы. Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 229 – 230.

главной репродуктивной роли. В финских материалах Верхнего Поволжья, в древних погребениях и иных археологических комплексах, имеются доказательства наличия кокошников¹.

Ценным письменным рукописным источником личного происхождения, отображающим обряды, традиции Нерехтского края Костромской земли является переписка 1830 – 1857 гг. М. Я. Диева с И. М. Снегиревым. Впервые переписка была опубликована только в 1909 г. Ввёл её в научный оборот после смерти М. Я. Диева ростовский краевед, также член Общества истории и древностей Российских А. А. Титов, опубликовавший значительную часть переписки и воспоминания, написанные М. Я. Диевым².

Секретарь Московского общества истории и древностей российских, русский историк, этнограф, фольклорист, археолог, искусствовед, член-корреспондент Петербургской Академии наук И. М. Снегирёв (1793 –1898 гг.) оказал весьма сильное влияние на Михаила Яковлевича Диева. Об этом можно судить по их многолетней переписке, которая длилась с 1829 по 1857 гг. М. Я. Диев помогал И. М. Снегиреву в подготовке его работ: «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» и «Русские народные пословицы и притчи»³. Эта переписка интересна для нас тем, что содержит конкретные данные о характерных нерехтских традициях, обрядах и фольклоре. Она является авторитетным источником для изучения межкультурных взаимодействий финно-угорских и славянских этносов, проживавших в Нерехтском крае. Описав современные ему православные праздники и обряды, М. Я. Диев вскрывал отголоски древнейших форм

¹ В непосредственной близости от Плеса обнаружены следы кокошников среди остатков костюма VII в. на Алабужском городище. Травкин П. Н. Древний костюм Ивановского края. Раннее средневековье. – Иваново, 1999. – С. 34 – 35.

² Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857. – М., 1909. – С. 64.

³ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М. Университетская типография, 1839. Вып. 4.

верований и черты архаических религиозных систем, уходящих корнями в финно-угорские и славянские мифологические представления.

М. Я. Диев в переписке сопоставлял нерехтские свадебные обряды и мордовские. При описании нерехтской свадьбы, рассказывая о покупке дружкой места за столом для свахи, М. Я. Диев отмечал: «Купивши место, дружка кладет под жениха и невесту *овчину шерстью вверх*, а отец невесты, взявши большой пирог со стола, оным касается жениха и невесты и их сажает обоих вместе»¹. М. Я. Диев уточняет: «Этот обряд, и у Мордвы только с тем различием, что там отец женихов, концом пирога поднимает у невесты покрывало, говоря: будь счастлива к хлебу, скотине, семье»².

Мордовская свадьба также сопровождалась подобного рода обрядами, например, раздачей хлеба матерью жениха родственникам невесты перед отъездом из родительского дома. Описание мордовской свадьбы встречаем у П. А. Мельникова-Печерского в его работе «Очерки Мордвы»³. Происходил обряд обмена хлебами. Во время свадьбы имел место обычай корения жениха и сватов⁴.

Заслуживает внимания на наш взгляд упоминавшаяся М. Я. Диевым, традиция сажать жениха и невесту на шкуру животного. Можно предположить, что данный обряд связан с культом животных, в частности с культом медведя – особо почитаемого у финно-угров. Этот ритуал повторяется во время церемонии несколько раз. Упоминание данного обычая мы встречаем и у А. В. Терещенко при описании костромской свадьбы. «При праздновании девишника садился жених с невестой на *мохнатой шубе*, для изгнания чар и порчи. Перед поездом в церковь садился жених с невестой

¹Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857. – М., 1909. – С. 90.

²Там же. – С. 91.

³ Мельников-Печерский П. А. Очерки Мордвы / Русский вестник. – М. – 1876. № 6; № 9 – 10.

⁴ Козлова Т. А. Материальные компоненты традиционной мордовской культуры в мордовском фольклоре: историко-этнографическое исследование: дис... канд. ист. наук – Саранск, 2004.

рядом на какой-нибудь *мех*»¹. В церкви, во время венчания, постилали молодым под ноги *камку* или *ковер*. «При входе в дом каждый из молодых старался первым встать на *ковёр*. Кто первым встанет, того будет власть»². Здесь просматривается и пожелание молодым достатка от охоты, и, конечно же, покровительство священных животных. После свадебного застолья тысяцкая, надев на себя две *шубы*: одну – как должно, другую навыворот, осыпала молодых и кормила их жарким на постели³. Сваха в шубе навыворот пугала невесту и перед свадьбой. Это явное упоминание культа медведя. Интересно, что в русском фольклоре Верхнего Поволжья сохранились пережитки этого мотива: ряженые медведями на свадьбах валили девушек на пол, мазали их сажей, а сама невеста именовалась *медведицей*. Меря, населявшие нерехтские земли, как и мордва, были известными охотниками, а потом и скотоводами и без сомнения в ритуале проявляется упоминание об этом⁴. Подобное межэтническое сопоставление характерно и для культа Велеса, который распространен на мерянских и мордовских территориях. М. Я. Диев писал, что в Ростове и Переяславле его «чтили в камне», то есть изображали в виде большой каменной глыбы. «...почитаю не излишним заметить, что у нынешней Мордвы, потомков Ростовской Мери, переселившейся за Оку и смешавшейся с Мордвою, доселе языческий праздник, совершаемый Мордовцами летом, называется Вел-Осос. У нас в 2 верстах от Нерехты под деревнею Иголкиной среди реки Нерехты есть странный *камень*, видом как бочка ведер в двадцать пять и как бы с насеченными обручами; простой народ рассказывает, что те, кои осмеливались пить воду близ этой бочки, впадали в сумасшествие. Этот камень на самой дороге, где переезжают реку, и я молодой несколько раз

¹ Терещенко А. В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2007. – С. 163.

² Там же. – С. 164.

³ Там же.

⁴ Современные исследователи Рыбаков Б. А., Ломшина Е. Н., Петрухин В. Я. отмечают, что культ Велеса – «скотьего бога», часто сблизается с культом медведя как «хозяина» животных. Поэтому молодых чаще всего и сажали на шкуру медведя. Ломшина Е. Н. Праздничная культура мордвы /Регионология.– Саранск: из-во МГУ им. Н. П. Огарева. – 2008. – №2.

проходил мимо его; не Велес ли наших Нерехтчан?»¹ Поклонение камням принято связывать с наследием древних финно-угорских народов. У синих камней меряне устраивали сходы, моления, жертвоприношения (хлеб, плоды, ягоды). Это были своего рода святилища, как и родники, священные рощи² и т. д. Факт почитания языческих богов, воплощённых в камне на территории Костромского края впервые отмечен М. Я. Диевым³.

В переписке интересны выводы, которые касаются сходства погребального обряда у финно-угорских народов. М. Я. Диев писал: «К доказательствам, что нравы нынешней Мордвы сходны с жителями Костромской, Ярославской и Владимирской губернии осмеливаюсь присоединить и то, что те и другие одинаковым почти образом отправляют поминки по своим сродникам. В родительскую Дмитриеву субботу Мордва собирается на свои кладбища с блинами и пивом, которые едят и пьют, сидя на могилах своих сродников; с малой почти разностию празднуется родительская суббота крестьянами около Галича, Буя и Макарьева, они приносят в церковь также блины, оладьи и опекушки, с коими выходят на могилы и над которыми священники совершают панихиду»⁴. Автор стремился подчеркнуть родство двух финно-угорских народов: меря и мордва при помощи сопоставления традиций.

В одном из писем И. М. Снегирёву упоминается об особо почитаемом в Нерехте празднике «Никольщине». Это празднование 19 декабря дня памяти Святителя Николая Чудотворца. В Костромском крае Николай Чудотворец

¹Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857.– М., 1909. – С. 546, 703.

² В виде каменной головы медведицы изображали богиню Макошь северные финские народы. Леонтьев А. И., Леонтьева М. В. Неведомые земли и народы севера.– М.: Вече, 2009.

³ Топоним «синий камень» современные исследователи считают индикаторами мерянской территории (Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Заонежье как периферия топонимных ареалов Карелии / Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск: ГИАЭМЗ «Кижи», 2007. – С.248.; Сазонов Л. Мерянские «Синие камни» / Эрзянь Мастор. – 2005.– №209. –16. 05.

⁴ Титов А. А. Указ. соч. – С. 703.

был особо почитаемый святой: почти в каждом селе – престол, и уж конечно в каждой избе – икона¹.

М. Я. Диев писал, что на «Никольщину» устраивалась знаменитая складчина: крестьяне всего села складываются, варят пиво, ставят всем миром в церкви свечу и правят молебен о ниспослании на них всех благ. После чего угощают всех брагой, пивом, пирогами. Остатки раздаются нищим. В совершении христианского обряда памяти Святителя Николая в Костромском крае, можно обнаружить явные языческие мотивы². Православный молебен Святителю и панихида по умершим родителям перемежались с языческими обрядовыми действиями жертвоприношения: собирали деньги на пиво Николаю Чудотворцу, подвязывали к потолку пивовара, чтоб тот отдал последний ушат пива. В письмах М. Я. Диева читаем: «...когда кто в семье не может, то таковой обещается по выздоровлении сделать Никольщину. Выздоровев, в своем околотке собирает Николе на пиво, которое там варит особый повар»³. «Никольщина» обыкновенно празднуется два дня: первый день молебен в церкви, а на второй – начинается пиршество. «После обеда пивовар говорит: православные, не прогневайтесь, пиво уже всё. Вот гости берут повара и вяжут, потом поднимают его к грядке, а иных домах к потолку, на что нарочно вделываются кольца. Тут пивовар просит помилования:

¹ В православном акафисте Святителю Николаю звучит связь с морской пучиной и власть его над водным и подводным царством.: «По земле путешествующим и по морю плавающим... утопающих известное хранилище, треволнение морские управляющий». Православный молитвослов. – М.: Даниловский Благовестник, 1995.– С. 77.

² По мнению Б. А. Рыбакова, А. Голана образ Николая Чудотворца, наложился на образ языческого бога Велеса, известного охотничьим финно-угорским народам, и именно он выполнял функции спасающего на воде. А. Голан возводит Велеса к Чернобогу, поэтому его почитание сопровождалось плясками, песнями и особо винопитием. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян.– М.:Наука,1981; Голан А.Миф и символ.// Великая богиня [электронный ресурс]123с. [сайт] 2011.URL:<http://astrovic.ru/>.

³ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857.– М., 1909. – С. 90.

«православные, смилуйтесь, спустите, последний ушат распою»¹. Тогда вносит ушат пива и все сидят около него и пьют. После того гости расходятся в ожидании другой «Никольщины», кои в околотке довольно многочисленны; иногда задаётся так, что недели три не прерываются «Никольщины» и гости переходят от одной к другой; часто случаются «Никольщины» две и три в одной деревне². В подтверждение высказанного М. Я. Диевым вывода о языческой основе праздника «Никольщины» на основе анализа источников можно отметить, что в Костромском крае было принято изображать Николая Чудотворца в скульптуре. Например, в экспозиции Нерехтского краеведческого музея расположена скульптура Святителю Николаю Чудотворца³.

Необходимо отметить, что М. Я. Диев предпринимал попытки подтверждения этнографических характеристик мерянского населения лингвистическими. Важный аспект переписки – это размышления о елтонском наречии, которое вероятно существовало как тайный язык для переписки и разговора среди жителей г. Галича. Возможно, язык был перенят от владимирских коробейников (офеней) как тайный язык торговцев. Однако, П. П. Свинын делает вывод о наличии мерянской основы в елтонском наречии галичан. Он считал этот язык диалектом русского языка, насыщенного мерянским субстратом. М. Я. Диев поддерживал эту точку зрения и аргументировал это нерехтскими примерами, усматривая в каждой местности свои особенности. Приведём отрывок письма М. Я. Диева к И. М. Снегирёву: «В названии городов Костромской губернии доньше слышатся слова елтанского наречия, что служит доказательством древности онаго, так например: Галич, Кострома, Кинешма и Пучеж. Слово елтанское галь, многолюдный, обширный, кажется дало название нашему Галичу. Доселе по

¹ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857.– М., 1909. – С. 90.

² Там же.

³ КГИАХМЗ. КОК 17318. Скульптура Св. Николая.

елтански губернский или большой город называется костр галь, или кострыга галея. Вероятно, что и название Костромы одолжено словам: елтанскому костр, город, иначе кострыга или костряга, и мордовскому маси, хороший, красивый, таким образом костромаси значит город красивый»¹. Вопрос о принадлежности «елтонского наречия» к искусственным языкам, похожим на офенский или какому-либо диалекту русского языка наиболее подробно рассматривался в 1915 г. Н. Н.Виноградовым².

Переписка М. Я. Диева и И. М. Снегирёва изобилует фактами этнических параллелей в мордовских, мерянских и других финно-угорских культурах.

К этому же периоду относится труд Михаила Яковлевича, сохранившийся под названием «Костромская вивлиофика» (1845 – 1847 гг.)³.

В настоящее время рукопись хранится в Церковном историко-архитектурном музее. Это рукопись насчитывает 1250 страниц⁴. Содержание рукописи сводится к собранию старинных грамот, разных рукописей и надписей, относящихся к Костромскому краю. Одной из главных тем рукописи является агиографический материал – жизнеописание костромских святых. Описания М. Я. Диева переплетаются с выдержками из исторических документов: грамоты, летописи, фрагменты писцовых книг. Существенная часть вивлиофики посвящена истории городов Костромской губернии: Юрьевцу, Судая, Костроме, Галичу, Чухломе, Нерехте и т. д. Неоднократно автор, обращаясь к историческим фактам, описывал некоторые города Костромской губернии, регистрировал субстратные топонимы. Есть упоминания о марийском и мерянском населении. Например, «...князь

¹Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857. – М., 1909. – С. 24 – 25.

² Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан» // Труды КНОИМК. – Кострома, 1915. Вып. III. – С.1 – 51.

³ ЦИАМ КОК 24738. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.

⁴ Хранителем фондов музея Сапрыгиной Е. В. была определена по штемпелям датировка документа. Сапрыгина Е. В.Стражи времени. – Кострома: Промдизайн-Н, 2005. – С.357.

Андрей женился у Ветлужского и Хлынова города»¹; «Приходил князь Никита Иванович с Лугового Черемисского на Галичского князя Андрея Федоровича»².

Интерес к этнической истории своей малой родины можно наблюдать и в документах личного происхождения. Так, известный русский драматург А. Н. Островский в 1848 г. отправляясь в Костромское имение «Щельково», в дневнике писал: «С Переяславля начинается Меря – земля обильная горами и водами, и народ и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку. Это земляки мои возлюбленные, с которыми я, кажется, сойдуь хорошо»³. Замечание интересно тем, что автор обращает внимание на физиологические и ментальные особенности населения.

Таким образом, в первой половине XIX в. в России пробудился краеведческий интерес к изучению культурного наследия финно-угорских народов, при этом в провинции возникли предпосылки для формирования целенаправленного организованного изучения культурно-исторического наследия этносов, с древнейших времён проживавших на территории отдельных губерний. По мнению А. Е. Загребина – это был период, когда в учёных кругах постепенно осознаётся источниковая ценность этнографического факта и артефакта в решении проблем ранней этнической истории, одновременно стимулируя поиски новых методологических подходов⁴.

Материалы, касающиеся проблем финно-угорского культурного наследия Костромского края, в исследуемый период, освещались в источниках разного характера: основную часть материалов по изучению

¹ЦИАМ. КОК 24738. – Л. 60. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.

² Там же. – Л. 60.

³ Островский А. Н. Дневник 1848 года «Первая поездка в Щельково» // Полн.собр. соч. Т. 13. – М. Гос. литиздат, 1952. – С. 180 – 181.

⁴ Загребин Е. А. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – нач. XIX вв.: История, теория и практика /Автореф. дис... док. ист. наук. – Чебоксары, 2009. – С. 32.

культурного наследия древних финно-угорских народов Костромского края составляют исторические очерки и описания, характерно наличие переписки, дневников, появляются картографические материалы. Печатаются публикации и сборники фольклорно-этнографических материалов.

§3. Использование археологических источников о финно-угорском культурном наследии в трудах учёных второй половины XIX в.

Вторая половина XIX в.— это время, когда историки обратились к археологии, при этом возобладали задачи первичного описания, систематизации и классификации найденного¹. Исследования культурного наследия финно-угорских народов Костромского Поволжья можно назвать временем эпизодических исследований в области археологии Костромского края, которые происходили на фоне, наметившегося прогресса в историко-краеведческих исследованиях в России в целом. На фоне преимущественного проявления исследовательского интереса отдельных авторов и инициатив археологов-любителей, в России начинают зарождаться первые научные общества, задачей которых становится изучение истории, географии, этнографии. Это было закреплено в «Своде законов Российской империи» (1863 г.) в 386 статье «Об учреждении учёных обществ на основании правил»². В 1863 г. основано «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии». Для провинциальных историков, живших, в разных губерниях в XIX в., изучение археологических источников могло способствовать воссозданию картины финно-угорского мира, в связи с недостаточностью письменных сведений по самому раннему периоду истории.

¹ Яценко С. А. Археология // Культурология XX век. Словарь. – СПб: Университетская книга, 1997. – С. 48.

² Продолжение Свода Законов Российской Империи, изданного в 1857 году. По 31 Марта 1863 года. – СПб. 1863. Ч. 3.

Исследовательский интерес к археологическим древностям Костромской губернии проявился во второй половине XIX в. В 1856 г. палеонтолог Геннадий Михайлович Девочкин (1833 – 1883 гг.) прислал несколько каменных орудий, найденных в Костромской губернии, в Археологическое общество в Петербурге¹. А в 1859 г. в «Костромских губернских ведомостях» появилась его работа «Очерк пространства Костромской губернии»², касающаяся археологии Костромского края. С именем Геннадия Михайловича связаны первые серьёзные археологические исследования в Костромской губернии и первая коллекция вещественных источников каменного века. Будучи чиновником особых поручений при Костромском губернаторе, членом губернской земской управы, почётным мировым судьей, он развернул успешную деятельность по сбору орудий каменного века и составил значительную коллекцию³. Г. М. Девочкин, с одной стороны, собирал уже найденный материал каменного века, который на наш взгляд, даёт нам основание сделать вывод о проживании на территории Костромского края прафинно-угорских племён задолго до железного века и уж конечно до прихода славян. С другой стороны, он сделал первый шаг в обнаружении финно-угорских древностей в курганных раскопках.

Определённую роль в изучении финно-угорского культурного наследия Костромского края сыграл Губернский статистический комитет, основанный еще в 1835 г. Членами-корреспондентами его являлись уездные предводители дворянства, а так же историки-краеведы, так и М. Я. Диев являлся членом-корреспондентом с 1854 г. В 1860 гг. появилось «Положение о губернских и областных статистических комитетах», оживившее их деятельность. В обязанности статистического комитета входил и сбор

¹ Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 98 – 99.

² Девочкин Г. М. Очерк пространства Костромской губернии. // Костромские губернские ведомости. – 1859. – №№ 22, 23.

³ Комаров М. Н. Памяти Г. Н. Девочкина [первого местного археолога-любителя] // Костромской листок. – 1903. – № 141.

сведений об исторических памятниках. Губернским Статистическим Комитетам предлагалось также заниматься исследованиями различных направлений по развитию губернии. Активизации научных исследований и издательской деятельности способствовал вышедший в 1861 г. циркуляр Министерства внутренних дел за № 397, в котором указывалось на необходимость собирать сведения об исторических памятниках и истории губернии и публиковать собранный материал. Начиная с 1860 гг. комитеты многих губерний начинают выпускать «Памятные книжки». Губернские Статистические Комитеты имели тесные контакты с Археологической комиссией и центральными учёными обществами: Русским географическим, антропологическим, Московским археологическим, которые приводили к повышению уровня историко-археологических знаний членов провинциальных обществ. При изучении вопросов финно-угорского культурного наследия Костромского края большинство учёных обращались к материалам, публикуемым Костромским Губернским Статистическим Комитетом. Так, например, краеведы находили в различных списках, публикуемых в «Памятных книжках», материалы, касающиеся археологических памятников, названий населённых пунктов, мест проживания этнических групп. В журнале заседаний костромского статкомитета от 12 июня 1867 г. отражена «Программа для сбора сведений»¹, в которой среди других вопросов определённое место отведено разделам: быт жителей, народные обычаи, орографические материалы, где имеются этнические данные.

В 1861 г. были изданы «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба по Костромской губернии, составленные Я. Крживоблоцким». В этой работе приводится материал о совместных походах черемис, мордвы и татар на Кострому. «В 1467 г. казанские ханы вместе с черемисами и мордвой покушались напасть

¹ Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 12 июня 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868.

на Кострому и Галич. Князь Стрига Оболенский... гнал их до Унжи»¹. В «Памятной книжке Костромской губернии» 1862 г. напечатаны «Исторические сведения о постепенном заселении края»². Важно, что в статье определены пути заселения края славянами и упомянуто автохтонное население края: «Три главные пути, коими совершалось постепенное заселение нынешней Костромской губернии: первый путь – движение Мери вниз, по течению Волги до Оки или Нижнего-Новгорода, в продолжении XI и XII вв.; второй путь обратный, это движение Черемис из нынешних губерний Нижегородской и Вятской; третий путь, путь Новгородский – движение славянского народонаселения из Новгородской области с севера к Галичу, Солигаличу, Чухломе и вообще к Костромскому Поволжью. В Тоншаевской волости Ветлужского уезда состоит в настоящее время более 1600 мужского и женского пола душ племени Черемис, в нравах коих, обычаях, семейном быту и в народных преданиях сохранились доселе многие особые черты, свойственные этому племени, так что ни вековые сношения с Русскими, ни влияние православной веры не могли ещё окончательно изменить типа черемисского племени»³. Статья повествует и о заселении городов Костромской области: Чухломы, Нерехты, Галича. «Самое название Нерехта (Мерехта) указывает, что первоначально населял эту местность народ финского племени Меря»⁴.

В статье так же сделан вывод о том, что коренное население Галича – меря: «На пространстве Галича и его окрестностей любитель отечественной старины встретил следы преданий о древних мерячах язычниках. На гористых берегах Галичского озера святые отшельники Авраамий, Паисий

¹ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния.– СПб: Генеральный штаб, 1861. – С. 15.

² Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским Губернским Статистическим Комитетом.– Кострома: Губернская типография, 1862.

³ Там же. – С. 217 – 218.

⁴ Там же. – С. 299.

воздвигли первые пустыни для распространения евангельского учения между древними Мерячами, сильно привязанными к языческой религии»¹.

Ряд выводов в данном документе касаются «чудского» языческого населения Чухломы: «...сказание местной солигаличской летописи об основании в половине XIV века солигаличского Воскресенского монастыря, где названо чухломское озеро «Чюдским» а жители около него «Чюдски», и отзывы упомянутого преподобного Авраамия о глубоких следах идолопоклонничества на берегах чухломского озера в XII в., дают право сделать вероятное заключение, что первоначальные жители этой местности были чудского племени в последствии смешавшиеся с славянами – новгородскими выходцами»².

В 60-х гг. XIX в. кроме работ, основанных на археологических изысканиях продолжает обсуждаться и тема этнической принадлежности мерянского населения Костромского края. В 1865 г. в своей публикации. «Какой народ в древние времена населял костромскую сторону и что известно об этом народе»³ М. Я. Диев поддержал точку зрения М. Кастрена о родственности племя мери народности черемисов (мари). Наиболее серьёзным аргументом автора в поддержке данной позиции являются топонимические данные: «Доказательством тому могут быть названия мест Костромской губернии, как то: городов, селений, рек, которые носят имена не славянского языка, а финского и других наречий»⁴. Автор делает вывод: «Меря так тесно соединилась с черемисами, что последние имя пришельцев присвоили себе и доселе называют себя мари»⁵. Исследователями к середине XIX в. анализировалась проблема о происхождении меря, в том числе

¹Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским Губернским Статистическим Комитетом. – Кострома: Губернская типография, 1862. – С. 324 – 325.

² Там же. – С. 348 – 349.

³ Диев М. Я. Какой народ в древние времена населял костромскую сторону и что известно об этом народе» // Чтения Общества истории древностей Российских. – М., 1865. Кн. 4. – С. 167 – 178.

⁴ Там же. – С. 168.

⁵ Там же. – С. 177.

нелетописной, проживавшей на территории Костромского края. Совокупная информация, собранная М. Я. Диевым, подкрепляет гипотезу о родстве двух финских племен (мари и меря).

В конце 60 – начале 70 гг. XIX в. появились работы общего характера, обобщающие археологические, этнографические и топонимические данные по мерянским территориям центральной России и Поволжья, куда Костромской край входил составной частью. Эти работы выявляют особенности племени меря.

Отражением нового этапа в изучении финно-угорских древностей стала деятельность графа А. С. Уварова, который с 1848 г. проводил исследование древностей на юге России, а также на территории древнего Суздальского княжества. Им было открыто свыше 750 курганов. В 1857 г. А. С. Уваров был избран руководителем отдела русской и славянской археологии при Академии наук. В 1864 г. в Москве было учреждено Московское археологическое общество, которое граф Уваров возглавлял до своей кончины. С 1865 г. МАО выпускало свои труды – «Древности...». По сведениям В. А. Бердинских к 1890 г. МАО насчитывало до 300 членов¹. МАО имело постоянные и прочные контакты с различными провинциальными учреждениями: губернскими статистическими комитетами, научными обществами, редакциями «Губернских ведомостей», духовными консисториями, учебными заведениями, а так же отдельными местными любителями истории и археологии. Особое значение для провинциальных исследователей имело участие в археологических съездах, организуемых МАО. Членами-корреспондентами МАО были костромские краеведы: В. Д. Беляев, Н. Н. Селифонтов, И. В. Миловидов². Изучение костромских материалов нашло отражение в работе А. С. Уварова «Меряне и

¹ Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов: дис. ... док. ист. н. – М., 1994.

² Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX века: костромская школа. Кострома, 2007. – С. 38.

их быт по курганным раскопкам»¹, вышедшей в 1869 г., которое явилось глубоким исследованием этого периода по мерянской культуре.

Автор характеризует особенности культуры меря: верования, одежду, захоронения, взаимоотношения со славянами, финно-угорские топонимы.

Значимость данной работы заключается в том, что автором было предложено комплексное исследование, включавшее лингвистические, археологические и этнографические аспекты. Для определения роли финно-угорского субстрата А. С. Уваровым впервые были использованы археологические данные. Выдвинув тезис о принадлежности основной части исследованных им владимирских курганов летописной мере, быстрое обрусение которой началось «почти в доисторические для нас времена», автор тем самым констатировал наличие весьма значительной «примеси финской крови» в население будущего великорусского Центра². Его работа «Меряне и их быт по курганным раскопкам» уже носила монографический характер. Первый печатный труд о мерянах появился в результате материалов, обобщённых А. С. Уваровым и П. С. Савельевым в 1851 – 1854 гг. в ходе раскопок на территории Ярославской и Владимирской губерний, Ростова, Суздаля, Переславля. Исследованы были два древних поселения: Сарское городище близ Ростова и Александрова гора под Переславлем, а также свыше 7000 курганов X – XIII вв. Ценность представляют приложенные к изданию карты, чертежи, таблицы и описи находок. А. С. Уваров проанализировал обнаруженные предметы коллекции и составил картину о погребальных обрядах по курганным захоронениям.

Важно обозначить точку зрения А. С. Уварова о том, что «водворение славянских пришельцев, или вернее – это ослабление финского племени под напором новгородского влияния – не обошлось без кровопролитий», то есть он опровергал существовавшее мнение о мирном характере слияния финно-угорского и славянского населения, основоположником которого был В. О.

¹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 643 – 847.

² Там же. – С. 646, 649.

Ключевский. А. С. Уваров считал, что в «Повести временных лет» указаны не все местности расселения меря, а только территории по берегам озер Неро и Плещеево неслучайно. Вместе с тем автор полагал, что найденные в этих местах предметы и монеты, как хронологические данные, свидетельствуют об интенсивности мерянского населения на данных территориях и служат источником сведений о степени развития народа меря.

Несомненной заслугой А. С. Уварова является то обстоятельство, что он впервые выделил отличительные признаки мерянских захоронений, описал украшения. Впервые автор описал по находкам в мерянских могилах одежду, внешний вид мерян, особенности их костюма.

Опираясь на выводы А. С. Уварова, на наш взгляд, можно выделить отличительные признаки мерянского населения:

1. Меряне в могилу складывали любимые вещи покойного, для использования на том свете, свидетельствующие о быте мерян.
2. Предметы в мужских и женских могилах унифицированы: височные кольца, обручи на шее, привески с узором, бусы, браслеты и зарукавья, швейные иголки, топоры, стрелы, копья. Во всех могилах возле остовов лежали ножи и точильные камни, кремни, огнива.
3. Меряне на шее носили металлические гривны, обручи из серебра, привески из серебряных монет, по два ожерелья. В мужских могилах часто встречаются бусы.
4. Одежда из толстой материи, обшитая позументом по подолу, вокруг шеи и по рукавам с металлическими привесками, характерная для всех финских племён. Треугольные прорезные бляхи с бубенчиками, пришивались на плечи мерян, не всегда равное количество.
5. Вместо пуговиц передняя часть одежды украшалась квадратными бронзовыми присосками и бубенчиками.

6. Кожаные пояса с гладкой или узорчатой пряжкой, в виде бронзовых присосок, по преимуществу коньков, плетёных из проволоки.
7. У женщин на бедрах бронзовые пряжки в виде овальных чашек (*fibula*), с прорезными узорами по золоченому полю.
8. Ключ, точильный камень, иголка, шило, огниво, ножик, костяные гребни, кожаные мешочки для денег – всё привешивали к поясу.
9. Браслеты, перстни и кольца, бусы носили мужчины, женщины и дети.
10. Широкие бронзовые перстни на большом пальце правой ноги.
11. Найдены железные подковы величиной с каблук, видимо от обуви.

Все эти особенности позволили создать относительно адекватное представление о материальной культуре меря и в дальнейшем исследователям судить о степени развития этноса, о погребальной обрядности мерян, о верованиях мерянского населения и о его культурном своеобразии.

Отдельно стоит упомянуть, что в дальнейшем широкое признание получила точка зрения А. С. Уварова о том, что все курганы были мерянскими, причем меря и черемисы сближались. В историческом очерке А. С. Уварова были использованы местные легенды и сведения письменных источников. Важнейшим шагом в изучении мерянского этноса, на наш взгляд, были исследования А. С. Уварова по финно-угорской топонимике, сопоставляемой с археологическим материалом. Для определения территории расселения мерян А. С. Уваров использовал географические названия с основой «мер», применяя метод сплошного картографирования. Он обозначил костромские реки с финно-угорскими названиями, что способствовало определению границ мерянской территории, которая находилась в пределах Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, а также частью Вологодской и Новгородской губерний. А. С.

Уваров, также как финский учёный М. А. Кастрен, Т. К. Семёнов, М. Я. Диев считал, что часть мери ушла на восток под напором славянской колонизации, где и осела.

Для нас особо интересно его упоминание о костромских топонимах: «Другая река, прозывающаяся Мерею, вытекает в Галицком уезде из болота близ села Воронья.... Кроме этих названий, сохраняющих доселе имя Мери почти в первобытной его целости, мы имеем еще другие названия селений, более или менее смежных, в которых имя Мери слышится в первом или последнем слоге. Такие селения, несомненно, указывают – до каких пределов распространялась Мерянская земля, и часто те же названия повторяются как на окраинах, так и на середине этой земли, не вдалеке от Переяславского или Ростовского озера»¹. Определяя приблизительное пространство, занятое мерянскими поселениями на основании названия местностей, созвучных с названиями, встречающимися около Переяславского и Ростовского озер – центра летописной мери, восточную границу он указал от Устюжского уезда, от верховьев р. Сухоны, далее на юг до р. Межи, потом р. Унжей до впадения её в Волгу. «На рубеже теперешнего Семеновского уезда меряне перешли Волгу и распространились до самой реки Кержеца. Река Межа, вытекающая из Никольского уезда, Вологодской губернии и протекающая по одной Костромской губернии более ста верст, получила, вероятно, своё название от положения, которое она занимала между Мерею и Черемисою»². Меря, граничившая на востоке с единоплеменным финским народом – черемисами, не могла, по мнению А. С. Уварова, выселиться в такую низменную глушь, какую представлял собой Ветлужский край. Меря остановилась перед «естественными преградами» при реке Унже и Меже. Топонимы мерянского происхождения автор распределил по губерниям. Он привёл более 30 названий во Владимирской, Московской, Ярославской, Тверской, Вологодской, Нижегородской, Рязанской и Тульской губерниях, в которых

¹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве.– М., 1871.Т. 2. – С. 644.

² Там же. – С. 645 – 646.

можно усматривать аналогию со словом мера, в том числе и в Костромской губернии – это река Мера и город Нерехта.

Собранный автором корпус неславянских топонимов позволяет говорить о их преимущественном распространении в древние века на территории мерянских поселений. Субстратные топонимы не имеют славянского корня и поражают, по мнению А. С. Уварова, «совершенно чуждыми звуками». В Костромской губернии А. С. Уваров назвал реки: Андоба, Векса, Вехтома, Воча, Изма, Ингарька, Какша, Керженец, Киленка, Кильна, Корба, Корега, Кочуга, Кусь, Лекома, Локма, Луха, Лыкишика, Медоза, Меза, Мера, Мича, Монза, Надога, Немдохта, Нерехта, Ноля, Номза, Пасма, Пеза, Песта, Печенга, Пижма, Пистега, Покша, Пустая Шача, Сельма, Сендега, Солдога, Соть, Суртюг, Тебза, Тома, Томга, Тунбал, Тутка, Узола, Унжа, Шайма, Ширмокша, Шмиля, Шуда, Шурма, Шуршма, Шуя.

Среди названий селений к мерянским он отнёс: Баки, Галич-Мерский, Кинешма, Кострома, Пучеж, Темта, Урень, Хомкино, Чухлома, Шунга. Повторы названий на отдалённых территориях свидетельствуют о едином народе. На взгляд автора: «Только один и тот же народ мог, раскинув свои селения на обширном пространстве повторять те же имена, или давать названия одинакового этимологического происхождения»¹. Имя Костромы повторяется в изменённом виде Костромино во Владимирской губернии, Костромиха в Суздальском уезде, Кострочиха – в Городецком уезде. В Гороховецком уезде есть деревня Галицкая по имени города Галич, Кинешемский погост в Вязниковском уезде напоминает о названии города Кинешма.

Автор заметил, что в местах с мерянскими названиями в курганах находили следы обоих обрядов погребения, т. е. сжигания и простого погребения, в то время как в могилах, находящихся близ поселений со славянскими названиями, следов сжигания тел уже не наблюдается.

¹Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 650.

Исследование А. С. Уварова можно считать первым трудом, где был применён комплексный подход при изучении источников разного рода (письменных и устных; вещественных и лингвистических). Долгое время этот труд был единственным, на который опирались и ссылались исследователи отечественной археологии. Со временем ряд учёных (в частности А. А. Спицын на материалах Владимирских курганов) опровергли основное положение автора о том, что курганы являются характерными мерянскими захоронениями. Однако последующие открытия доказывали, что именно Костромские курганы изобилуют мерянскими находками, и курганы Костромского края явно отражают процесс ассимиляции мерянских и славянских этносов.

Позднее археологи критиковали методику раскопок и полевую фиксацию, применяемую А. С. Уваровым, считая их несовершенными, ссылаясь на то, что опыт сплошного картографирования топонимов с основой «мер» нельзя считать научным, и слова, например, «Мериново» и «Мерзляково» попали в данный список случайно, но такие выводы были сделаны спустя десятилетия, а для 70 – 80-х гг. XIX в. работа А. С. Уварова считалась основополагающей. Опираясь на его выводы, стали появляться небольшие работы по изучению археологии отдельных районов. Существует мнение современных учёных о качественном проведении раскопок А. С. Уваровым. Такой точки зрения придерживается директор Института археологии РАН академик Н. А. Макаров¹. Основатель историографии российской археологии оценивая труды А. С. Уварова писал: «Считать работу Уварова образцовой оснований нет, но и возмутительной ее назвать нельзя. Это книга своего времени, впервые познакомившая учёных с массовым курганным материалом и содержащая опыт сопоставления

¹ Макаров Н. А. Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. – М., 2007.

археологических и письменных источников. Для середины XIX в., это было важно»¹.

Особую точку зрения по поводу встречи меря и славян высказывал в своём труде «Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии» В. А. Самарянов². Учёный предполагал, что масса мерян осталась на прежних местах, где и произошло мирным путём слияние их со славянами. В работе В. А. Самарянова упоминается о вещественных источниках – предметах, найденных на Веселовском могильнике и Черемисском кладбище, которые позволяют определить место, где проживали черемисы в VIII в. н. э. – это среднее и нижнее течение Б. и М. р. Какш (Ветлужский уезд).

В качестве аргументов автор привёл источники информации о более поздних временах жизни черемис – летописи, которые велись в Галиче Мерском в XIII в. Они обнаружены в архиве Кажировского монастыря (на месте древнемарийского поселения Якшан) в рукописи церкви Ветлужского, Котельничского, Яранского и Никольского уездов³. П. Н. Третьяков отметил, что В. А. Самаряновым был найден документ «Ревизская сказка церковных причтов 1764 г.», где были определены границы одного из трёх известных учёным Мерских станов, который расположен на территории Костромского края на правом берегу Волги, непосредственно около Костромы, за р. Костромой. Его северо-восточная граница проходила по р. Костроме от с. Мисково до устья, южная – по Волге, от устья р. Костромы вверх на 20 – 25 км, третья, западная граница, замыкающая треугольную по

¹ Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. –1993. № 3. –С. 228 – 245

² Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии // Древности. Труды Московского археологического общества. М.– 1875. – Т. VI. – Вып. 1. – Отд. I. – С. 47 – 67.

³ Там же. – С. 54.

форме площадь Мерского стана, проходила за с. Саметью, у оз. Великое Самецкое¹.

В начале 1870-х гг. интерес к историческим исследованиям проявляется на государственном уровне. В 1869 г. в Москве был созван 1-й Археологический съезд². Инициатива организации Археологических съездов принадлежала Московскому Археологическому Обществу (МАО) и главным образом его председателю – графу А. С. Уварову. Основную цель Археологических съездов организаторы видели в объединении всех научных сил России в области исследования, изучения, охраны и популяризации памятников истории и культуры. Съезд разработал «Проект положения об охране памятников старины»³. Опубликованные в материалах Археологических съездов доклады, сообщения и целые исследования, посвящённые вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики, историографии и др., содержат богатый фактический материал. В 1871 г. в Санкт-Петербурге прошёл 2-й Археологический съезд, где присутствовало 170 человек. Почётный председатель великий князь Константин Николаевич, председатель А. С. Уваров⁴. В 1871 г. по инициативе Н. В. Калачева была учреждена комиссия по устройству архивов для подготовки вопроса о принципах переустройства архивного дела в стране и обсуждения проблем устройства в России архивов и правил хранения в них документов. Она действовала как комиссия 2-го Археологического съезда, с 1873 г. существовала как межведомственная комиссия, учреждённая согласно постановлению Комитета министров. На фоне этих событий активизировалась археологическая разведывательная и экспедиционная работа. На территории Костромского края археологические экспедиции

¹Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности / Московский институт археологии. – М., 1970.– С. 179; На финно-угорских окраинах Древней Руси. [Электронный ресурс]. – С.111. [сайт]. [2011]. URL 137. <http://sinsam.kirsoft.com.Ru/>.

² Протоколы заседаний Археологического съезда. Б. Заседания 1 Отделения: Древности первобытные// Труды I Археол. съезда. 1869. – М., 1871. Т. I. – С. LXII – XCIII.

³ Там же.

⁴ Протоколы заседаний Второго археологического съезда //Труды II Археол. съезда. 1871.– СПб. 1881. Вып. 2. – С. 28.

возглавлял в это время Ф. Д. Нефёдов, который внёс значительный вклад в изучение финно-угорской темы.

Нефёдов Филипп Диомидович, уроженец Владимирской губернии, известный писатель, журналист, археолог, этнограф. В 1872 г. он избирался членом Общества любителей российской словесности, в 1874 г. членом-сотрудником этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1882 и 1884 гг. Ф. Д. Нефёдов совершил путешествие по Южному Уралу, описал жизнь и быт горнозаводских рабочих, русских переселенцев, башкир, мари, мещеряков. Обследовал и нанес на карту до 800 курганов Башкирии. По заданию общества он путешествовал по российским губерниям, собирая материал о быте русского крестьянства, в результате представил отчёт об этнографическом исследовании. С 1887 г. он стал активным членом Московского археологического общества, в этом же году опубликовал «Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам»¹. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии направило Ф. Д. Нефёдова в Костромское Поволжье на раскопки курганов. В 1895 – 1896 гг. он исследовал 548 курганов в 85 могильниках, в большинстве находившихся на территории Кинешемского уезда, позднее вошедшего в состав Ивановской области. В границах современной Костромской области им было исследовано 67 курганов в девяти могильниках. Добытая раскопками коллекция хранится в Государственном Эрмитаже. Первой работой, отражающей археологические находки Костромского края, посвящённой курганным древностям, стала статья «Курганы Кинешемского и Макарьевского уездов»².

Начало 80-х гг. было отмечено появлением новых изысканий в области археологии на территории Костромского края. В 1880 – 1882 гг. Г. М.

¹ Нефёдов Ф. Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам // Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М.; 1877. Т. 4. – С. 40 – 69.

² Нефёдов Ф. Д. Курганы Кинешемского и Макарьевского уездов // Антропологическая выставка 1879 г. – М., 1878 – 1879. Т. 2. Кн. 4. – С. 90 – 93.

Девочкин раскопал один курган у деревни Калищи на р. Емсне, 42 кургана на р. Кубань, из них не менее 37 курганов в могильнике у деревни Пьянково¹. Находки раскопанных курганов дали финно-угорский материал. Вопрос о принадлежности курганной культуры финно-угорским народам оставался спорным на протяжении XIX – начала XX вв.²

Главную задачу для себя Г. М. Девочкин видел в обнаружении финно-угорских древностей в курганах. Он оставил после себя костромскому музею коллекцию археологических находок из 32 орудий из камня³.

В 1882 г. Общество естествознания при Казанском университете организовало раскопки курганов и направило своих сотрудников в Костромской уезд С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича. В целом они раскопали 134 кургана в 7 могильниках. Результаты были опубликованы, но слишком кратко и обобщенно, без разделения материалов по могильникам и, тем более по отдельным курганам. Материалы этих раскопок кратко были освещены позднее в первом выпуске «Костромской старины» 1890 г.⁴ В 1883 г. Н. М. Бекаревич самостоятельно раскопал 48 курганов не менее чем в трёх курганных группах в Костромской губернии. По отдельным курганам анализ раскопок опирался на исследования ранее проведённые А. С. Уваровым.

Н. М. Бекаревич не сумел правильно интерпретировать данные и поддержал выше указанную концепцию И. В. Миловидова. Вместе с тем, что это были первые попытки анализа курганных древностей. Особый размах эта

¹ Алексеев С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев и др. – Кострома, 1997. – С.10.

² В. В. Седов высказал точку зрения о том, что в первой половине I тыс. н. э. все прибалтийско-финские племена имели захоронения в виде каменных могильников с оградами в виде валунов, а само захоронение происходило по обряду кремации. Так, казалось бы, он положил конец спору о курганах. Однако, учёный отмечает тот факт, что финские племена, входившие в контакт со славянами, быстро перенимали обычай трупоположения и курганного захоронения. Видимо, поэтому костромские курганы имеют ярко выраженные финские черты. Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли / Финно-угры и славяне // Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15 – 17 ноября 1976 г.– Л.: Наука. 1976. – С.75 – 76.

³ Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год (Год VIII). – Кострома, 1920. – С. 2.

⁴ Бекаревич Н. М. Раскопки в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома, 1890. Вып. 1. – С. 2.

работа приобрела после создания Костромской губернской учёной архивной комиссии.

Анализ источников позволил выделить два периода в изучении финно-угорской культуры Костромского края. *Первый период изучения* финно-угорского культурного наследия Костромского края относится к первой половине XIX в. В этот период появляются первые работы, и идёт накопление материалов о древнем финно-угорском народе, населявшем Костромской край. Публикуются труды, где впервые упоминается об основании города на месте мерянского поселения, что указывает на наличие древнего автохтонного населения края.

Начало первого периода связано с идеями эпохи просвещения, конец – характеризуется деятельностью исследователей – романтиков. В этот период времени ставятся вопросы этнического своеобразия Костромского края, определяется группа топонимов субстратного происхождения, выявляется сохранность языческих элементов: славянских и финских. Особого внимания заслуживают в этот период труды исследователей М. Я. Диева, П. П. Свиньина.

Второй период (1860 – 1885 гг.) связан с формированием идей по изучению финно-угорского культурного наследия и эпизодическими археологическими исследованиями.

Среди исследователей, занимающихся вопросами финно-угорского культурного наследия, в том числе Костромского края, в 60 – 80-е гг. XIX в. прежде всего можно выделить: Г. М. Девочкина, Д. А. Корсакова, В. А. Самарянова, А. С. Уварова. В начале 90-х гг. Н. М. Бекаревич и Ф. Д. Нефёдов начали сбор и анализ артефактов финно-угорского культурного наследия по материалам археологических раскопок в Костромской губернии.

Данный период характеризуется появлением первых монографических исследований по финно-угорскому культурному наследию (А. С. Уваров, Д. Корсаков и др.), большинству из которых присущ подход к историописанию, отличавшийся обширными источниковыми материалами с точными

ссылками, анализом трудов других историков, попытками построить периодизацию истории края.

В плане методических достижений необходимо отметить попытки комплексного подхода к изучению разнородных источников: письменных и устных, вещественных и лингвистических.

Накопление эмпирических материалов неизбежно приближало исследователей к необходимости классифицировать типологически сходные данные, придавая им вид схемы. Однако для активизации изучения финно-угорской культуры Костромского края недоставало объединения усилий, постановки общих целей, обмена информацией. Следовательно, данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики исследования учёными и практиками-краеведами финно-угорских древностей Костромского края, формированию краеведческих организаций. Был сделан первый шаг на пути к более основательным фундаментальным исследованиям.

Глава II. Деятельность учёных архивных комиссий и краеведческих научных обществ по изучению финно-угорских древностей

§1. Роль КГУАК в изучении финно-угорского этноса Костромского края

Костромская губернская учёная архивная комиссия была создана в 1885 г. по «Проекту о губернских учёных архивных комиссиях и исторических архивах при них», составленному директором Археологического института, видным историком и археографом Н. В. Калачёвым, ранее одобренному министром внутренних дел графом Д. А. Толстым, Положением Комитета министров «Об учреждении учёных архивных комиссий и исторических архивов», утверждённом 13 апреля 1884 г. императором Александром III¹. Её возникновение являлось частью общего процесса. В Указе от 1889 г. было отмечено, что «открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в Императорскую Археологическую комиссию для представления на Высочайшее воззрение»².

Открыта комиссия была в период стремительного развития всех отраслей науки в России, характерного для второй половины XIX в. Бурное возникновение в 1880 – 1910-е гг. этнографических, краеведческих обществ объяснялось потребностями экономики. Этому предшествовал интерес к природным-географическим и фольклорно-этнографическим особенностям регионов России. Так Русское географическое общество, опираясь на интеллигенцию, уже реализовало несколько специальных программ по сбору исторических, этнографических материалов, например «Программа для собирания сведений о свадебных обрядах у великоруссов и инородцев

¹ Собрание узаконений. Отдел I. 1 июня 1884 г. Ст. 443 // Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1884. Т.4. № 2149. – С. 226.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб, 1889. Т. IX. № 5841. – С.95.

Восточной России». К этому же времени относится и деятельность известного Румянцевского кружка (созданного по инициативе графа Николая Петровича Румянцева), положившего начало прочным связям с собирателями древностей. Формированию идеи развития провинций способствовала земская реформа 1864 г.

По мнению Е. А. Флеймана, возросший интерес провинциальной интеллигенции к истории, этнографии и культуре сыграл немаловажную роль в развитии историко-краеведческих исследований. Появление научной литературы: краеведческих сборников, памятных книжек, «Губернских ведомостей» – всё это подготовило почву для возникновения научных обществ в губерниях. Учреждениями, собиравшими разрозненных краеведов, стали губернские учёные архивные комиссии, которые действовали с 1884 по 1918 гг. в 41 губернии России¹. По мнению А. Е. Загребина, единичные проекты не могли более удовлетворять растущий общественный интерес к этнографии, следствием чего было создание сети добровольных научных обществ, имевших связи с университетской средой и местными любителями народоведения².

Вместе с тем в это же время создавались и общества, которые наряду со славянской, изучали историю, культуру финно-угорских этносов. Так, большую известность приобрело Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, организованное ещё в 1878 г., оно имело цель – изучение многонационального Поволжья³. Диалекты, фольклор и этнографию удмуртов, мари, и мордвы изучали деятели финно-угорского общества, основанного в Хельсинки в 1883 г.⁴ Эти общества непосредственно занимались изучением финно-угорского культурного наследия.

¹ Флейман Е. А. Краеведческая литература: опыт изучения регионов: монография.– Кострома: из-во КГТУ, 2007.– С.9.

² Загребин А. Е. Загребин Е.А. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – нач. XIX вв.: История, теория и практика./Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Чебоксары, 2009. – С. 37.

³ Флейман Е. А. Краеведение в Поволжье. – Кострома: изд-во КГТУ, 1995. – С. 71.

⁴ Там же. – С. 72

Иначе дело обстояло на тех территориях, где финно-угорский компонент включался в русскую культуру наряду со славянским. В этом случае одной из важнейших проблем, решаемых архивными комиссиями, была проблема этнического своеобразия того или иного края. Эти вопросы решались через артефакты, добытые в археологических экспедициях, фольклорные и этнографические, лингвистические материалы. Данные проблемы вошли и в круг интересов Костромской губернской учёной архивной комиссии.

Анализируя деятельность КГУАК по изучению финно-угорского этноса Костромского края обратимся к общей характеристике Костромской губернской учёной архивной комиссии и трудам её наиболее активных членов.

Костромской историк А. Д. Шипилов отмечал, что «о социальном статусе этой организации может отчасти свидетельствовать тот факт, что число действительных членов комиссии в 1904 г. составляло 301 человек, а несколько костромских губернаторов в своё время были председателями этой комиссии¹. За год до создания КГУАК пост костромского губернатора занял брат директора Археологического института Николая Васильевича Калачёва, Виктор Васильевич, готовый поддерживать инициативу брата и всячески ей содействовать. Поэтому в Костроме всё складывалось удачно. Предполагалось, что научный путь комиссии будет направлять Императорская академия наук. Своими целями комиссия ставила деятельность в области археографии, археологии, охраны и музеефикации памятников. Первым председателем комиссии был товарищ председателя костромского окружного суда Д. Н. Трандафилов.

Наиболее активный период деятельности комиссии связан с именем Н. Н. Селифонтова, который был председателем КГУАК с 1891 по 1900 гг. Николай Николаевич Селифонтов известен как учёный генеалог, археограф.

¹ Шипилов А. Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия // Краеведческие записки: сб.ст. – Ярославль, 1986. Вып. 4. – С. 51.

Кроме того, это крупный чиновник – статс-секретарь, товарищ министра путей сообщения, а позже сенатор и член государственного совета. Он родился в Нерехтском уезде Костромской губернии. Н. Н. Селифонтов составил поколенную роспись своих предков. Родовую усадьбу Семёновское он превратил в культурный центр, широко известный за пределами Костромы¹. С костромским губернатором Н. В. Калачёвым его связывала долгая дружба и совместная работа в Археологическом институте². Именно по просьбе Н. Н. Селифонтова и учитывая частое пребывание в Нерехтской усадьбе, Н. В. Калачев согласился возглавить общество и активизировать его деятельность, используя столичные связи и опыт работы в Археологическом институте.

Именно КГУАК положила начало планомерным и систематическим раскопкам в Костромском крае. С развитием деятельности Костромской губернской архивной комиссии всё больше стал проявляться интерес костромских историков-краеведов к древней истории края, её этническому составу, историко-культурному своеобразию.

Наиболее активными членами КГУАК, внесшими значительный вклад в изучение финно-угорского этноса Костромского края были: И. Д. Преображенский, он был единственным человеком, получавшим в комиссии жалование как делопроизводитель; И. В. Миловидов – историк-краевед; Н. М. Бекаревич, совмещавший работу в комиссии с ветеринарной практикой.

Николай Михайлович Бекаревич после избрания его неперменным членом КГУАК активно занимался археологическими раскопками. Опыт ведения полевых исследований Н. М. Бекаревич получил при раскопках в Пушкинской волости 134 курганов летом 1882 г. В 1883 г. Н. М. Бекаревич

¹ Румянцева О. В. Сельцо Семёновское – «родовое гнездо» Селифонтовых // Памяти Селифонтова. Сб. докладов первых Селифонтовских чтений. – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. –70.

²Сапрыгина Е. В. Рождение КГУАК. Н. В. Калачёв и Н. Н. Селифонтов // Памяти Селифонтова: сб. докладов первых Селифонтовских чтений / КГОИАМЗ (16 – 17 ноября 2000 года). – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 118.

самостоятельно исследовал курганы около села Иванниково и деревни Салычево Каримовской волости Костромского уезда¹.

Иона Дмитриевич Преображенский (1857 – 1915 гг.) был сыном сторожа костромского кафедрального собора. Не имея систематического образования, он изучал историю края по древним рукописям в библиотеке Богоявленского собора. Позднее И. Д. Преображенский много и плодотворно занимался собирательством древностей, предметов этнографии и рукописей. По мнению краеведа Л. И. Сизинцевой, несмотря на недостаток образования, именно И. Д. Преображенский определил и осуществил новую линию сбора музейных предметов. Он стал собирать вещи, выходявшие из обихода, много занимался раскопками, оставил ценные дневниковые записи². В 1861 г. начал объезды деревень и сбор фольклорного и этнографического материала, в том числе и финно-угорских древностей³. В. Апушкин в своей статье 1919 г. об Ионе Дмитриевиче Преображенском «Печальник Костромской старины», показал нелегкую судьбу вечно бедствовавшего преданного краеведению и архивному делу Преображенского. «Так бедствовал, до конца своей жизни человек, который мог бы разбогатеть и жить безбедно ...но коммерческий дух был чужд Ионе Дмитриевичу вообще, а любимом деле – особенно. Бедняк сам, он обогащал родной ему музей... Он постоянно ездил по деревням, по брошенным «дворянским гнездам», забирался в самые глухие углы деревни и вывозил от туда исчезающие постепенно предметы быта... Чтобы добиться того или иного результата, нужно было умение Ионы Дмитриевича говорить с крестьянами, и увлекать интеллигентных собственников старины. В телеге, на дровнях или на розвальнях трясся он из деревни в деревню, а то шагал и пешком, целые вечера просиживал в избе на

¹ Реферат члена КГУАК Н. М. Бекаревича // Журнал заседания КГУАК 12 июня 1892 года. Приложение 1.– Кострома, 1982.– С.5.

² КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49353. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

³ Сизинцева Л. И. Музей КГУАК и его создатели // Памяти Селифонтова: сб-к докладов Первых Селифонтовских чтений / КГОИАМЗ (16 – 17 ноября 2000 года). – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 129.

посиделках и вечеринках, пил водку с мужиками, грыз семечки с девками, пел с парнями, калякал со старухами – и в результате добывал или старый убрус, старинную вышивку, или песню, или сказку, или сведение о «кладе», или легенду, или просто справку о том, у кого какая старина есть еще»¹.

Особое место в деятельности И. Д. Преображенского занимали археологические раскопки, во время которых им было обнаружено большое количество артефактов финно-угорской культуры. Материал раскопок стал основой для статей и выступлений на съездах. Кроме того, И. Д. Преображенским был собран ценный фольклорный материал в уездах Костромской губернии, подтверждающий взаимовлияние финно-угорской и славянской культур².

Среди краеведов-любителей КГУАК выделялся своими знаниями историк Иван Васильевич Миловидов (1851 – 1898 гг.), выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, закончивший университет с золотой медалью. После преподавательской работы в Шуе и Твери, он с 1883 г. был назначен преподавателем истории и географии Костромского реального училища. Занимаясь архивной работой, много внимания он уделял исследованию городищ и курганов, написал очерк истории города. В 1896 г. его стараниями в Костроме был открыт музей, содержащий, в том числе и коллекции вещественных памятников, добытых при раскопках курганов. Именно в трудах И. В. Миловидова в большей степени заметны попытки анализа материала добытого на раскопках И. Д. Преображенским и Н. М. Бекаревичем. Иван Васильевич, будучи историком, стремился не только описать, но и проанализировать артефакты финно-угорской культуры. После смерти И. В. Миловидова 6 апреля 1898 г. комиссия лишилась специалиста-историка, и вся тяжесть работ легла на плечи И. Д. Преображенского и Н. М. Бекаревича.

¹ Апушкин В. Печальник Костромской старины. – Кострома: тип. КНОИМК, 1919. Вып. XIII. – С.10.

² КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. Преображенский И. Д. Клады и паны / легенды и предания Костромского края.

Члены КГУАК участвовали в разработке карт губерний. В 1887 – 1899 гг. Императорское московское археологическое общество «желая получить более полное и верное понятие о численности и распределении древностей России приняло решение о необходимости издания археологических карт губерний с нанесением на эти карты имеющихся в губерниях курганов, городищ, могильников, валов. Программа эта была разослана и по благочинным Костромской епархии. По программе были описаны Нерехтский, Чухломской, Кологривский и Ветлужский уезды»¹.

По примеру Московского археологического общества КГУАК рассылает запросы о наличии остатков древности и старины на местах.

От разных лиц – земских начальников, учащихся, священников, крестьян – поступают многочисленные сведения о памятниках. Большею частью это были данные о курганах или «Панах» – «Панках», так их называли костромские крестьяне². Собранные воедино вместе с материалами раскопок эти сведения впоследствии позволили составить И. В. Миловидову первую карту Костромской губернии и переслать её в Московское археологическое общество.

В Костромской губернии архивная комиссия вела активную издательскую работу: 150 номеров «Журналов заседаний» и приложений к ним, 30 отдельных изданий. Также с 1890 по 1911 гг. комиссией было издано шесть выпусков сборника «Костромская старина», включающих 51 публикацию.

Разнообразен характер изданий, выпущенных КГУАК – это архивные материалы, публикации, очерки и описания, исторические исследования, каталоги, указатели, путеводители, библиографии, отчёты, отзывы, материалы заседаний съездов, мемуары, письма, записки, публикации о памятниках археологии, юбилейные и памятные сборники, описания

¹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. – Л.17. Отчет о деятельности КГУАК.

² Виноградова С. Г. Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885-1990 гг.) // Памяти Селифонтова. – Кострома: КГОИАМЗ, 2000. – С.149.

коллекций, памятники фольклора¹. В. П. Макарихин, автор обобщающего труда о деятельности губернских учёных комиссий отмечал: «они не создали обобщающих трудов по истории страны. Они стремились как бы «прописать» в общерусской истории свой край и выделить моменты его особой роли в истории России... позитивистская методология... сумела продемонстрировать свои сильные стороны. Прежде всего, это сказалось в усиленной работе с историческими источниками, в постоянном поиске новых исторических фактов»².

Как указывает Л. И. Сизинцева, комиссия положила начало формированию археологической коллекции для Костромского музея³.

Определяя роль КГУАК в изучении финно-угорского этноса Костромского края, необходимо отметить активную деятельность комиссии в области археологических разведок и раскопок, сборе огромного количества артефактов. Рукописные и опубликованные материалы раскопок дают важнейшие сведения о проживании финно-угорских племён на территории Костромского Поволжья. Члены КГУАК не ставили перед собой цели классификации археологических находок по этническому признаку, некоторые находки атрибутировались неверно или спорно, но важно то, что значительный пласт вещественных источников, собранный КГУАК в дальнейшем дал возможность учёным строить предположения и делать выводы относительно этнического состава и особенностей культуры автохтонного населения Костромского края.

¹ Костромская ГУАК//Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. Вып. 7. – С. 8 – 9; 1900. Вып. 13. – С. 230 –232; Костромская ГУАК // Известия Имп. Археологической Комиссии. Прибавление. – 1904. – № 5; № 21; 1912.– С. 35 – 37; № 26, 1912. – С. 35 – 37; Костромская ГУАК // Сборник Археологического института. Об участии Костромской ГУАК на I областном съезде исследователей Ростово-суздальской земли//Костромские губернские ведомости. – СПб., 1902. – 3 апреля; Отчёты о деятельности Костромской ГУАК за 1900 год // Костромские губернские ведомости. – Кострома, 1901. – 4 декабря.

² Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России.– Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991.– С. 8.

³ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие XIX – первая треть XX века: дис...канд. культ. – М.,1998.

КГУАК заложила начало систематической разработки финно-угорской тематики. Первый труд КГУАК, касающийся финно-угорского культурного наследия Костромского края был издан в 1885 г. Это была работа И. В. Миловидова под названием «Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича»¹. В 1887 г. в Трудах седьмого археологического съезда в Ярославле была опубликована статья Ивана Васильевича «О Костроме в историко-археологическом отношении»². Обе работы содержат сведения об основании города Костромы на правом берегу Волги на месте села Городища, расположенного на древних мерянских землях. Характеризуя этнический состав населения города, И. В. Миловидов определял Кострому как «городок со смешанным славянско-мерянским населением»³. Учёный выявил условные территориальные границы расселения финно-угорских племён в Поволжье. По мнению И. В. Миловидова, по рекам Унжа и Межа проходила восточная граница расселения финно-угорского племени меря. Автор в своей работе использовал сведения письменных и рукописных источников, опирался на труды учёных XVIII в., обобщил ранее известные сведения, касающиеся этнического состава городского населения, места основания города и привёл известные на тот период времени версии объяснения названия города Костромы, в том числе и финно-угорскую версию, при этом сам склонялся к славянской. И. В. Миловидов критиковал высказывания А. Д. Козловского в работе «Взгляд на историю Костромы» 1840 г. Он говорил о том, что слова «...страна называемая теперь Костромой вероятно обитаема была народами

¹Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома: губ. тип., 1885. – 2-е изд. – Кострома, 1886.

² Миловидов И. В. О Костроме в историко-археологическом отношении // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле.– М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1887. Т.1.– С. 54 – 72.

³ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома: губ. тип., 1885. – 2-е изд. – Кострома, 1886.– С. 1.

славянского поколения, именовавшимися Меря», содержат «очевидную историческую неправильность, так как меряне были не славяне, а финны»¹.

И. В. Миловидов первым выдвинул концепцию удревления города Костромы, в которой подверг сомнению прежние мнения В. Н. Татищева и основывавшиеся на его утверждении замечания И. Васькова, кн. А. Д. Козловского об основании Костромы в 1152 г. как славянского города. Суть его предположений сводилась к тому, что Кострома первоначально возникает в виде городка со смешанным славяно-мерянским населением на правом берегу реки Волги на месте села Городища. Временем его основания И. В. Миловидов считал начало второй половины IX в., аргументируя археологическими данными. «Городища, как говорил И. В. Миловидов, оставлены мерей, а название Костромы происходит от имени божества весны у языческих славян, следовательно, городок носит смешанный славяно-мерянский характер. Это слияние началось в начале второй половины IX в., поэтому и «городок» возникает в это время»². И. В. Миловидов замечал, что, возможно, Юрий Долгорукий укрепил, но не основал Кострому.

В конце 80-х гг. продолжает активную археологическую деятельность на территории Костромского края Ф. Д. Нефёдов. В 1885 г. он опубликовал статью в «Костромских губернских ведомостях», под названием «О поездке 1885 г. в Костромскую, Вятскую и Пермскую губернии»³. В этом же 1885 г. археолог впервые обследовал Ухтубужский курган и убедился, что на кургане существовало финно-угорское селище, датируемое IX – X вв. Автор опирался на устные источники-предания, которые подтверждали, что вплоть до XIX в. среди местных жителей ходили легенды о зарытых кладах вблизи

¹ Миловидов И. В. О Костроме в историко-археологическом отношении // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле. – М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1887. Т. 1. – С. 1.

² Там же.

³ Нефёдов Ф. Д. О поездке 1885 г. в Костромскую, Вятскую и Пермскую губернии // Костромские губернские ведомости. 1885. №71.

села Ухтубуж¹. В качестве доказательств приводились случаи находок на кургане украшений из бронзы, керамика и отдельные предметы финно-угорского происхождения, однако целой картины о населении археологам сложить не удалось². Мнения исследователей расходились и в датировке жизни на кургане (крайние даты VII – XII вв.) и в этническом составе населения: одни приписывали стоянку черемисам, другие – мерянам. Можно предположить, что жители Ухтубужья либо ушли на восток в ветлужские земли как черемисы, либо подобно мерянам, слились с культурой славян.

В конце 1880-х гг. XIX в. в исторической науке было определено место региональной истории. В это время выходят отдельные историко-этнографические очерки, посвящённые историческому прошлому финно-угорских народов. Можно выделить среди них серию работ о восточно-финских народах профессора Казанского университета И. Н. Смирнова: «Черемисы», «Вотяки», «Мордва», «Пермяки»³, которая была удостоена Уваровской премии и переведена на французский язык⁴. Несколько значительных публикаций появилось о мордве⁵. Проявился интерес к традиционной культуре марийского народа. В 1888 г. под руководством Совета общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете была организована экспедиция для изучения культуры, религиозных верований и быта марийцев. Коллектив экспедиции составили: хранитель музея отечествоведения П. В. Тауберг, научный сотрудник И. Н.

¹ Топоним Ухтубуж имеет финно-угорское происхождение, причем «...первая половина слова «ухту» (охто) на языке народов финно-угорской группы означает «медведь», а вот вторая может быть истолкована двояко – «исток» или «гора»... и тогда «Ухтубуж» можно перевести как «Медвежья гора». Торопов С. Н. Мантурово. Страницы истории. – Кострома: Мантуровская типография, 1998. – С.6.

² Загадку Ухтубужского кургана позднее пытались разгадать Н. М. Бекаревич (1903 г.), Т. А. Архипов (1976 г.), Е. А. Рябинин и А. Е. Леонтьев (1980 – 1984 гг.).

³ Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографические очерки. – Казань, 1889; Пермяки. – Казань, 1891; Вотяки. – Казань, 1890; Мордва. – Казань, 1895.

⁴ Smirnov I. N. Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama: Etudes d'ethnographie historique. – Paris: E. Lerouz, 1898.

⁵ Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. – СПб. 1910; Мельников П.И. Очерки мордвы// Полн.собр.соч. Т.7.– СПб., 1909; Мартынов А. Мордва в Нижегородском уезде// Нижегородские губернские ведомости, часть неофициальная.– 1866. – №23.

Смирнов, М. П. Веске – специалист по финским наречиям. Посещая марийские поселения Заветлужья, которые входили в Нижегородскую, Вятскую и Костромскую губернии, они собрали богатый материал, на основании которого и была подготовлена И. Н. Смирновым работа «Черемисы»¹, изданная в 1889 г.

В монографической работе автор обращал внимание на гидронимы: Ветлуга (Вытла), Кокшага (Какшан), Каньга, Кичига, Пижма, Унжа, Урта, Орья, Крутья, Турья, Курья, Сурья и др. Он писал: «Страна, в которой окончательно осели черемисы, не была пустыней, когда они здесь поселились... через край прошел целый поток народностей (полагают, что это были предки камских финно-угорских народов в начале 1 тысячелетия до н. э.)»². И. Н. Смирнов отмечал особенности культуры луговых и горных черемис. Некоторые из них перекочевали к северо-восточному населению Костромского края.

Монография И. Н. Смирнова написана на базе отчёта об экспедиции, которая включала и Костромскую губернию. По мнению П. С. Березина, И. Н. Смирнов «свёл воедино все или почти все существовавшие к тому времени сведения о верованиях черемис, добавив немало собственных наблюдений, а потому его работа представляет особую ценность»³. Он одним из первых осознал трудность систематизации черемисских божеств ввиду их многочисленности и изменчивости: «Разобраться в бесчисленном множестве таких духов не легко. Теогонии, которая создавала бы почву для системы черемисских верований, у черемис нет... Не дали до сих пор стройной классификации божеств и исследователи черемисской религии»⁴.

¹ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889.

² Там же – С. 19 – 20.

³ Березин П. С. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных времен до наших дней/ Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней. – Саратов: Надежда, 1996. – С.8.

⁴ Смирнов И. Н. Указ. соч. – С. 142.

Экспедиция собрала ценнейшую источниковую базу устного типа: предания, легенды, фольклор. Предания о тех местностях, где происходили крупные сборища горных черемис для молений своим богам и где приносились жертвы кереметям, к моменту посещения этих мест экспедицией были ещё свежи в памяти местных жителей. И. Н. Смирнов пишет: «В жертву своим богам вместо целого животного горные черемисы под влиянием экономических причин стали приносить только часть его, а потом одно лишь подобие жертвенного животного, например, вместо лошади, коровы, петуха – особого рода пряники (аргамаки) с оттиснутой на них фигурой животного»¹. О культе Николая Чудотворца, Варсонофия и Казанской Божьей Матери И. Н. Смирнов говорил: «Культ их у некрещеных черемис совершенно тождествен с культом языческих богов: им приносят в лесах жеребят, мясо которых съедают, а кости и кожу сжигают. Николай Чудотворец (Никола — русский бог) слился в представлении черемис с образом небесного бога. Его помощь считают особенно важной в несчастных случаях на воде»². Просматривается сходство в описании праздника «Никольщины» Смирновым И. Н. у черемисов и представления «Микольщины» М. Я. Диевым у мерян Нерехтского уезда. В обоих случаях прослеживаются языческие мотивы, основанные на мифологических знаниях финно-угорских народов.

Таким образом, значительную роль в изучении финно-угорского культурного наследия в 80-е гг. XIX в. сыграли научные общества. Наличие немногих письменных, этнографических, археологических источников и сравнительно большой временной промежуток, в который совершалось заселение и освоение того или иного края, позволило целому ряду губернских архивистов создать труды по истории колонизации Поволжья³.

¹ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889. – С. 143.

² Там же. – С. 142.

³ Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России.– Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991.– С. 8. – С. 10.

На 90-е гг. XIX в. приходится наиболее активная деятельность КГУАК, комиссия пополнилась новыми членами, приобрела определенный навык в сборе исторических документов, фольклора и этнографии. Эти годы отмечены многочисленными археологическими экспедициями, совершенствуется и методика их проведения.

С 1890 г. КГУАК начала издавать сборник «Костромская старина», посвященный вопросам археологии и истории Костромского края. До 1901 г. вышло пять томов. В приложениях помещались описи и выписки из различных документов и рукописей, относящихся к истории и культуре Костромского края. В первом выпуске сборника «Костромская старина» была опубликована статья В. Г. Пирогова «Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии»¹.

В. Г. Пирогов занимался сбором сведений об археологических древностях Костромской губернии. Используя материалы опросных листов, которые были разосланы от Императорской академии художеств в конце 1886 г. по губернии, автор сообщил интересные факты, касающиеся проживания на данных территориях финно-угорского этноса. Он отметил субстратные топонимы, образованные от имени особо почитаемого у мерян языческого божества Велеса (Волоса, Волота): «В 8 верстах от Буя есть курган, имеющий более 2 сажень высоты и 120 сажень длины на кургане растет сосновый лес, он носит название «*Волотовой горы*» по преданию здесь находился клад»².

Примечательно, что подобного рода названия встречаются на других мерянских территориях³. Около г. Фурманова находится Волотова гора», Волотово поле под Новгородом, озеро Волотовское под Костромой,

¹ Пирогов В. Г. Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии // Костромская старина. – Кострома: Костромская губернская типография, 1890. Вып.1.– С. 135 – 141.

² Там же.– С. 135.

«Волотова могила» у г. Переславль-Залесский, Волотовы горы близ г. Мурома и др. Имеются легенды об основании г. Вологды – «...От баснословных каких то Волотов, подобно греческим гигантам, якобы они перед... крещением тут жили и построили сей город по имени своему Волотой или Володовой»¹. Интересно наблюдение Н. Н. Селифонтова, изложенное в письме к И. В. Миловидову (1890 г.): «У нас в Петербурге есть 2 деревни Волосова и Ерина, вероятно не даром»². Позднее в своём докладе об архивных актах и делах Н. Н. Селифонтов отмечал эти же названия в Костромской губернии: «на планах 1775 года (под № 162 и 185 помещены 2 ведомости за 1775 г.) на пустоши Бакшеево Сорахтского стана Нерехтского уезда видно, что пустошью владели экономические крестьяне двух соседних деревень Волосовой и Ериной, названия которых легко сопоставляются с наименованием древних языческих божеств Волоса и Ярилы – бога солнца»³. В народном представлении Волотом считался великан, богатырь, человек необычайного роста⁴. Известны случаи, когда найденные случайно кости мамонтов назывались крестьянами «костями великанов»⁵.

В анализируемой статье В. Г. Пирогова также собраны сведения о финно-угорских археологических находках. Как мы уже указывали ранее, для некоторых мерянских территорий характерны насыпи с поверхностными каменными конструкциями, венцы из валунов по основанию курганов. Могильники расположены на возвышенностях, чаще всего на берегах речек.

¹ Ерофеева Е. Н. Археологические памятники Ивановской области. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965. – С. 9.

² ГАКО. Ф. 652. Д. 2. – Л. 12 об. Письма Н. Н. Селифонтова к И. В. Миловидову.

³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. Труды КГУАК. Списки костромских воеводств. Исторические сведения о Костромском крае и другие статьи. 1891 – 96 гг.

⁴ В 1919 г. о Волотах в Буйском уезде Костромской области был записан В. И. Смирновым следующий рассказ: «Близ имения Г. Н. Глаголева «Ивановское» есть Волотовы горы... они, по преданию, накопаны были жившими здесь великанами по имени Волоты. Они были так велики, что, занимаясь кузнечным делом, передавали друг другу топоры на другой берег реки». Смирнов. В. И. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества. – Кострома, 1921. Вып. XXVI.

⁵ Чернецова С. Б. Опыт интерпретации преданий об аборигенах края в Верхнем Поволжье в связи с семантикой культовых камней // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ / Материалы конференции. – Ярославль, 2008. – С.138 – 146.

Среди украшений из могильников характерно присутствие зооморфных изображений. «В Сидоровской волости между д. Степуриных и Грудинкой находится древнее кладбище, здесь расположены на небольшом пространстве более 10 могил, с едва заметными насыпями, обложенными камнями разной величины, некоторые могилы изрыты, в них найдены топоры, цепи, фигуры, изображения коньков»¹. В данном сообщении сочетаются два признака мерянского памятника: могила обложена камнем и среди найденных вещей изображение коньков, тотемических зооморфных фигурок. «В Починской волости расположены 8 крупных конусообразных курганов...они укреплены камнями кругом в три ряда булыжником. Называются они «Мордовские могилы»². Как видим, название указывает на финно-угорскую принадлежность. В. Г. Пирогов упоминал и другие финно-угорские топонимы: «в трёх верстах от села Макарьевского по берегам реки Лузанки против деревни Валова находится местность, известная под названием «Черемисское кладбище»³. А также автор описывал черемисское городище: «в Ветлужском уезде на правом берегу реки Ветлуги в полуверсте от с. Одоевского находится «Городище». По преданию укрепление живших здесь черемис, устроенное на случай неприятельских набегов»⁴.

Из выше сказанного необходимо сделать вывод, что В. Г. Пирогов в своей статье касаясь вопросов, связанных с проживанием финно-угорского этноса на костромской земле, привёл несколько интересных топонимов таких как «Волотова гора», «Черемисское кладбище», и указал на типичную финскую традицию обкладывать камнями могилы или курганы.

Необходимо выделить ещё один вид деятельности КГУАК– участие в археологических съездах, подготовка содержательных выступлений,

¹ Пирогов В. Г. Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии // Костромская старина. – Кострома: Костромская губернская типография. 1890. Вып.1.– С. 138.

² Там же. – С. 138 – 139.

³ Там же. – С. 141.

⁴ Там же. – С. 140.

связанных с этническими вопросами. На VII археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. Т. К. Семёнов выступил с докладом «К вопросу о родстве и связи мери с черемисами», который в 1891 г. был напечатан в Трудах VII археологического съезда¹. Во второй половине XIX в., как уже указывалось, одной из наиболее распространённых была версия, высказанная М. А. Кастреном, о родстве названия «мери» с самоназванием марийцев «мари». Причём название это возникло как видоизменение в устах славян. Т. К. Семёнов поддерживал точку зрения М. А. Кастрена, считая мерянский язык близкородственным марийскому, либо являющийся его диалектом².

На указанном съезде в Ярославле речь шла и о необходимости получения более полного и верного представления о доисторических древностях России, в связи с этим было принято заключение о важности «составления и издания археологических карт губерний с нанесением на эти карты имеющихся в губерниях курганов, городищ, других могильников, валов...а также мест находок кладов, монет, каменных или медных изделий»³. Поэтому была составлена программа и разосланы вопросы, касающиеся доисторических древностей. В Костромской губернии вопросники получили благочинные Костромской епархии, и таким образом были описаны Костромской, Нерехтский, Чухломской, Макарьевский, Ветлужский уезды.

В конце XIX в. оставался актуальным вопрос об изучении черемисских (марийских) территорий. В 1894 г. был издан черемисско-русский словарь⁴. Особую роль в изучении черемисского населения Костромского края можно

¹ Семёнов Т. К. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами. // Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887 г. – М., 1891. Т.2.– С.228 –258.

² Позднее эту версию отвергнет языковед О. Б. Ткаченко и в качестве доказательства несостоятельности версии приведёт сведение о том, что у древнего готского историка Иордана уже в VI в. упоминается этноним меря в форме «Merens» (вин. п. мн. ч., то есть мерян), задолго до каких-либо славяно-мерянских контактов. Ткаченко О.Б. Мерянский язык. – Киев: Наукова думка, 1985.– С. 6 – 80.

³ ГАКО. Ф 179. Оп. 2. Д. 47. – Л. 17. Отчёт о деятельности Императорского Московского Археологического общества (1887–1899 гг.).

⁴ Троицкий В. П. Черемисско-русский словарь. – Казань, 1894.

отвести энтузиасту-краеведу, летописцу Ветлужского края Дмитрию Петровичу Дементьеву. В коллекции рукописей Государственного архива Костромской области хранятся рукописи Дементьевского архива¹.

Ветлужский край Костромской губернии, с древнейших времён заселен марийским финно-угорским племенем (черемисы). Д. П. Дементьев был, пожалуй, одной из самых любопытных личностей в костромском краеведении. Бытописатель древностей, историк-самоучка, единственный крестьянин, принятый в члены Костромской губернской архивной комиссии². В своём рабочем кабинете, больше похожем на землянку, он обрабатывал собранные им в архивах ветлужских монастырей, церквей и помещичьих усадеб, подлинные документы. О жизненном пути Дмитрия Петровича Дементьева, мы узнаем из его рукописных воспоминаний «Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива, том 167»³, и работы В. Н. Бочкова «Ветлужский летописец»⁴. Родился Дмитрий Петрович 17 сентября 1859 г. в городе Ветлуге в бедной семье. С юношеских лет пришлось ему зарабатывать средства к жизни в качестве портного, каменщика-печника, плотника. В своих воспоминаниях Д. П. Дементьев с горечью, а иногда и с гордостью отмечал, что достиг всего самоучкой. «Но любознательный юноша был достаточно грамотен, чтобы читать рукописные старинные книги, монастырские и церковные летописи, которые поставили его на путь историка-краеведа – «летописца и любителя старины»⁵. На первой странице «Летописи странника» автор, характеризуя себя, пишет о том, чья летопись: «Самоучки писателя, общественного гражданина, члена и корреспондента

¹ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 1. Дементьев Д. П. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива. Ветлужская старина.

² ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. – Л. 24 об. КГУАК. Отчёт о деятельности КГУАК 1891 г.

³ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 1. Дементьев Д. П. Указ.соч.

⁴ Бочков В. Н. Ветлужский летописец: Образы краеведов // Памятники Отечества.– 1989. №1.– С. 72 – 78.

⁵ Там же.– С. 72.

разных учёных обществ, писца, странника и летописца»¹ и приводит собственные стихи:

«Что было раньше, то прошло, То память в летопись запишет. Иное время подошло, Трудимся мы доколе дышим.	Берем великую отвагу Сей труд немалый, а велик, У нас нет денег на бумагу, Но я сознанием проник» ² .
---	---

В 70 – 80-е гг. XIX в. юноша Д. П. Дементьев странствовал по сёлам Варнавинского и Ветлужского уездов, переписывал из церковных архивов исторические документы. Он активно сотрудничал с Костромской учёной архивной комиссией. В 1892 г. он пожертвовал этой комиссии 283 свои рукописи под названием «Материалы для истории Ветлужского края» и был зачислен в число действительных её членов. Не имея средств даже на бумагу, Д. П. Дементьев постоянно писал и собирал древности, выкупая их разными способами. В Государственном архиве Костромской области сохранились неопубликованные письма не установленному нами адресату (Павлу Аксентьевичу). Из письма Д. П. Дементьева: «По части археологии и приобретения древности предметов много расходую своего жалованья, отказывая себе в другой необходимости»³.

В середине 1880-х гг. Д. П. Дементьев начал писать первые тома своего удивительного труда, содержащего многочисленные факты черемисской культуры, «Ветлужская старина» под общим заголовком «Рукописи Дементьевского архива». Кроме того, в архиве сохранились и отдельные труды – этнографические записи, стихотворные сборники, работы по истории Ветлужского края. В 1885 г. его трудами заинтересовался костромской губернатор В. В. Калачёв. При содействии В. В. Калачёва ряд трудов Д. П. Дементьева, касающихся финно-угорской культуры Ветлужского края, были напечатаны в «Правительственном вестнике», «Историческом вестнике», «Костромских губернских ведомостях» и

¹ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 1. Дементьев Д. П. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива.

² Там же. – Л. 3 – 4.

³ ГАКО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1. – Л. 2 об. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891 г.

«Костромской старине». В указанных выше письмах, Д. П. Дементьев сообщал «...не только фамилия моя появится в костромских ведомостях, но и в Правительственном вестнике, а это меня сильно радует...статьи мои поместил Василий Геннадьевич в статистический сборник»¹. Дмитрий Петрович писал о том, что «Иона Дмитриевич (*Преображенский*) принимает в трудах горячее участие и направляет...мои силы в отыскание для архива предметов древностей и редкостей»².

Сохранились неизданные письма Д. П. Дементьева Ф. Д. Нефёдову, где он сообщал о посылке ему своей рукописи «Свадебные обряды в Шанге и материалы для русских свадеб в Пыщуге»³ – работы, содержащие черемисские традиции и фольклор.

В эти же 90-е гг. по материалам «Ветлужского летописца», полученного от крестьянина починка Зотова Тоншаевской волости Захара Солоницына, Д. П. Дементьев написал две работы: «Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни»⁴, и «Краткий исторический очерк Шангского городища»⁵. КГУАК напечатало их в своём сборнике «Костромская старина» (выпуски 2, 3, 4, 5 за 1892, 1894 и 1901 гг.). В этих работах Д. П. Дементьев дал подробные сведения о взаимоотношениях галичских (мерянских) и марийских князей в период первоначального заселения русскими верховий Ветлуги, Ветлужской волости в XIV – XVII вв. Поскольку «Ветлужский летописец» и другие местные летописи, которыми пользовался Д. П. Дементьев при написании своих работ, не вошли в сборник русских летописей, то изложенный в работах материал может показаться сомнительным. Однако написанные Д. П. Дементьевым работы заслуживают

¹ ГАКО. Ф. 652. Оп.1. Д. 1. – Л. 2. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891 г.

² Там же. – Л.1

³ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 24. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива. Ветлужская старина.

⁴ Дементьев Д. П. Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни // Костромская старина. – Кострома, 1892. – Вып. 2.

⁵ Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. – Кострома, 1894. – Вып. 6.

серьёзного внимания краеведов. Тем более что учёные и краеведы этим периодом истории края не занимались.

В отчёте о деятельности КГУАК за 1891 г. говорится о необходимости издания истории Кажировой пустыни Д. П. Дементьева: «статья «Краткий исторический очерк Шангского городища», весьма интересная по извлечённым из разных источников сведениям из истории Ветлужского края»¹. Несмотря на то, что указанные работы были напечатаны, мы предпочтем сослаться на рукописи, так как перед изданием рукописные материалы Д. П. Дементьева, посылаемые в КГУАК, с высокой долей вероятности могли подвергнуться редактированию. Безусловно, материалы, собираемые Д. П. Дементьевым о черемисском населении, играют большую роль в составлении этнической картины Костромского края. Черемисское население, как принадлежащее к финно-угорской группе, составляло значительную часть среди населения Костромского края. И если к XIX в. мерянское население не осознавало своих этнических корней и обозначало себя как великороссы, то черемисы выдвигали себя в самостоятельную этническую группу. Так, по переписи населения 1897 г. среди населения Костромской губернии составлявшего 1387015 человек черемис насчитывалось 2001 человек, притом, что великороссов было 1381376 человек².

Наиболее важным пунктом поселения черемис (мари) можно считать Кажирowo – это село в Вохомском районе Костромской губернии. На древнем мариийском языке село называлось Якшан. Первоначально село Якшан было основано черемисским юмским князем Коджа Ералтем, на землях шангского черемисского князя Кая, имевшего резиденцию в Шанге (мар. *Шанза*). Впоследствии Коджа Ералтем принял христианство под

¹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. – Л. 27. Отчёт о деятельности КГУАК 1891 г.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. [электронный ресурс] // Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку: [Сайт].[2010]. URL: <http://www.demoscope.ru/>.

именем Елиазар и строил церкви, беспрепятственно допуская на марийских землях русские и татарские поселения. Марийское население с принятием христианства постепенно ассимилировалось с русскими. Еще в 1744 г. Кажирова пустынь вошла в состав новообразованной Костромской епархии¹.

Работа «Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни» составлена на основании рукописей бывшего Кажировского монастыря, хранящейся в церковном архиве в селе Кажирове. Рукописи были найдены благодаря священнику Василию Дилигенскому. Сам же Д. П. Дементьев в кладовой монастыря в старых бумагах нашёл случайно отрывки древнего Кажировского летописца. Отрывки из этих документов и послужили основанием к составлению указанной работы. Д. П. Дементьев отмечал в письме «Лишь только кончу печь (*складывать*), приступлю вновь к сочинениям о Черемисах и изложении событий по летописи»².

В этом труде Д. П. Дементьев сообщал о проживании черемис: «В Костромской губернии настоящего Ветлужского уезда, а в прежней Ветлужской волости, по берегам реки Ветлуги, в XII в. жили Черемисы, называвшие себя Меря. В Лаврентьевской Летописи Черемисы в первый раз упоминаются в 858 г., т. е. до начала истории русского государства»³. Обращаясь к рукописи Д. П. Дементьева, находим сведения о том, что «Черемисы составляли тогда многочисленное племя и жившие на берегах реки Ветлуги»⁴. По завоевании Черемисского города Кошкарова новгородцами в 1174 г., переименованного ими в Котельнич, а также при основании города Хлынова, нынешней Вятки, «Черемисы более населяли местность в Ветлужских пределах, по берегу Ветлуги и основали новый

¹ Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628 –1710 и 1722 –1746 гг.– Кострома, 1895.– С. 134.

² ГАКО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1. – Л. 7. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу. 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891 г.

³ Дементьев Д. П. Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни // Костромская старина. – Кострома, 1892. Вып. 2. – С. 2.

⁴ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. – Л. 58. Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни.

город Якшан. В 1240 г. последовало сюда и ниже по берегу Ветлуги заселение Черемис с Юмы (Котельничского уезда) под начальством Черемисского князя Коджи, который остался на месте Якшана или нынешнего Кажирова¹.

Элементы наивной этимологии названий в труде также указывают на финскую основу топонимов: «Нынешняя река Ветлуга в древности называлась Энер, но когда освободившаяся из плена Хлыновского князя жена Коджи Луга утонула в реке Энер, то с того времени река названа Ветлугой, от Черемисских слов: вет-женщина и её имени Луги»². По исследованиям современных учёных марийская топонимия в своей массе не выходит за линию Кострома – Котельнич.

В рукописном варианте работы «Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни» указывалось: «В 1468 году Черемисы населявшие берега Ветлуги, неповиновавшиеся великому князю и разорявшие его сторону, были покорены и семьи их разграблены и сожжены галичанами, а крепости и города их Ветля-Шанга отобраны. За одержание такой победы, главный покоритель князь и боярин Михаил Мстиславский получил в дар от Иоанна всю Ветлужскую волость»³. Из описанных исторических событий, мы видим, что контакты военного характера и многочисленные переселения, вероятно, стали причиной этнического смешения. Видимо поэтому в начале работы Д. П. Дементьев отмечал, что Черемисы называли себя меря.

В письмах Д. П. Дементьев указывает на то, что готовит историю Шангского городища, записывает «хороводные песни..., а также суеверные предрассудки Ветлужских знахарей, причём излагаются нецензурно, видно выдуманные от колдунов»⁴. О Шанге он писал: «...древний Черемисский город, а ныне село Шангское городище находится в пределах ветлужского

¹ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. – Л. 59. Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни.

² Там же. – Л. 60.

³ Там же. – Л. 62.

⁴ ГАКО. Ф. 652. Д. 1. – Л. 2. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу. 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891 г.

уезда Костромской губернии, занимает видное место в истории Ветлужского края»¹. Опираясь на раскопки, произведённые Ф. Д. Нефёдовым, Д. П. Дементьев определил национальную принадлежность местного населения: «население в Шангском городище можно допустить до Рождества Христова. Были это народности финского племени, чудь, меря, мари или черемисы, достоверно неизвестно»². По вопросам взаимодействия или слияния племён Дмитрий Петрович высказывал свою точку зрения: «Первые войны русских с черемисами неизвестны, но несомненно, что черемисы препятствовали населению русских и неприязненно смотрели на новых обитателей своего отечества и вели с ними упорные битвы»³. Ссылаясь на Галичскую летопись, он упоминал о войне Черемисов Ветлужских в 1170 г.: «Предание ветлужских обитателей Черемис подтверждают, что Галивон Мерский или Галич Костромской, Кошнарлов или Котельнич, Шанза или Шанга ...были в древнее время владениями Черемис под покровительством их бога Йомола, Юмама или Юмы и Черемисы были вытеснены из прежних жилищ славянскими поселенцами ...в 1171 г. Черемисы были прогнаны от Галича Мерского. Новгородские поселенцы завоевали у Черемис их город Котнарлов на реке Вятке и назвали его Котельнич. И черемисы ушли со своей стороны на Юм и Ветлугу с сего времени у Черемис более всего укрепляется Шанга ... самое слово шанга черемисское и означает глаз»⁴.

Значительным событием в изучении финно-угорских древностей в 90-е годы стали два доклада на заседании КГУАК Н. М. Бекаревича о произведённой им совместно с И. Д. Преображенским и И. В. Миловидовым

¹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 68. – Л. 11. Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища. Составлена членом Костромской ученой архивной комиссии Д. П. Дементьевым.

² Там же. – Л. 11.

³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. – Л. 12. Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни.

⁴ Там же.

раскопке курганов в Костромском уезде¹. Н. М. Бекаревичем изложен анализ раскопок 99 курганов в 11 группах Костромского уезда, произведенных в 1892 г.², 45 курганов в девяти могильниках в 1893 г. и 106 курганов в 14 могильниках в 1894 г.³ Важными были выводы Н. М. Бекаревича о том, что в курганах Костромского уезда обнаружено большое количество предметов мерянской культуры. При этом автор подтверждал мнение А. С. Уварова о финно-угорской принадлежности курганных памятников.

Отчёты о раскопках членами КГУАК высылались в Археологическую комиссию (Архив ИИМК, дела КГУАК). Начиная с 1895 г., по требованию которой, отчётная документация КГУАК становилась более обстоятельной и сопровождалась планами раскапываемых курганных могильников.

В Российском государственном архиве литературы и искусства обнаружены неопубликованные ранее шесть писем секретаря КГУАК Ионы Дмитриевича Преображенского к Филиппу Деомидовичу Нефедову – члену Московского археологического общества. Они датированы 1893–1895 гг. В письме есть указания на раскопки, проводимые в Костромской губернии членами КГУАК И. Д. Преображенским и М. Н. Бекаревичем весной 1893 г.: «Уведомляю Васъ, что мы предполагаем проводить раскопки в мае, если уже подсохнеть, кроме того будет проводить раскопки и Поливанов в Варнавинском уезде»⁴. Основным содержанием писем являются сведения о пересылке в Московское археологическое и антропологическое общество предметов, обнаруженных при раскопках (курганных черепов и др.), а так же печатных изданий, отчетов, журналов заседаний.

¹ Бекаревич Н. М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенном им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома, 1894. Вып. 3.; Доклад о раскопках, произведенных совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома, 1897.

² Бекаревич Н. М. 1894. Указ. соч. – С. 25 – 39.

³ Бекаревич Н. М. Доклад о раскопках, произведенных совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома, 1897. – С. 371 – 376.

⁴ РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1. – Л. 1. 22 марта 1893 – 13 сентября 1895 гг. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу.

«Многоуважаемый Филиппъ Деомидовичъ! Препровождая при семь къ Вамъ журналъ нашей Комиссии 14 марта 1893 года имею честь просить Васъ справиться и дать мне знать относительно пересылки череповъ въ антропологическое общество. Общество ответило намъ, что оно с охотою приметъ для исследования курганные черепа, но не сказало, на чей счетъ пересылка будетъ принята. Комиссия препроводить все черепа в Ваше общество съ темъ лишь условием, чтобы несколько экземпляровъ было по измерении возвращено в Комиссию, пересылка же их не будетъ ли принята на средства общества»¹.

Содержание писемъ свидетельствует о методах и приемах применяемых для получения информации членами КГУАК. Речь идет о составлении программ для собиранія археологических и этнографических сведений по губернии через учителей, учительниц, воспитанников и священников. Письма имели целью и сбор денежных средств на раскопки курганов в Костромской губернии. О разнообразии деятельности членов КГУАК свидетельствуют и строки письма от 13 сентября 1895 г., где говорится о пересылке фольклорныхъ материалов, в частности отрывка текста свадебного обряда – «наговора дружек».

«Многоуважаемый Филиппъ Деомидовичъ! Пожелав Вамъ всего доброго, препровождаю к Вамъ два наговора дружек. Они писаны наскоро со словъ разнощиковъ»².

В письме от 4 октября 1893 г. Иона Дмитриевичъ пишет «испрашиваю разрешения о предложении Васъ в члены нашей комиссии»³.

За период с 1895 по 1899 гг. члены комиссии раскопали 721 курган⁴. При этом 15 кургановъ было раскопано на восточной окраине Костромского Поволжья, в пределах нынѣшняго Сокольскаго района Нижегородской

¹РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1. – Л. 4. 22 марта 1893 – 13 сентября 1895 гг. Письма Преображенскаго Ионы Дмитриевича Нефѣдову Филиппу Деомидовичу.

² Там же. – Л. 6.

³ Там же. – Л. 4.

⁴ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг. Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 303 – 346.

области (места проживания мари). В 1897 г. вышел отчёт об обследовании И. Д. Преображенским мерянского Дурасовского городища на р. Стежера¹.

Важное событие в определении новых объектов, связанных с финской культурой на территории Костромского края отражено в статье Ф. И. Покровского², опубликованной в 1894 г. Случайная находка железных орудий в трупосожжении у с. Подольское в 1894 г. (наконечник копья, стрелка и топор-кельт) помогла установить существование финского грунтового могильника последней четверти I тыс. н. э. По версии автора работы, погребение рассматривалось как разрушенное курганное, но проверка насыпей, оказавшихся отвалами карьера, результатов не принесла, и дальнейших открытий не последовало.

С 1895 г. изменилась методика отчетности и Археологическая комиссия начала посылать авторам раскопок открытые листы на ведение работ и унифицированные полевые дневники с правилами раскопок и фиксации курганных погребений. Исследователи должны были представить научный отчет о проведённых работах³. В связи с этим документация раскопок постепенно стала составляться подробнее и полнее. Это важный шаг в совершенствовании методики описания археологических древностей.

В 1895 г. начал очередные раскопки курганов в Костромском Поволжье и севернее Н. М. Бекаревич. И в этом же году он произвёл осмотр и описание Каримовского городища. Продолжались эти раскопки до 1899 г. Н. М. Бекаревич неоднократно выступал перед членами КГУАК с отчётами о раскопках и выдержками из дневников экспедиции на заседаниях учёной архивной комиссии. Позднее в 1901 г. дневники раскопок были напечатаны в

¹ Бекаревич Н. М. Доклад о раскопках, произведенных совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома, 1897. – С. 371 – 376.

² Покровский Ф. И. Случайная археологическая находка // Археологические известия и заметки. – 1894. – № 11. – С. 358 – 360.

³ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. – СПб: изд-во СПбГУ, 1992. – С.14 .

журнале «Костромская старина»¹. Внимание Н. М. Бекаревича начиная с 1895 г. сосредоточено на курганных могильниках, расположенных в левобережье Волги. В течение трёх летних полевых сезонов 1895 – 1897 гг. вскрывалось ежегодно около 200 курганов. Среди наиболее интересных находок присутствовали явно финно-угорские. В деревне Терешино на игольнике изображён «... вид капища и в середине его как бы изображение жертвенника. По сторонам этого строения изображены два коня.... Из Васильковского курганного кладбища – изящно сделанный прорезной двуглавый петушок, с подвешенными внизу на цепочках лапками»². Н. М. Бекаревич внёс весомый вклад в развитие темы исследования финно-угорской культуры Костромского края. В основном это касалось накопления материала финно-угорских археологических древностей, его первичной обработки, простейшего описания и некоторых выводов с опорой на имеющиеся в его распоряжении на тот момент знания археологической науки.

В публичной лекции в Дворянском собрании в декабре 1896 г. и в августе 1897 г. на заседаниях архивной комиссии Н. М. Бекаревич высказал мнение и дал характеристику вещевого материала погребального инвентаря, привёл данные о виде, форме, размерах насыпи, прописал обряд захоронения, высказал свои соображения по вопросам хронологии и этнической принадлежности населения, оставившего костромские курганы. Он писал: «Курганные люди жили в обследованных районах в конце IX и X вв. Близки же они к Ярославскому курганному населению, т.е. к Мери...»³. Высказанные мнения представляют интерес, в плане того, что впоследствии в научных исследованиях сформировались две точки зрения на костромское население: представители первой считали костромское финно-угорское население именно мерянским, опираясь на данные топонимики (Галич

¹ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг., Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 444 – 446.

² Там же. – С. 444.

³ Там же. – С. 446.

Мерский, река Маара и др.), вторая точка зрения отрицает этот факт. Необходимо отметить, что Н. М. Бекаревич первым обратил внимание на данный вопрос. Описанные Н. М. Бекаревичем находки финно-угорского характера на данных территориях (шумящие подвески, зооморфные изображения), впоследствии были подтверждены находками Ф. Д. Нефёдова на территории с. Красное, атрибутированными как финно-угорские. Это шумящие подвески, зооморфные амулеты: подвеска шумящая объёмная в виде птички с двумя коническими привесками XII в.¹; подвеска шумящая треугольная каркасная с тремя привесками в виде гусиных лапок XII – XIII вв.²; подвеска из шести цилиндрических пронизок с двумя подвесками в виде гусиных лапок по краям XII – XIII вв.³ и т.д. В дневнике Н. М. Бекаревича содержатся сведения о погребальном обряде и хронологии курганной эпохи, собранные во время раскопок. Исследователь датировал погребальные насыпи концом IX– X вв., но считал возможным отнести некоторые памятники к XI – XII вв.⁴

Одновременно с экспедициями КГУАК в 1895 – 1896 гг. проводил раскопки курганов в Костромском Поволжье член Московского археологического общества Ф. Д. Нефёдов. В 1895 – 1896 гг. он исследовал 548 курганов в 85 могильниках, в большинстве находившихся на территории Кинешемского уезда, позднее вошедшего в состав Ивановской области. В границах современной Костромской области оказалось 67 раскопанных им курганов в девяти могильниках⁵. Почти до конца XIX в. КГУАК отдавала явное предпочтение изучению курганных древностей, хотя и располагала многочисленными сведениями о других типах памятников, собранных на основе опросных листов. Видимо, это было связано в какой-то степени с

¹ КГИАХМЗ. Коллекционная опись. Фонд археологии. КОК 15452/90. А – 120/90.

² Там же. КОК 15453/42. А – 121/42.

³ Там же. КОК 15467/8. А – 135/8.

⁴ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг., Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 446, 453.

⁵ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С.161 – 232.

ограниченностью денежных средств, которыми могла располагать комиссия. Раскопки курганов сравнительно менее трудоёмки и позволяют быстрее получить эффективные результаты. Позднее материалы раскопок Ф. Д. Нефёдова были описаны Н. М. Бекаревичем при составлении «Материалов для археологической карты Костромской губернии»¹.

Опубликованный в 1899 г. дневник раскопок курганов в Костромской губернии, произведённых летом 1895 и 1896 гг., содержит перечисление и описание курганов Костромского, Нерехтского, Буйского уездов Костромской губернии. Данные материалы содержат сведения преимущественно о финно-угорских находках в курганах². В первой главе исследования мы отмечаем финно-угорские элементы в составе древнерусской культуры во второй половине X – начале XII вв. В дневниках Ф. Д. Нефёдова находим указания именно на эти черты. Одна из них: наличие «глиняных сводов» над захоронениями. Современные археологи считают это ярким элементом субстратной финно-угорской культуры. При описании курганов автор дневника останавливается на особенностях «глиняных сводов». Вопрос захоронения «под сводами» как вариант «домика мёртвых», опираясь на находки Ф. Д. Нефёдова, в настоящее время развивает П. Н. Травкин. По его мнению погребения «под сводами» могут считаться отголосками захоронения в «домиках мёртвых»³. С огромного пространства финских земель на территорию Древней Руси распространилась традиция хоронить умерших в своих жилищах, что соответствовало космогоническим представлениям финно-угорской мифологии. Мёртвые живут в своем мире, чтобы не навредить живым⁴.

¹ Бекаревич Н. М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд (Из Трудов Тверского Областного Археологического Съезда). – Тверь: типография губернского правления, 1905.

² Субстратные черты финно-угорской культуры, отмеченные Ф. Д. Нефёдовым, позднее были развиты в трудах Горюновой Е. И., Рябинина Е. А., Седова В. В., Третьякова П. Н.

³ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 180 – 182.

⁴ Там же.

Обращают на себя внимание многочисленные указания на захоронение под глиняным сводом в Нерехтском и Костромском уездах. Приведём примеры из дневника Ф. Д. Нефёдова: «на глубине 1 мт. встретилась заливка из глины и извести; под нею скелет головою на Ю.–З., правая рука и ноги вытянуты, а левая согнута и кисть лежит на груди. Вещи: ... на висках 3 серебряных кольца; на груди бронзовая круглая прорезная бляшка с ушком, в середине которой крест, а по сторонам его две змеи; на правом бедре серебряная подвеска с тремя бубенчиками; около левого бедра железный ножик...»¹. «Курган XVI. Покойник на материке... Над головою и грудь заливка из глины с известью»; «Курган VII. На глубине 2-х мт. 60 см. встретилась заливка, смесь глины с известью. Под сводом на материке лежали два скелета»² и др. Как мы указывали раньше, второй чертой финно-угорской принадлежности является наличие одиночных погребений с оружием, ножами и одновременно с женскими украшениями. Шумящие подвески, ножи, височные кольца – всё это предметы финно-угорской материальной культуры. Почти во всех захоронениях Ф. Д. Нефёдов обнаруживает наличие ножей, браслетов, топоров. В финно-угорской символике нож обладает магией острого предмета. Существует целая серия предметов, которые были специально предназначены для «запирания» умерших на том свете и обеспечения тем самым спокойствия живых. К таким предметам можно отнести: ножи, браслеты, наконечники стрел, гвозди. Например, почти во всех курганах в Костромском уезде (курганы I, II, III, V, VI, VII) Ф. Д. Нефёдов обнаруживает у покойников при левом бедре железный нож, витые бронзовые браслеты, топоры³.

Археолог П. Н. Травкин при обследовании жертвенной ямы на Соборной горе в г. Плесе в 1996 г. обнаруживает особым образом воткнутый топор (секиру), подтверждая применение ритуала «запирания» покойника в

¹Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России.– М., 1899. Т.3. – С. 167.

² Там же.

³Там же.– С.163, 164, 167, 199, 224, 225.

потустороннем мире¹. В ряде могильников зафиксированы немногочисленные меридиональные труположения, связанные, безусловно, с финно-угорским миром. Это, как указывалось ранее, субстратная черта. Приведём примеры из дневника, где отмечены захоронения северной подгруппы с меридиальной ориентировкой (юго-восток, север, северо-восток, юго-запад): Нерехтский уезд «Курган VI. ...обложен камнями. Покойник на материке, руки на груди, ноги вытянуты головою на Ю. – З.»² Нерехтский уезд «Курган III. Скелет выше материка на глубине 2-х мт., головою на Ю. – В., левая рука и ноги вытянуты»³. Костромской уезд. «Курган III. Покойник на материке, головою С.– З., руки на груди, ноги вытянуты»⁴ и др.

Интересна находка Ф. Д. Нефёдовым медвежьего атрибута. Как известно, знаки медведя, специфические амулеты, пользовались чрезвычайной популярностью среди волжско-финского и древнерусского населения региона. Это, прежде всего, подвески из просверленных медвежьих клыков и когтей, которые довольно часто встречаются на селищах и в курганах Владимирского ополья, в малых городах Верхнего Поволжья⁵. Постепенно вошла в ход новая форма: уменьшенная металлическая копия клыков или когтей медведя. При раскопках 1985г. П. Н.Травкиным на Микшинском финском селище (д. Микшино Ивановского р-на и обл) обнаружена половина бедренной кости медведя, которая, вероятно, была зарыта в ритуальных целях в кострище⁶.

¹ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 102.

² Там же. – С. 199.

³ Там же. – С. 167.

⁴ Там же. – С. 224.

⁵ Известны более поздние находки подвесок с «медвежьей» символикой с финского селища Унорож под Костромой (по С. И. Алексееву); из малого города Усть-Шексна (по И. И. Рыкуновой, А. Н. Рыкунову, Л. М. Иванову); из кургана под Плёмом (по Е. А. Рябинину).

⁶ Травкин П. Н. Микшинское финское селище на реке Уводь //Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. – Иваново, 1990. Вып. 4.– С. 14 – 24.

При раскопках на территории Красносельской волости были найдены в мерянских захоронениях вещественные памятники финно-угорского язычества XI – XIII вв. В дневнике Ф. Д. Нефёдова¹ указаны курганы, расположенные на берегах р. Волги недалеко от села Красное: у с. Коробово, Яковлевское, д. Чернецово, Редтово и др. Эти находки свидетельствуют о том, что на костромской земле мастера мерянского племени изготавливали из бронзы и низкопробного серебра в технике литья разнообразные выразительные украшения: височные кольца и перстни, гривны и браслеты, подвески и кольца, рельефные, плоские и литые изображения зверей и птиц, пряжки, лунницы, серьги, бусы и другие предметы убранства женского и мужского костюма. Вещи, выполненные в металле, тогда особенно ценились, они были связаны с языческим культом, выполняли роль амулетов и «оберегов» и не случайно их закладывали в погребения².

В кургане найдена подвеска, в которой Ф. Д. Нефёдов увидел «ангела». На изображении легко угадывается птица. Анализируя данную подвеску, плёсский археолог П. Н. Травкин обращает внимание на то, что в данной ситуации нас должен заинтересовать способ изображения птицы, который, кстати, почти всегда, совпадает в русских и финских древностях. В положении головой вверх птица очень напоминает центральное антропоморфное изображение шаманских бубнов (древо-человек, первопредок)³. Подобного рода изображения впоследствии находили и в других финских поселениях, например подвеска с Введенского селища (Ярославская область)⁴.

¹ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С.224.

² Бузин А. И. Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: Красносельский ювелирпром, 1997. – С. 9 – 10.

³ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 60.

⁴ Праздников В. В. Привески с поселения Введенское // Археология Ярославского края. – Рыбинск, 2002. Вып. 2. – С. 55.

Наиболее интересны найденные подвески в виде водоплавающей птицы. Данная зооморфная фигурка тотемного характера указывает на древний культ, характерный всем финно-угорским народам. Культовые фигурки водоплавающих птиц и их символы – подвески в виде перепончатых лапок – были чрезвычайно широко распространены в мерянской земле. У г. Плёса на Алабужском городище найдены подвески в виде водоплавающих птиц¹. Ф. Д. Нефёдов первым обратил внимание на большую распространённость на территории Костромского Поволжья подвесок в виде фигурок водоплавающих птиц в могильниках конца XI – XIII вв.² В Костромском Поволжье найдено 150 подвесок, составляющих около 20% всех древнерусских зооморфных украшений. Среди этих подвесок встречаются плоские литые и полые объёмные фигурки одно- и двуглавые³.

В настоящее время красносельские находки Ф. Д. Нефёдова находятся в экспозиции Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства и являются экспонатами ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», фонда археология. Среди находок: шумящие подвески в виде литых плоских уток с привешенными перепончатыми лапками: подвеска шумящая объёмная зооморфная с четырьмя привесками бубенчиками. XII – XIII вв.; подвеска шумящая треугольная каркасная с тремя привесками в виде гусиных лапок. XII – XIII вв.; подвеска из шести цилиндрических пронизок с двумя подвесками в виде гусиных лапок по краям. XII – XIII вв. и другие⁴.

Таким образом, именно подвески-уточки становятся характерной приметой финно-угорских ювелирных украшений на территории Костромского края. Этот факт подтвердили и более поздние находки.

¹ Травкин П. Н. Плесское ювелирное искусство: 25 веков истории. – Иваново: А – Гриф, 2010. – С. 4.

² По мнению Горюновой Е. И. одним из центров производства этих вещей были южные приволжские районы Костромской области. Горюнова Е. И. Указ. соч. – С. 142.

³ Алексеев С. И., Комаров К. И., Леонтьев А. Е. Археология Костромского края. – Кострома, 1997. – С. 185.

⁴ КГИАХМЗ. КОК 15419/5; А – 87/5; 15419/5. А – 87/5; 15452/90. А – 120/90; 15453/42. А – 121/42; 15455/25. А – 123/25; 15456/4. А – 124/4.

Подвески-уточка найдены в 60-х гг. XX в. при раскопках Поповского городища Унженского района (Мантуровский район Костромской области) среди других украшений унженского населения VI – VII вв. В настоящее время в коллекции из раскопок этого городища, хранящейся в ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», представлено несколько предметов с утино-гусиной символикой: шумящая подвеска бронзовая в виде прямоугольного щитка с 6-ю отверстиями ушками и 5-ю привесками-цепочками с утиными лапками; подвеска бронзовая шумящая в виде одностороннего витого стержня-пронизки с 3-мя кольцами и продетыми в них 3-мя гусиными лапками; подвеска бронзовая в виде утиной лапки с ушком; фрагмент лапки-привески бронзовой; привеска лапка бронзовая¹ (см. Приложение № 6).

В архиве Костромского музея-заповедника нами обнаружены ранее неопубликованные рукописные материалы, составленные Ф. Д. Нефёдовым к протоколу заседания КГУАК². В документе подчёркивалось: «В настоящем заседании заслушаны два реферата по доисторической археологии Н. М. Бекаревич познакомил собрание с результатами раскопок «мерянских» курганов, произведенных им совместно с другими членами комиссии в Костромском уезде, а А. П. Поливанов – с раскопками городища близ с. Богородского в Варнавинском уезде. Коллекции вещей констатируют факт существования в Костромском Приволжье мерян и наглядно восстанавливают их быт и культуру. Не подлежит никакому сомнению, что обследованные курганы – мерянские. Так, громадное большинство курганных предметов совершенно одинаковы с предметами, находящимися в богатых коллекциях графа А. С. Уварова: как известно собранию, что он первый исследовал памятники мери в пределах наших Центральных губерний. Мы видим также медные и бронзовые привески, височные кольца,

¹ КГИАХМЗ. КОК 37808. № 20, 85, 108, 243, 306, 344, 375.

² КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной ученой Комиссии 29 августа 1895 г.

серьги и шейные украшения, браслеты, перстни и прочее и равно железные ножички, топоры и другие орудия»¹. Работа А. С. Уварова широко использовалась учёными. Так, Ф. Д. Нефёдов поддерживал его мнение о мерянской принадлежности костромских курганов. Заслуживают внимания сравнения Ф. Д. Нефёдовым мерянских украшений с другими финно-угорскими находками. «В коллекциях членов Архивной комиссии особенно любопытна одна серебряная, круглая и с выпуклостью фибула, на которой изображён знак «Х» – это свастика, индоевропейский символ добывания огня посредством трения двух деревьев, положенных крестообразно одно на другое и с загнутыми концами. Такие изображения встречались на ручных кольцах в курганах древней мещеры – народа, современного мери и обитавшего по реке Оке и ее притокам»². Ф. Д. Нефёдов обращает внимание на предметы из железа, что является и указанием на дьяковскую культуру железного века и подчеркивает торговые связи мерян и уровень их развития.

По мнению Ф. Д. Нефёдова, найденные железные серпы и косы, свидетельствуют о том, что ранние насельники края были знакомы с земледелием, а, следовательно, достигли в курганный период известной степени культуры. Некоторые украшения, например, янтарные и сердоликовые бусы, указывают на отношения мерян с другими соседними народами.

Большой интерес представляют сведения о жилищах мерян о которых до этого времени нечего не было известно. «Все они представляют фигуру удлинённого квадрата заросли по сторонам травой и встречаются по одной, по две и по пять. При раскопках двух таких ям, по вынутой обсыпавшейся земле, оказались угли, глиняные черепки горшков и признаки очагов или каенок. Очевидно, эти ямы служили жилищами мерян, так как в скрытых ... курганах при покойниках найдены украшения и разные вещи мерянского

¹ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. – Л. 1. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной ученой Комиссии 29 августа 1895 г.

² Там же.

типа»¹. Нефёдовым Ф. Д. в этих записках очерчена территория заселения меря: «Меря занимала обширную территорию: губерния Московская, Новгородская, Ярославская и Костромская – вот мерянский край»².

Важной вехой в истории изучения финно-угорских древностей стал доклад председателя комиссии Н. Н. Селифонтова, который был сделан на заседании комиссии 6 июля 1895 г. В докладе было отмечено, что Костромская губерния займёт более важное место на страницах Русской истории, чем то, которое ей отводится сейчас. «Разноплемённость состава первоначального населения ещё и доселе напоминает о себе многочисленными мерянскими, чудскими и т. п. названиями отдельных городов, селений, рек. Сохранившиеся здесь в целостности народные обряды и обычаи прямо переносят в эпоху древнего язычества и доставляют материал для характеристики первоначальных нравов и культа (праздник Ярилы, семик и др.)»³.

В фондах Костромского музея-заповедника обнаружена рукопись датированная 1895 г., составленная Ионой Дмитриевичем Преображенским «Сведения о курганах и городищах Костромской губернии», в которой автором собраны данные о курганах и городищах. Данные материалы ранее не были опубликованы. Введение их в научный оборот имеет значение, так как ряд этих сведений указывают на мерянское происхождение данных объектов. Поздние раскопки определяют эти территории как мерянские⁴.

И. Д. Преображенский писал, что «Близ с. Буяново, Андреевской волости на р. Шача находятся 5 курганов, обложенных камнями»⁵. Опираясь на мнение И. А. Горюновой, Е. А. Рябинина о том, что курганы, обложенные

¹ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. – Л. 3. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной ученой Комиссии 29 августа 1895 г.

² Там же.

³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. Л. 13 – 14. Обзор деятельности КГУАК за первые десять лет, с 6 июля 1885 г. по 6 июля 1895 г., читаемый председателем комиссии Н.Н. Селифонтовым, в заседании комиссии 6 июля 1895 г.

⁴ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49353. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

⁵ Там же. – Л. 3.

камнями – это характерный мерянский признак, и вообще финский, приведем мнение Т. А. Матвеевой: «Для погребальной культуры всех прибалтийско-финских племен характерны могильники с каменными кладками»¹.

В рукописи присутствует несколько замечаний о находках оружия в захоронениях. Как известно оружие в могильниках – это финно-угорский признак. «Кинешемский уезд Колшевской волости близ д. Кокухова, в лугу при р. Шехть имеется курган, там по рассказам зарыто оружие. С. Ухтубуж. Кологривский уезд. Существуют насыпи и курганы. При разрытии одного найдены были глиняные сосуды и оружие»². На применение трупосожжения указывают горшки с пеплом, найденные в Карпумовской волости при деревне Петряево, где имеется укрепление в виде курганов, «один из них крестьяне раскопали и нашли в нём человеческие и лошадиные кости, два горшка с пеплом, три каменных молотка и бронзовый топорик»³. Интересно упоминание о панах и курганах, указывающее также на финское автохтонное население: «Макарьевский уезд. Близ д. Юркова насыпь в виде трёх холмов на ровном месте. По рассказам крестьян будто бы тут жили какие-то паны. Троица, Рождественской волости. Близ села имеются курганы, по рассказам тут похоронены «паны»⁴. Распространено мнение, что «панями» на территориях финно-угорских поселений называли могильники. Ярославский краевед А. А. Титов в 1885 г. пишет: «Еще в конце XIX в. петербургский учёный В. Н. Майнов в письме к ростовскому археологу А. И. Кельсиеву определил этимологию слова «пан» следующим образом: «по-весьски или по-чудски «паннен» значит класть, полагать, а «пангед» – могила; по-

¹ Матвеева Т. А. К исследованию комплекса каменных кладок под п. Подборовье Выборгского района / Большая Петербургия в пространстве культурологического исследования: сборник научных статей.– СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. Вып. 4. – С. 12 – 13.

² КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49353. – Л. 3. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

³ Там же. – Л. 3.

⁴ Там же. – Л. 14.

карельски «панап» – хоронить; по-мордовски: 1) мокша «панда» – холм, курган, могила, 2) эрзя «пандо» – гора, могила, холм»¹.

Этим же 1895 г. датирована и вторая рукопись И. Д. Преображенского «Клады и паны, легенды и предания Костромского края»². В рукописи изложены легенды и разные предания о кладках и неких странных особых людях панах, которые причастны к захоронению кладов и чудесам с ними связанными: «Юрьевоцкого уезда, Болотновской волости в 3-х верстах от д. Малых Ломов на покосте называемом Лубеньки передают крестьяне, что есть клад под большим камнем. Крестьяне по ночам принимались рыть, но за не возможностью свалить камень отступились. Близ той же деревни Ломов в болоте, называемом «Плаксино», говорят тоже есть клад, который показывается крестьянам в виде лошади. Существует предание, что в доме близ д. Дьяконова, Дьяконовской волости, зарыт клад Стенькою Разиным, который крестьяне прежде начинали вырывать, но при рытии один из работающих выругался и клад ушёл в землю глубже. Макарьевский уезд. Крестьяне Кавернинской волости, упорно верят в клад, находящийся на, так называемой, «каменной заклади». Близ р. Ветлуги есть место, которое и доселе называется «Паново». У панов много было золота, серебра, сокровищ, которые сокрыты в землю. Эти сокровища клада может найти только тот человек, у которого была с собой панова нога»³. Как видим, в народном фольклоре присутствуют признаки мерянской культуры.

В 1897 г. в 4-м выпуске сборника КГУАК «Костромская старина» была опубликована статья И. Д. Преображенского «Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края»⁴. Автор статьи указывает, что

¹Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда.– М.: Синодальная типография, 1885. – С.51.

² ГУК КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49352. Преображенский И. Д. Клады и паны, легенды и предания Костромского края.

³ Там же.– Л. 6.

⁴ Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад. Члена-делопроизводителя комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. Кострома: Типо-лит. – СПб.: С. П. Федотова, 1897. Вып. 4.

Комиссия получила много сведений от местного населения. Среди сведений есть интересные факты, подтверждающие ранее указанные И. Д. Преображенским финно-угорские характерные черты. Например, «Костромского уезда Бычихинской волости, близ деревни Юрнова в лесу есть местность «Могилки», где существуют курганы, обложенные камнями»¹. Ещё в 1892 г. с разрешения Императорской археологической комиссии костромская архивная комиссия приступила к раскопкам курганов в пределах Костромского уезда «...представлены два доклада, из коих можно составить понятие о местах, избираемых курганными людьми для погребений умерших, о форме могил и о способе погребения, о положении костяков, о видах предметов и украшений, с коими эти люди погребали умерших и о металле, из которого делались вещи или украшения. Насыпь раскопанных курганов формы полушарообразной и состоит из песка, по основанию почти всегда обложена валунами. Скелеты, находимые в курганах, лежат головою на запад, ногами на восток, руки по большей части вытянуты вдоль туловища. В кургане № 6, около правого слухового прохода медная серьга с подвескою; на шейных позвонках серебряная фибула и под левой тазовой костью медная подвеска»².

В 1899 г. известный этнограф, антрополог, географ и археолог, президент общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, профессор Московского университета, академик Дмитрий Николаевич Анучин подготовил исследование «О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах»³. Дмитрий Николаевич известен как автор и пропагандист комплексного метода в исторических исследованиях. Для научного метода Д. Н. Анучина

¹ Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад. Член-делопроизводитель комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. Кострома: Типо-лит. – СПб.: С. П. Федотова, 1897. Вып. 4. С. 369.

² Там же. – С. 372 – 376.

³ Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства / под ред. Д. Н. Анучина. – М., 1899. Вып. 3. – С. 237 – 259.

характерны строгий историзм и комплексное использование данных антропологии, этнографии, археологии, географии и других наук¹. Изучение обширного археологического материала КГУАК и работ Ф. Д. Нефёдова позволило Д. Н. Анучину создать научное исследование обобщающего характера. Признавая финскую основу костромских курганов, он выделял их в особую группу среди погребальных древнерусских насыпей и объяснял их своеобразие сильным влиянием вятско-камского региона. В курганах XI – XII вв. он видел наличие славянских элементов как результата древнерусской колонизации. Автор представил картину культурного развития костромского курганного населения, выявив его связи с населением как западных (Владимирский и Петербургский районы) так и восточных земель (Вятско-Камский район). Он датировал преобладающую эпоху погребения концом X – XI вв., допуская вместе с тем наличие как более ранних комплексов, так и курганов XII в.² Автор статьи подчеркивал географическую ориентировку домонгольских захоронений в регионе: головой на запад, иногда с небольшими отклонениями к юго-западу, подобно тому, что мы отмечаем и в плёсских погребениях XII – XIII вв., и в более ранних финских памятниках региона³.

На Ярославском археологическом съезде в августе 1901 г. Н. М. Бекаревич, делая доклад, опирался на выводы Д. Н. Анучина. Особое внимание в его докладе было уделено мало изученным в то время памятникам раннего железного века. КГУАК проводила обследование городищ на правом берегу реки Волги, у реки Костромы, у с. Минское и Черная Заводь, на реке Стежере у с. Дурасово.

¹ Карпов Г. В. Путь учёного. – М., 1958.

² Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства / под ред. Д. Н. Анучина. – М., 1899. Вып. 3.– С. 254.

³ Анучин Д. Н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда // Древности. Т. XIV, – М., 1890.

В 1895 – 1899 гг. А. П. Поливанов раскапывал городища близ с. Варнавина. Дневники раскопок и найденные предметы (более 500) он представил КГУАК. В своём выступлении, посвящённом 10-летию КГУАК, Н. Н. Селифонтов упоминает об этих раскопках.

Первая сводная работа о мерянских археологических памятниках принадлежит известному русскому археологу А. А. Спицыну¹. Александр Андреевич Спицын – крупный русский и советский археолог, профессор, член-корреспондент АН СССР. С 1892 г. был на службе в Императорской Археологической комиссии. Будучи много лет заместителем её председателя, фактически направлял всю повседневную работу. Занимался изучением, систематизацией, каталогизацией древностей России (бронзовый век, скифо-сарматские, волжско-камские, славянские). Составил уникальную для своего времени по полноте и разнообразию сводку печатных и архивных данных об археологических памятниках и отдельных находках древностей на всей территории Российской империи. Продолжил начатую Д. Я. Самоквасовым публикацию анкетных данных о расположении городищ и курганов в отдельных губерниях и областях России². Благодаря археологическим раскопкам конца XIX – начала XX вв., и прежде всего научной деятельности А. А. Спицына, в начале нашего столетия стали хорошо известны предметы финно-угорской материальной культуры, давшие достаточное представление об особенностях материальной культуры древней мордвы, муромы. А. А. Спицын продемонстрировал новый подход к интерпретации археологических источников. К концу XIX – началу XX вв. выдающийся систематизатор славянских и финно-угорских древностей проделал колоссальную работу по изучению средневековых курганных материалов из разных древнерусских областей. Впервые появилась возможность сопоставления материалов обширной зоны русско-мерянского пограничья с материалами тех районов,

¹ Спицын А. А. Обозрение некоторых губерний и областей Российских в археологическом отношении // ЗРАО– СПб., 1899. Вып. 1 – 2. – С. 237 – 248.

² Бердинских В. А. Вятский период жизни А. А. Спицына // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.

где финно-угорский этнический элемент заведомо отсутствовал. В итоге сравнительного анализа А. А. Спицын пришёл к заключению о древнерусском облике культуры крупных курганных регионов в северо-западных и северо-восточных областях Руси¹.

В области фольклорно-этнографических изысканий необходимо отметить, изданную в 1898 г. «Этнографическим бюро» В. Н. Тенишева «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России», составленную на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность человека». Программа рассылалась внештатным сотрудникам «Этнографического бюро». Она создавалась В. Н. Тенишевым в течение 1896 – 1897 гг. с помощью смоленских краеведов В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Всего в программу включен 491 пункт, объединённый в 10 разделов, в составе которых насчитывалось 2500 вопросов. В дополнение к изданной программе составлялись и рассылались специальные анкеты по разделам, представлявшим наибольший интерес для владельца бюро. Создавая свою программу, В. Н. Тенишев опирался на аналогичный опыт, уже имевшийся в русской этнографической литературе. Программа включала вопросы, ориентированные на фиксацию старины, запись народных юридических обычаев, обрядов, фольклорных текстов².

Деятельность «Этнографического бюро» была хорошо организована и поставлена на коммерческую основу. Владельцем и главным научным руководителем всего предприятия был сам В. Н. Тенишев. Конкретной организационной работой занимался заведующий бюро, должность которого в разное время занимали этнографы А. А. Чарушин и С. В. Максимов. В бюро имелись штатные и внештатные сотрудники. Первые жили в

¹ Жукова Е. Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис... канд. ист. наук. – М. 2005. – С. 40.

² В 2003 г. Архив РЭМ публикует документы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева в рамках целевой федеральной программы «Культура России 2001 – 2010» под руководством Грусмана В. М.; Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. [Электронный ресурс]. [2010]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section343/1652/1764/2945.htm>. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева // АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1.

Петербурге, ежедневно приходили на работу в бюро и были квалифицированными специалистами в области этнографии. Внештатные сотрудники, так называемые корреспонденты, – это люди, заключившие с «Этнографическим бюро» договор на выполнение работ по сбору этнографических сведений в той местности, в которой они жили. Это были учителя, священнослужители, семинаристы, студенты и небольшое количество образованных крестьян – всего 350 человек из 23 губерний Европейской России. Материалы должны были иметь название главы программы и номер освещаемого вопроса. Ответы на вопросы должны были быть точными, являться фактами, а не общими рассуждениями о жизни крестьян. От корреспондентов требовалась абсолютная достоверность информации, считавшаяся главным условием успешности выполнения программы. Корреспонденты, отвечая на вопросы программы, должны были излагать свои непосредственные наблюдения за жизнью народа, записывать возможно более точно рассказы крестьян. В разделе книги, посвящённом Костромской губернии, были представлены рукописи сельских учителей: М. С. Ветюгова, И. М. Воропонова, И. П. Григорьева, Н. Колосова, В. В. Решеткина и А. П. Травиной, а также студента Вологодской духовной семинарии Я. И. Кузнецова, его отца фельдшера И. Кузнецова и ещё четырёх корреспондентов В. И. Андреевой, А. Н. Макарова, К. И. Рощина, Н. Путьковского, профессиональную принадлежность которых установить не удалось, но, судя по тексту, они были, вероятно, также учителями. Авторы этих рукописей описывают жизнь крестьян Буйского, Ветлужского, Галичского, Макарьевского, Солигаличского, Чухломского уездов. В рукописях имеется также информация о крестьянах Павинской и Вознесенской волостей Никольского уезда Вологодской губернии¹.

Эти источники давали возможность выявить рудименты финно-угорского культурного наследия в крестьянских традициях XIX в. При этом на первый план выходит молодежная субкультура: посиделки, гулянья, игры,

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп.1. Д. 1. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева.

пляски, а также свадебный обряд. Сведения о родильно-крестильных, поминально-погребальных обрядах очень скудные. Например, по представлениям костромичей, «когда живые дают есть умершим», то думают о том, что «тем самым души свои очищают. На могилу стелили скатерть, раскладывали кушанья; для «родителей» на перекрестье или в подножие креста крошили яйца, сыпали зерно и кутью... Умершего приглашали к трапезе словами: Выходи и угощайся»¹.

Столь же немногочисленны и материалы, характеризующие жилище, одежду, пищу, орудия труда и утварь. Например, воздерживаясь в дни постов от определенной пищи, крестьяне переносили понятие скоромное как запретное и на предметы быта. Почти каждая деревенская хозяйка считала своим долгом иметь постную посуду – горшки, миски, ложки. (Галичский уезд Костромской губ.)²

В качестве примера можно привести записи о праздновании Егорьева дня на исконно мерянских территориях Галичского и Чухломского уездов, где сильно укоренён языческий обряд «окликания Егория». Элементы древних финно-угорских мифологических представлений усматриваются в особом почитании богов нижнего мира, покровительствующих охоте и охраняющих скот. Егорий – один из христианских святых, занявших место покровителей животных. На празднование Егория первый раз скотину выпускали в поле, гнали её зелёными ветками, одевали коровам на рога венки из цветов, пастухи жарили яичницу на костре в поле. В материалах тенишевского архива указывалось: «Во всех приходах Галичского и Чухломского уезда распространён обычай окликать Егория, просить его защиты и помощи и выпускать в поле скотину. Мальчишки обходят всю деревню, окликают Егория: «Спаси нашу скотину, всю животину. И в поле и

¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 72. – Л. 1. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева.

² Там же. Д. 376. – Л. 9 – 10.

за полем, под красным солнышком. Волку и медведю пень да корегу...»¹. В этот день обязательно ходили на кладбище, «чтобы навестить могилы и поклониться умершим родным и знакомым. С собой приносили обычно поминальную еду, троицкие березовые ветки, цветы, венки, веник»².

В. Н. Тенишевым в 1899 г. была издана последняя работа Сергея Васильевича Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», написанная на материале, собранном не только автором³. Работа С. В. Максимовым выполнялась по просьбе князя В. Тенишева на материалах, собранных информантами в губерниях по программе «Этнографического бюро». В. Тенишев писал: «В настоящем своём труде С. В. Максимов пользовался не только фактами, сообщёнными моими сотрудниками, но и собственным огромным запасом наблюдений, собранным им ещё в молодые годы, когда по образу пешего хождения, одетый странником, он отправлялся в народ... с удивительной глубиной оттеняет ту борьбу между миром язычества и христианства, которая и доднесь не закончилась ещё на святой Руси»⁴. Труд основывался на материалах, записанных исследователями народной культуры и быта в деревнях и сёлах в конце XIX в., и стал научным источником по верованиям русского народа. С. В. Максимов был уроженцем Кологривского уезда посада Парфеньево, потому многие материалы основываются на костромских наблюдениях. Для данной темы особый интерес представляет глава «Священные рощи», где С. В. Максимов обращается к описанию двух языческих явлений очень распространённых в верованиях всех финских народов: *камнепоклонство* и *почитание священных рощ*. Например, марийские священные рощи. Они располагаются недалеко от поселений на возвышенных местах посреди полей в виде зелёного островка.

¹АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 592. Л. 1 – 6. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния. Галичский уезд.

² Там же. Д. 495. – Л. 1.

³ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.

⁴ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. [Электронный ресурс]. [2010]. URL: [http:// az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0120.shtml](http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0120.shtml).

Марийцы рассматривают священную рощу как сакральную территорию, в пределах которой возможен контакт человека с Богом. Согласно мифологическим представлениям, в центре Священной рощи произрастало Мировое дерево. С. В. Максимов приводит примеры почитания священных рощ на сопредельных Костромской губернии территориях. «В селе Бруснице (Тотемский уезд) до сих пор цела священная сосна. Сложилось предание, что она не поддается никаким человеческим усилиям: вместо отброса щепы мечет искры, неисправимо тупит лезвие топора, а сам смельчак, дерзнувший рубить эту сосну, непременно «надорвётся нутром, начнёт чахнуть и невдолге помрёт»¹. Тем же страхом болезни и смерти оберегаются избранные деревья: дуплистые сосны. Больного ребёнка исцеляют так: «через отверстие их «пронимают»², т. е. протаскивают, несколько раз детей, а иногда пролезают и сами взрослые с одного бока целебной сосны на другой. Больной и жрица кланяются дереву земным поклоном, с молитвою: «Прости, матушка-сыра земля и свято дерево, отпусти!»³. В спасительную и целительную силу этого дерева крестьяне сильно верят. В сообщении от 15 мая 1899 г. корреспондент г. Лентовский свидетельствует: «Я однажды сломал несколько сучьев этой липы и бросил их с целью узнать: будут ли по этим сучьям ездить. И действительно, через три дня увидел, что сучья не тронуты, а вправо, в объезд, был проложен новый след, по которому и стали ездить»⁴. Упоминает Максимов С. В. и Костромскую губернию «От явления св. икон (исключительно Богоматери) на ветвях или у корней деревьев, подобно Костромской, Феодоровской и Курской Коренной, самые деревья признавались святыми...»⁵. В связи с этим обстоятельством можно вспомнить предание о явлении Чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери в Костроме. Когда князь Василий, охотясь, увидел на дереве образ Пресвятой Богородицы. С. В. Максимовым было отмечено *камнепоклонство*. «Наше внимание в настоящем случае,

¹Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск: Русич, 1995. – С. 464 – 468.

²Там же. – С. 465.

³ Там же. – С. 464 – 468.

⁴Там же .

⁵ Там же . – С. 464 – 468; 469.

главнейшим образом, останавливает ...след человеческой ноги, почитаемый таковым в силу слепого фанатизма, но на самом деле, не имеющий, ни малейшего сходства с обыкновенным следом человека, уже ввиду своей чрезмерной величины»¹. В финских космогонических мифах камень осмысливается как некая основа, центр мира или замок, скрепляющий небо и землю. При ударе о Камень из него источаются огонь или вода – основные стихии мироздания². Автор приводит примеры поклонения камням, так называемым следовикам – валунам с углублениями, напоминающими отпечаток ступни. По классификации, предложенной Чернецовой С. Б. этот камень входит в распространённую группу камней, имеющих изображение, в данном случае след (следовик)³. В Костромской области камень, на котором изображена стопа, сохранился в 2 км от города Солигалича. Камень (Иисуса) особо почитаем местными жителями.

У С. В. Максимова находим упоминание о «Никольщине», как наиболее важном и почитаемом празднике: «Это празднество всегда справляют в складчину, так как одному не по силам принимать всех соседей. Общее веселье и охота на пиво длятся не менее 3 и 4 дней. Неладно бывает тому, кто отказывается от складчины и уклоняется от празднования: такого домохозяина изводят насмешками в течение круглого года, не дают проходу от поборов и крупной брани и отстают и прощают, когда виновный покается: призовет священника с молебном и выставит всем обильное угощение»⁴.

Таким образом, 90-е гг. XIX в. в России можно охарактеризовать как годы активного интереса к культурам отдельных территорий.

Наиболее значимые материалы по изучению культурного наследия древних финно-угорских народов Костромского края составляют работы, связанные с деятельностью КГУАК: материалы заседаний, отчёты, публикации результатов археологических экспедиций, на региональном уровне в это время изучаются исторические очерки и описания и

¹ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Смоленск: Русич, 1995. – С. 465.

² Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005. – С. 72

³ Чернецова С. Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье)// Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2007. Вып. 7. Ч. 1. – С. 180

⁴ Максимов С. В. Указ. соч. – С. 669.

отсутствуют фундаментальные работы общего характера. Формализованный анализ работ позволяет сделать вывод о том, что в анализируемое десятилетие идёт активное накопление новых артефактов для их последующего осмысления и анализа. Неслучайно большую группу источников составляют материальные (археологические находки). Отсутствуют самостоятельные издания, большинство публикаций издаётся в периодической печати. В количественном отношении за одно десятилетие 90-х гг. опубликовано работ по изучению финно-угорского культурного наследия Костромского края примерно столько же, сколько за восемь предыдущих десятилетий XIX в. Вследствие этого, можно сделать вывод о большом количественном скачке в изучении данного направления, который заложил основу для дальнейшего исследования темы.

§2. Археологические съезды в начале XX в. – новый качественный этап развития провинциальной исторической мысли

Заметным явлением научной жизни Российской империи с конца 60-х гг. XIX в. до 1911 г. стали археологические съезды¹.

Идея проведения Археологических съездов в России (по примеру ведущих европейских стран) была высказана в 1864 г. председателем Московского археологического общества гр. А. С. Уваровым. Археологические съезды сопровождались выставками, которые представляли местные древности, служили для пояснения предлагаемых на заседаниях тематических рефератов, знакомили с результатами деятельности археологических обществ. Издавались подробные каталоги выставок. С 3-го

¹ Всего было 15 Археологических съездов: 1-й – в Москве (1869 г.), 2-й – в Санкт-Петербурге (1871 г.), 3-й – в Киеве (1874 г.), 4-й – в Казани (1877 г.), 5-й – в Тифлисе (1881 г.), 6-й – в Одессе (1884 г.), 7-й – в Ярославле (1887 г.), 8-й – в Москве (1890 г.), 9-й – в Вильно (1893 г.); 10-й – в Риге (1896 г.), 11-й – в Киеве (1899 г.), 12-й – в Харькове (1902 г.), 13-й – в Екатеринославле (1905 г.), 14-й – в Чернигове (1908 г.), 15-й – в Новгороде (1911 г.). Предполагавшийся 16-й съезд в 1914 г. в Пскове не состоялся из-за начала первой мировой войны. Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук: – Самара, 2005.

съезда начали проводиться экскурсии, с 5-го – показательные археологические раскопки под руководством известных учёных (В. Б. Антоновича, Н. П. Кондакова). В дни проведения Археологических съездов издавались «Известия о занятиях съезда», а иногда альбомы с фотогравюрами участников и т. п. Доклады и рефераты публиковались в полном объёме в «Трудах» съезда. Несомненно, что участие в работе съездов продвигало изучение финно-угорского культурного наследия, поднимало проблемы связанные с этой темой на высокий научный уровень.

Созданные по инициативе губернских учёных архивных комиссий областные Археологические съезды отражали направления деятельности этих комиссий (комплектация местных исторических архивов, историческое, археологическое и этнографическое изучение губерний). В областных съездах участвовали представители ГУАК, действовавших на территории нынешнего Верхневолжского региона. Эффективная работа съездов расширяла круг его участников. Надо отметить, что к началу XX в. в их работе приняли участие исследователи Нижнего Новгорода, Вологды и Новгорода Великого¹. Порядок подготовки и проведения областных съездов в целом повторял принятый на общероссийских. Областных Археологических съездов было 4: 1-й – в Ярославле (1901 г.), 2-й – в Твери (1903 г.), 3-й – во Владимире (1906 г.), 4-й – в Костроме (1909 г.)².

Археологические съезды играли исключительно важную роль в развитии исследовательского интереса к археологическим древностям в провинции. Под *«финно-угорскими древностями»* в настоящем диссертационном исследовании подразумеваются археологические памятники и вещественные источники, принадлежавшие финно-угорскому автохтонному населению. Именно в период проведения археологических съездов оформилось научное направление по изучению всего комплекса

¹ Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47.

² Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М., 1902.

материальной культуры древних финно-угорских народов, проживавших на территории Костромского края. Важно, что среди многих вопросов на съезде были отдельно выделены вопросы, касающиеся финно-угорских древностей, изучаемые в разделе «*первобытных древностей*». Съезды стали качественно новым уровнем развития провинциальной исторической мысли. Они проводились с целью координации деятельности научно-исторических обществ отдельных регионов России.

В рамках участия в указанных съездах готовились многочисленные доклады, материалы которых касались финно-угорских древностей, истории жизни автохтонного населения Костромского края. Многие из работ были опубликованы в Материалах съездов, местных изданиях тех губерний, где проводился съезд, в Трудах археологических съездов. Некоторые работы выходили при подготовке к съездам отдельными изданиями. Съезды стимулировали научную мысль, подогревали интерес к исследованиям, давали возможность высказаться в кругу единомышленников, рождали новые интересные работы. Это способствовало и организации новых археологических экспедиций, составлению новых программ по изучению этнографии и фольклора. Съезды аккумулировали всю научную историческую мысль в провинции, тематика работ, представленных на заседаниях, выходила за рамки проблем археологии и часто касалась историко-краеведческих исследований в целом. Материалы заседаний археологических съездов освещались в периодической печати.

Для Костромского края период 1900 – 1910-х гг. был временем оживления интереса к этнографическим, фольклорным и археологическим артефактам финно-угорского культурного наследия.

Открытие первого областного историко-археологического съезда состоялось в Ярославле 10 августа 1901 г. На съезд прибыло около 200 делегатов. В соответствии с программой съезда были сформированы секции, которые возглавляли столичные учёные, их названия почти не менялись после съезда в Ярославле: 1) «первобытных древностей»; 2) «церковных

древностей»; 3) «живой старины» и филологии; «истории»; 4) «архивоведения и археографии»¹. В секции «первобытных древностей» Н. М. Бекаревич выступил на первом областном съезде с докладом «О некоторых городищах в Костромской губернии», где изложил материалы археологических исследований в Костромской губернии². В своём докладе Н. М. Бекаревич опирался на выводы Д. Н. Анучина и подвёл итоги исследований курганов в Костромском крае архивной комиссией за 6 лет.

В докладе отражены материалы исследования городищ Костромской губернии у с. Никола-Одоевского, Ухтубуж, на р. Пушке, у бывшей д. Городище, и селище у с. Спас-Красная гора (с. Красногорье). Автор отмечал: «Здесь некогда ключом била жизнь человека. Здесь возжигались кострища, приносились жертвы, быть может было и судилище и расправа... Но это дело, конечно, последующих раскопок. Едва ли мы ошибёмся, говорит Бекаревич, если предположим, что городища были в конце неолитического периода каменного века, когда человек познакомился с железом»³.

Исследования Н. М. Бекаревича отличались описательностью при отсутствии выводов о времени и принадлежности находок к определённой культуре, однако становится очевидным, что речь идёт о разновременных находках, в том числе и о ямочно-ребенчатой керамике, распространённой на данных территориях в каменном веке и ставшей прообразом дьяковской: «Черепок от верхней части сосуда с утолщённым венчиком. Наружная поверхность его усеяна рубчиками, кроме рубчиков на ней замечается 3 полушарообразной формы выступа; с внутренней стороны 3 глубоких вдавления, которые и образуют снаружи 3 соответствующих выпуклости. На наружной поверхности имеются орнаменты из прямоугольных вдавлений, образующих три опоясывающих линии. Между 2-й и 3-й идут линии из таких

¹ Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. 2010. № 3. – С. 48.

² Бекаревич Н. М. О некоторых городищах в Костромской губернии // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М. 1902. № 3. – С. 38 – 40.

³ Там же. – С.38.

же вдавлений параллельно в наклонном положении, а под 3-й образуя углы»¹. Автором подробно, качественно характеризует находки, что даёт возможность исследователям следующих поколений делать важные выводы².

Следующий 2-й областной археологический съезд состоялся в Твери в 1903 г. Одним из решений этого съезда было составление археологических карт губерний по примеру работ В. А. Плетнёва, представлявшего Тверскую комиссию и Н. М. Бекаревича, представлявшего Костромскую учёную архивную комиссию. На антропологической выставке съезда из коллекции костромского музея были представлены предметы финно-угорской культуры: черемисские костюмы из Ветлужского уезда Костромской губернии и коллекция «куричьих богов» из уездов Костромской губернии, зарисовки черемисской семьи из деревни Большие Ошары, двух кереметищ и священного дуба³.

Костромские исследователи Андроников В. А. и Бекаревич Н. М. выступили на съезде с докладами. В. А. Андроников с докладом «Свадебные причитания Костромского края со стороны формы и содержания», где он развил тему своеобразия свадебных обрядов Костромского края, используя материалы своих предыдущих работ. Н. М. Бекаревич – с докладом «Заметка о курищем боге в Костромской губернии». Обе работы были позднее опубликованы в сборнике Трудов 2-го областного Тверского археологического съезда⁴.

¹ Бекаревич Н. М. О некоторых городищах в Костромской губернии // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М. 1902. № 3. – С. 4.

² Алексеев С. И., Комаров К. И., Леонтьев А. Е. Археология Костромского края. Кострома, 1997. – С. 56.

³ Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 20.

⁴ Андроников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. Тверь, 1906. С. 33 – 93; Бекаревич Н. М. Заметка о курищем боге в Костромской губернии / Отдел Живая старина. Областная этнография // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 115 – 123.

Доклад Н. М. Бекаревича явился результатом изучения коллекции «куриных богов», хранящихся в количестве 285 экземпляров в музее КГУАК. «Куричьим (куриным) богом» – с древних времён считался камень со сквозным отверстием, служившим для охраны кур от болезней, которые посылались кикиморой. Участники съезда: И. Я. Шляпкин и М. И. Соколов предложили сопоставлять аналогичный этнографический материал для выявления причин использования камня.

Необходимо отметить, что иногда роль «куриного бога» выполняли старые предметы, поломанные, вышедшие из употребления (горшок и лапоть с дырой); они традиционно связывались с культом мёртвых. Для различных предметов, воплощающих собой «куриного бога», характерна необычная форма, а также то, что они помещались на высокое, видное место; это должно было сразу привлечь взгляд постороннего человека, вызвать его удивление и тем самым уберечь хозяйство от сглаза. На данном этапе Н. М. Бекаревич лишь предложил изучать интересное явление. Позднее исследователи предположили, что название «куриный бог» образовано, возможно, по аналогии со «скотий бог» (так характеризуется Велес в летописях) – оберег скота. Функции того и другого оберега могли выполнять одни и те же предметы. В горшке селился дух, покровительствующий курам. В почитании «куриного бога» перемежаются славянские и финно-угорские традиции и восходят к более древним временам. Обережные ракушки с дырочками обнаруживаются на стоянках человека каменного века. При этом в разных местах их называли то священными, то колдуньиными¹. В коллекции Российского этнографического музея хранится камень «Куриный бог», присланный из Костромской губернии (см. Приложение № 7).

В начале XX в. неоднократно поднимался вопрос о создании археологической карты Костромской губернии, что также являлось методом изучения расселения финно-угорских народов на территории Костромского

¹ Зеленин Д. К. Магические функции примитивных орудий // Изв. АН СССР. Отделение обществ, наук. – 1931. – № 6; Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983. – С. 124 – 133.

края. И в Твери на 2-м областном археологическом съезде материалы для составления подобной карты представил Н. М. Бекаревич¹.

В материалах в большом количестве приводятся артефакты финно-угорского культурного наследия. При анализе документов нами выявлено 19 записей, свидетельствующих о древнейшем заселении территории края прафинно-угорскими племенами². Так, в дер. Елкотово, Гридинской волости находится 4 курганных группы³.

Группа 1-я располагается на северо-востоке от селения, и состоит из 24 насыпей, из числа которых 23 были раскопаны в 1895 г. Костромской Архивной Комиссией. При костяках обнаружены: бронзовые и *серебряные височные кольца, фибула со знаком свастики, подвески в форме усечённых конусов и барашков, пряжки, кольца, ножи*; 2-я находится на юге от первой, по другую сторону р. Сендеги, на небольшой возвышенности, и состоит из 18 курганов. При костяках найдены: височные кольца, браслеты, перстни, железные ножи; 3-я находится к юго-западу от селения и состоит из 14 насыпей. При костяках обнаружены: *височные кольца, лунница подвески в виде птиц, конька и барашка, браслеты, ножи*. В деревне Поповка, Гридинской волости Курганное кладбище расположено на юго-востоке, в 1 версте от деревни, по левую сторону р. Сендеги и включает 23 насыпи полушарообразной формы, из числа которых 20 в 1895 г. были исследованы Костромской Архивной Комиссией. При костяках найдено: *височные кольца, подвески в форме коньков, железные ножи*⁴. Также найдены: *височные кольца, пронизка, треугольные подвески с пластинками в виде утиных лапок, лунницы, браслеты, ножи*⁵. Н. М. Бекаревичем дано качественное описание археологических находок. Однако, они не атрибутированы ни по времени, ни по этнической принадлежности. Сопоставляя их с более поздними находками

¹ Бекаревич Н. М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. – Тверь: Типография губернского правления, 1905. – С. 16 – 44.

² Там же. – С. 16.

³ Там же. – С. 25 – 27.

⁴ Там же. – С. 34.

⁵ Там же. – С. 36 – 37.

мерянских городищ (например, Поповское городище), можно сделать вывод о мерянской принадлежности находок, описанных Н. М. Бекаревичем. Об этом свидетельствуют и подвески в виде утиных лапок, в форме коньков, многочисленные железные ножи и топоры, височные кольца.

Признаком мерянской территории являются топонимы, отмеченные Н. М. Бекаревичем в материалах для археологической карты: р. Сендега, Паны. Интересно название Руболдино. Изучение некоторых названий на *-бал*, *-бала*, *-бол*, *-бола* по мнению известного лингвиста А. К. Матвеева, являются яркой дифференцирующей чертой мерянской топонимии: «бесспорно, ойконимический формант, характерный для мерянских названий поселений и достаточно широко распространенный на территории исторических мерянских земель, где зафиксировано несколько десятков таких наименований (*Атебал*, *Брембола*, *Искробол*, *Курдобалово*, *Мушпал*, *Ружбал*, *Яхробол* и т. п.)¹. Отметим, что археологические артефакты, собранные для составления карты, дают возможность определить работу Н. М. Бекаревича как труд, где были использованы передовые методы исследования, в частности картографический. Наиболее ценными для дальнейших исследований в работе Н. М. Бекаревича были указания на погребения в сосновых колодах с меридиональным труположением; наличие женских украшений (шумящие подвески), литые коньковые привески, ножи, топоры; обычай насыпать могильные холмы-курганы («паны»). В середине XX в. по материалам Н. М. Бекаревича археологом и исследователем финно-угорской культуры Поволжья Е. И. Горюновой были сделаны выводы, например, о принадлежности Боровиковского могильника мерянской культуре².

В 1903 г. вышла в свет работа А. А. Спицына «Городища дьякова типа»³, в которой характеризуется дьяковская культура. Название культура получила по Дьякову городищу у села Дьяково (ныне в Москве, в черте

¹ Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери / Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – 1997. – № 7. – С. 5 – 17.

² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94. – М: Академия наук СССР, 1961. – С. 240.

³ Спицын А. А. Городища дьякова типа // ЗРАО. – СПб, 1903. – Е5. – Вып. 1.

музея-заповедника Коломенское). Его раскопки начались в 1864 г. Д. Я. Самоквасовым и затем в 1889 г. продолжены В. И. Сизовым. Общая характеристика дьяковской культуры сформулирована в 1903 г. А. А. Спицыным.

Ученый одним из первых в России применил многие передовые методы изучения древностей, в частности, сравнительно-типологический и картографический методы. Датировал многие важнейшие археологические памятники. Городища Костромского Поволжья, по времени предшествовавшие курганной эпохе, А. А. Спицын включил в ареал дьяковской культуры, а среди городищенских находок им были выделены вещи финских типов¹. Надо отметить, что А. А. Спицыным была разработана систематика древностей железного века на обширной территории волго-окского междуречья и сопредельных территорий, сформированы критерии, по которым артефакты из культурного слоя Дьякова городища стали относить к раннему железному веку. Впоследствии эти критерии приняли за эталоны. На основе этих эталонов датировали огромное число артефактов Русской равнины.

Большим вкладом А. А. Спицына в науку являются составленные им описания огромного количества древностей. А. А. Спицын одним из первых начал рассматривать историю как комплексную науку, неотъемлемой частью которой считал археологию. Так, ещё в монографии «Расселение древнерусских племён по археологическим данным» (1899 г.) он представил успешный опыт сопоставления летописных и археологических данных. А. А. Спицын составил также первые научные руководства по археологическим разведкам и раскопкам². А. А. Спицын продемонстрировал новый подход к интерпретации археологических источников. Впервые появилась возможность сопоставления материалов обширной зоны русско-мерянского

¹ Спицын А. А. Городища дьякова типа // ЗРАО. – СПб, 1903. – Е5.– Вып. 1. – С. 140.

² Спицын Александр Андреевич. Биография. [электронный ресурс] // Википедия: [Сайт]. [2011]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

пограничья с материалами тех районов, где финно-угорский этнический элемент заведомо отсутствовал.

В этот период времени обозначилось лингвистическое направление в изучении финно-угорских древностей. Диалекты жителей Костромской губернии, опирающиеся на финно-угорский субстрат, изучал Н. Н. Виноградов. Известна его работа «О народном говоре Шунгенской волости, Костромского уезда» (1904 г.)¹. Автор рассматривает неофициальные формы топонимов, как источник изучения местных говоров. Шунгенская волость относится к мерянским поселениям и обладает периферическим говором раннего заселения, причем хорошо сохранившимся до наших дней. Жители живут обособленно, сохранились этнические черты. Автор подмечал: «*И грубый окающий, «с выворачиванием»* говор «мысовых» или «заречных» (так зовут обитателей Шунгенской волости) слышится по всему городу и резко выделяется на фоне общего шума и галденья...»².

Период 1905 – 1909 гг. как подготовительный к Костромскому областному археологическому съезду, ознаменовался выходом двух работ по истории города Костромы, в которых авторы касались происхождения названия и древнейшей истории города. Это труд И. Я. Сырцова «Город Кострома в ея прошлом и настоящем»³. Иоанн Яковлевич Сырцов ректор Костромской духовной семинарии, редактор «Костромских епархиальных ведомостей», почётный член КГУАК, Костромского Александровского православного братства, Протоиерей костромского Успенского кафедрального собора, член Костромской духовной консистории, Корреспондент «Морского сборника», «Православного собеседника», «Русского обозрения», «Русского чтения», «Странника», «Церковных

¹ Виноградов Н. Н. О народном говоре Шунгенской волости, Костромского уезда: сборник Отделенія русскаго яз. и словесности Имп. Акад. Наук. Часть I. Фонетика. – СПб., 1904. Т. LXXVII.

² Ганцовская Н. С. Шунгенские говоры: по следам Н. Н. Виноградова / Н. С. Ганцовская. Лингвокраеведческая деятельность членов костромского научного общества по изучению местного края. Н. Н. Виноградов // Костромское народное слово.– Кострома, 2003.

³ Сырцов И. Я. Город Кострома в ея прошлом и настоящем. – Кострома, 1909.

ведомостей» и провинциальных периодических изданий. Вторая работа принадлежала Баженову Ивану Васильевичу – учёному-богослову и историку, краеведу и публицисту, члену КГУАК и сотруднику Санкт-Петербургского Археологического института, председателю Костромского церковно-исторического общества; автору более трехсот краеведческих трудов о Костромской области.

Его труд «Костромской кремль. Историко-археологический очерк»¹ содержал сведения об этническом составе населения края. О местонахождении и названии города Костромы в целом и И. Я. Сырцов и И. Баженов разделяли позицию И. Миловидова. И. Баженов привёл мнения историков о происхождении названия города Костромы. В том числе он описал финскую версию, согласно которой город построен мерянским финским племенем в пору начинающегося слияния этого племени с пришедшими славянами. По другой версии предполагается, что город построен князьями, стремившимися распространить славянство, а население города представляло собой славяно-мерянский конгломерат. И. Баженов высказал предположение, что город возник ранее 1152 г. на правом берегу реки Волги в районе Городища, и связано это с тем, что на данной территории издревле проживали мерянские племена. «Мы полагаем, что Городище занимало центральное положение и вероятно самое лучшее, возвышенное место по середине мерянских поселений»². По его мнению, оно служило укрепленным местом для самих жилищ обитателей. «Между тем нельзя забывать, что у всех племён железного века был общенародный обычай насыпать городища; конечно, он существовал и у тех мерян, которые колонизовали г. Кострому...и кремль находился, видимо, на том же самом возвышении, которое ныне занимает сельцом Городище, составлявшем в отдаленной древности, несомненно, мерянский городок»³. В своих

¹Баженов И. Костромской кремль. Историко-археологический очерк // Костромская старина.– Кострома: Костромская губернская типография, 1905. Вып. 4.– С. 93 – 95.

²Там же. – С. 93.

³ Там же. – С. 95.

исследованиях И. М. Баженов опирался на исследования А. С. Уварова и И. В. Миловидова, которые в свою очередь приводили все известные на то время версии названия города Костромы. Не менее существенным было обследование И. М. Баженовым храмов и монастырей г. Костромы, содержащих значительные для истории края рукописи. Материалы, имеющие фактологическую ценность в области древних обрядов, были отражены в исследованиях «Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII в.»¹, «Обозрение Костромских монастырей и пустыней Костромской епархии»². Исследования содержат сведения об исторических событиях, легенды, связанные с древним населением края.

Значительную роль в изучении мерянской культуры Центральной России сыграла работа А. А. Спицына³, появившаяся в 1905 г., посвященная археологическим памятникам Владимирской земли. При этом автор опирался на артефакты археологии Костромского края и приводил аргументированные сведения об особенностях материальной культуры древней мордвы, муромы и племён Прикамья в I тыс. н. э. Учёный перевернул представление о принадлежности курганов и сделал заявление о том, что погребальные памятники финно-угров – могильники, а славян – курганы⁴. Этот новаторский на тот момент вывод шёл вразрез с представлениями учёных, ранее занимавшихся этим вопросом. Пожалуй, наиболее значимым в статье является опровержение неоспоримого ранее мнения гр. А. С. Уварова о курганной культуре⁵.

Написанная в полемическом духе и содержащая развернутую критику как методики раскопок А. С. Уварова, так и большинства его теоретических положений, работа была направлена против крайне преувеличенной, по

¹ Баженов И. В. Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII в. – Костромские епархиальные ведомости. – 1889. – №№5, 11, 16, 17, 18; 1900. – № 19; 1901. – № 8; 1902. – № 1 (некоторые номера на реставрации или отсутствуют).

² Баженов И. В. Обозрение Костромских монастырей и пустыней Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта–15 июня (№ 6 – 12).

³ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАХ. – СПб., 1905. Вып. 15. – С. 167.

⁴ Там же. – С. 166.

⁵ Там же. – С. 84 – 90.

мнению исследователя, оценки финно-угорского субстрата в древнерусском населении Залесской земли. «Финны, – писал А. А. Спицын, – видимо, отступали перед русскими, уходя далее в леса и задерживаясь на пути отступления лишь небольшими клочками. Они дорожили свободой быта и легко поступались местом... Будь это черемисы, будь это мордва, – всё равно эти народности особого физического типа и иного склада жизни, начавшие серьёзно входить в состав русского населения лишь по мере массового крещения, можно сказать, только с XVIII в.»¹. Вместе с тем, несмотря на выраженную в целом негативную оценку вопроса наличия финно-угорского компонента в населении Владимирской земли, автор признавал, что в XI – XII вв. «к чисто русской крови стала примешиваться инородческая», а население края, кроме естественного прироста жителей и новых притоков колонистов, «усиливается ассимиляцией инородцев»².

Необходимо отметить, что проблема о принадлежности курганных захоронений и по сей день не имеет однозначного ответа, считается исследователями одной из самых противоречивых и сложных, где территориальная принадлежность курганов играет одну из ведущих ролей при решении вопроса.

В 1909 г. была опубликована работа Каменского В. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1907 г.³ Это городище копалось Н. М. Бекаревичем, И. С. Поливановым, Ф. Д. Нефёдовым. Оно находится рядом с Черемисским кладбищем в Ветлужском уезде. Содержание нижнего слоя городища указало на финно-угорский состав населения. Среди находок попадают, например, глиняные черепки с примесью раковины. По своему составу, орнаменту и обжигу, обыкновенно черному, черепки имеют близкое родство с гончарными изделиями Камской Чуди вообще, а в частности из Ананьинского могильника. Содержание верхнего слоя, который может

¹ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАХ. – СПб., 1905. Вып. 15. – С. 167. – С. 166.

² Там же. – С. 171 – 172.

³ Каменский В. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1907 год: сборник музея по антропологии и этнографии при императорской академии наук. – СПб., 1909.

относится к X – XI вв., имеет предметы железного века явно финно-угорского происхождения. К ним относятся льячки глиняные, наконечники стрел железные и т. д. Автор предложил список вещей, извлечённых из-под насыпи «Чортового городища», по возможности давая им подробное описание. Сравнивая предметы этого списка с находками открытого позднее (раскопки 1980 – 1984 гг.) мерянского Поповского городища конца I тыс. н. э. Мантуровского района Костромской области, мы находим подтверждение принадлежности этих предметов финно-угорской культуре железного века¹.

Сравнение с Поповским городищем можно считать удачным, так как находки этого памятника в дальнейшем проливают свет на многие вопросы мерянской культуры Костромского края. На материалах Поповского городища сделаны открытия в 80-х гг. XX в., касающиеся финно-угорского культурного наследия известными историками и археологами А. Е. Леонтьевым, Е. А. Рябининым, Е. И. Горюновой. В период же первого десятилетия XX в. описание раскопок «Чортова городища» В. Каменским положило начало и дало материал для дальнейших фундаментальных археологических исследований финно-угорского культурного наследия Костромского края.

Важную роль в издательской деятельности КГУАК сыграла подготовка и проведение в 1909 г. IV областного историко-археологического съезда в Костроме. Как только стало известно о том, что съезд будет проходить в Костроме, Комиссия на своих заседаниях разработала программу изданий, которые было необходимо подготовить. При непосредственном участии Костромской комиссии был подготовлен и состоялся в Костроме IV Областной археологический съезд (21 – 29 июня 1909 г.), который по тематике докладов был историко-археологическим. Съезд привлёк внимание краеведов к истории и археологическим древностям Костромской губернии.

¹ КГИАХМЗ. Фонд археология. Коллекционная опись. КОК 37808, № 2. Наконечник стрелы железный, кованый.; льячек жёлтой глины, лепной, обожжён слабо с целой втульчатой ручкой. Там же. № 6.; льячек глиняный лепной серого цвета, слабо обожжён с втульчатой ручкой. Там же. № 7.; льячек глиняный лепной ложкообразной формы с носиком и уплощённым днищем с втульчатой ручкой, стенки жёлто-серого цвета.

Участниками областного историко-археологического съезда были столичные учёные, искусствоведы, историки, которые собрались для обмена информацией, получения новых данных в области исторической науки и археологических изысканий. В съезде принимали участие: русский богослов, профессор Московской духовной академии А. П. Голубцов, русский историк, известный критик норманнской теории профессор Д. И. Иловайский; искусствовед, российский историк-геральдист, член Русского генеалогического общества в Петербурге, Историко-родословного общества в Москве В. К. Лукомский; профессор Н. В. Покровский; уроженец Галичского уезда Костромской губернии, русский византист, академик Петербургской академии наук, директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский, русский историк, профессор кафедры русской истории Петербургского университета, академик Российской академии наук С. Ф. Платонов (позднее председатель Археографической комиссии, директор Археологического института, главный редактор «Русского исторического журнала») и др.

Необходимо отметить разнообразие тематики докладов. Это была местная история, археология, этнография, археография, церковные древности, архивоведение. Преимущественный интерес в докладах наблюдался к вопросам археологии и церковных древностей. Это было объяснимо, поскольку археология являлась приоритетным направлением, исходя из самой идеи областных историко-археологических съездов, а внимание к церковным древностям было мотивировано наличием на изучаемой территории значительных памятников¹. Все доклады были опубликованы в сборнике «Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г.»², который вышел в 1914 г.

¹ Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2010. № 3.– С. 49.

²Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г. / КГУАК. – Кострома: губ. тип., 1914.

Среди столичных изданий активно отреагировавших на данный съезд можно назвать «Вестник археологии и истории», издаваемый Императорским Археологическим институтом¹, полностью посвящённый съезду.

Итогами работы областного историко-археологического съезда в Костроме следует считать повышение общего уровня профессионализма костромских краеведов, активизацию по изучению исторических древностей костромской земли.

Губернский статистический комитет к открытию съезда издал самый объёмный календарь на 1909 г. и «Исторический очерк Костромского края» П. С. Троицкого².

В 1909 г. к съезду были изданы работы по истории г. Костромы: П. А. Алмазова, М. Я. Сырцова, П. П. Смирнова, В. Ширяева, П. Е. Навоева, в которых приводились сведения о проживавшем некогда мерянском населении на территории города Костромы³. В путеводителе П. А. Алмазова уделялось внимание мерянской и марийской этнической составляющей населения края⁴. В приложении к работе П. А. Алмазова была дана «Церковно-археологическая карта Костромской губернии», которая им была специально подготовлена к областному историко-археологического съезду. (см. Приложение №8).

А. Н. Рождественским к съезду была подготовлена работа об истории археологического исследования Костромской губернии⁵. Археологи Ю. Г.

¹Вестник археологии и истории. Императорский Археологический институт.– СПб.: синод. тип., 1909. Вып. XIX.

² Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г. / В. А. Толмачев. – Кострома: Губернская типография, 1909.

³Алмазов П. А. Краткий путеводитель по г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909; Сырцов М. Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. – Кострома, 1909; Смирнов П. П. К истории г. Костромы в XVII в. В связи с вопросом о распределении посадского населения по территории Московского государства // Известия IV Областного Историко-археологического Съезда в гор. Костроме. – Кострома: Губ. тип., 1909. – 25 июня. – № 6. – С. 5 – 10; Ширяев В. Описание Костромской губернии: Опыт географии губернии для городских училищ. – Кострома: губ. тип., 1909; Навоев П. Е. Описание Костромской губернии: Опыт родоноведения. – Кострома, 1909.

⁴ Алмазов П. А. Указ. соч.– С. 22.

⁵ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д.2. – Л. 21 – 30. Программа IV областного археологического съезда.

Гендуне и Д. Н. Сизов доложили съезду о своих исследованиях на Минском городище и стоянке каменного века в Костромском уезде. Председателем съезда был основоположник русской церковной археологии, директор Петербургского Археологического института Николай Васильевич Покровский. Н. В. Покровский был уроженцем Костромы. С 1881 г. он участвовал во Всероссийских археологических съездах, начиная с V съезда в Тифлисе, а также всех областных археологических съездах. Он состоял действительным членом Императорского Археологического общества и Археологической комиссии. В письме Государю Императору о созыве съезда, была сформулирована задача: «...изучение древностей нашего края... остатков старины, письменности, быта и прочее», а так же съезд сможет «объединить многих людей науки и мыслительной деятельности»¹.

Программа съезда была утверждена Министром внутренних дел Российской империи. Разрабатывалась она на высоком уровне. В Костромском областном архиве сохранился «Протокол заседания в Императорском Археологическом институте в Санкт-Петербурге 21 февраля по устройству IV Областного археологического съезда в Костроме в 1909 г.»². В разделе «Областная история» среди других тем наибольшее значение имели вопросы, касающиеся изучения этнической истории. Это доклады: «Областная этнография. Первоначальный состав населения областей в историческую эпоху и влияние других пришедших сюда народностей»; в разделе «Живая старина» доклад «Особенности языка по губерниям, входящим в состав областей и отдельным местностям»; «Обряды, обычаи, поверья, песни, предания»³.

Непосредственно изучения финских древностей Поволжья касалась работа М. Я. Диева «Старинные волости и станы в Костромской стороне»⁴,

¹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. – Л. 6. Программа IV областного археологического съезда. Письмо Государю Императору о созыве съезда.

² Там же. – Л. 57. Протокол заседания в Императорском археологическом институте в Санкт-Петербурге 21 февраля 1908 года.

³ Там же. – Л. 30. Программа IV областного археологического съезда.

⁴ Диев М. Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии / с пред. А. Титова. М., 1909. <http://kineshma.msk.Su/lib/slovar18.shtml>.

опубликованная в 1909 г. В ранее опубликованных работах М. Я. Диев высказывал мнение о мерянской принадлежности многих поселений Костромского края. В этой работе он указывал конкретно на данные территории.

Наиболее значительными работами этого года стали труды А. А. Спицына «Норманнские и славянские древности верховьев Волги», Финские древности Верхнего Поволжья¹.

В выступлении на IV историко-археологическом съезде в г. Костроме А. А. Спицын утверждал, что в основе древностей костромской курганной культуры лежат вещи владимирских курганов и, возможно, они принадлежали сильно русифицированным финнам. Он отмечал также наличие в инвентаре курганов вещей скандинавского происхождения².

Этими работами завершалась исследовательская деятельность КГУАК, касающаяся напрямую или косвенно финно-угорских древностей. Существенный недостаток исследований, проводившихся сотрудниками КГУАК, заключался как в несовершенной методике раскопок, так и в неполноте информации, подававшейся в отчётной документации. В известной мере это было связано с общим уровнем археологической практики того времени. Курганы раскапывались колодцем, в результате значительные части насыпей остались неисследованными. Устройство курганных насыпей, равно как и стратиграфия культурного слоя стоянок, поселений, городищ не рассматривались. Культурный слой вместе с вещевым материалом рассматривался неразделимо во времени. Тем не менее, добытые раскопками КГУАК материалы представляют интерес для историков и являются достаточно полноценными археологическими источниками по истории края.

¹ Спицын А. А. Норманнские и славянские древности верховьев Волги // Известия 4 областного археологического съезда в Костроме; Спицын А. А. Финские древности Верхнего Поволжья // Известия IV областного археологического съезда в Костроме. – Кострома. – 1909. – № 5.

² Там же. – С. 15 – 17.

В 1911 г. был утверждён устав церковно-исторического общества в городе Костроме, разработанный И. Баженовым и П. Алмазовым, а в 1912 г. состоялось его торжественное открытие. В задачах этого общества было «изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядов»¹, а так же древнейшей истории края. Среди его членов был И. Д. Преображенский, почётным членом Общества был избран директор Императорского Санкт-Петербургского Археологического института Н. В. Покровский, председателем общества, И. Баженов². Имея связи с настоятелями церквей и монастырей Костромского края, общество считало целью, в том числе и сбор различного рода древностей (утвари, рукописей), а так же описание традиций, обрядов, фольклора³. Материал этот мог бы стать ценным для изучения финно-угорского культурного наследия, однако общество просуществовало лишь до 1914 г. Оставив значительный вклад в изучении предметов церковной старины, истории духовной жизни края, собрав коллекцию церковной утвари, рукописей, и др. в «древнехранилище»⁴ и значительную библиотеку, однако всех своих задач не решило.

Таким образом, первое десятилетие XX в. ознаменовалось проведением многочисленных археологических съездов, в том числе областных, что, несомненно, стимулировало научную мысль, способствовало появлению новых работ, анализирующих финно-угорские древности.

Относительно видо-типовой структуры публикаций в данном периоде преобладали публикации материалов съездов, докладов участников съездов, статьи общего характера или статьи углублённо исследующих узкий вопрос. Публиковались отчёты за предыдущие периоды, обобщающие деятельность

¹ Устав Костромского церковно-исторического общества.– Кострома, 1912. – С. 3.

² Древности Ивана Баженова // Жизнь замечательных костромичей XX век: краеведческие очерки. – Кострома: областная типография, 2004. – С.10 – 11.

³ Отчёт о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) за время от его открытия 3 июня 1912 г. до января 1914 г. – Кострома, 1914. – С. 21.

⁴ Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX вв.: костромская школа. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2007. – С. 331 – 332.

губернских комиссий, дневники археологических экспедиций и результаты внедрения программы по сбору этнографических материалов.

В первое десятилетие XX в. основную часть материалов составляли заседания съездов, публикации этих материалов и изданные позднее работы на основе выступлений на съездах, присутствовали фундаментальные труды общего характера. На региональном уровне в это время в основном выходили в свет публикации эпистолярного жанра. Формализованный анализ работ позволяет сделать вывод о том, что большинство публикаций было размещено в сборниках материалов съездов и специальных изданиях, выпущенных к съездам или по результатам их работы. В количественном отношении первое десятилетие XX в. – это время эффективного изучения вопросов финно-угорского культурного наследия.

§ 3. Костромское краеведческое научное общество и его вклад в изучение истории местного края.

Начало XX в. – время стремительного развития всех отраслей науки в России. Значительную роль в этом процессе сыграли научные общества. В основном это были организации с задачами всестороннего или комплексного изучения края. Их возникновение означало качественно новое состояние отечественного краеведения. Они отличались от других научных обществ (однопрофильных) широким спектром исследовательских работ, участием в них образованных людей с различными научными интересами. Образование таких научных обществ отражало общественную тенденцию к демократизации российской науки и отвечало потребностям развития культуры в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.¹

18 мая 1912 г. состоялось открытие Костромского Научного Общества по изучению местного края, которое являлось восьмым по счету среди таких

¹ Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001.– С. 31.

обществ. В. И. Смирнов – секретарь общества, а с 1921 г. – председатель. По словам председателя, потребность в изучении природы и жизни края давно назрела. Отсюда – настоятельная нужда в учреждении такого общества, которое объединило бы всех желающих работать в этом направлении¹. В уставе общества сказано: Общество основной целью ставило изучение Костромского края в естественно-историческом, историко-археологическом, культурном и прочих отношениях и разработку связанных с этим научных вопросов...² В связи с этим общество занималось: организациями экскурсий; устройством музеев, библиотек, лабораторий; чтением докладов на собраниях общества; изданием научных работ. В 1912 г. в обществе насчитывалось 130 членов, численность их постоянно росла, и к 1918 г. уже составила 441 человек³. Первоначально КНОИМК имело три уездных отделения: Галичское, Солигаличское, Чухломское, а к 1920г. их число выросло до 7. Вопросами этнографии, фольклора, археологии занимались А. Андроников, В. А. Апушкин, Н. Н. Виноградов, Д. П. Дементьев, И. В. Мешалин, В. И. Смирнов, П. Н. Третьяков, А. А. Ширский. По признанию руководящего органа российских краеведов – Центрального бюро краеведения (ЦБК), Костромское научное общество в 20-х гг. являлось крупнейшим общественным краеведческим формированием в стране⁴. С 1912 по 1930 гг. КНОИМК издало 74 сборника статей. Благодаря КНОИМК на территории Костромской губернии действовало 9 краеведческих музеев.

Начиная с 1922 г. по 1937 г. КНОИМК находилось в подчинении ЦБК, которое было создано по решению 1-й Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края при Российской академии наук.

В январе 1922 г. общее собрание Академии наук, заслушав доклад А. Е. Ферсмана о 1-й Всероссийской конференции краеведов, решило: «Признать желательным единение работы Академии наук с краеведческими организациями»⁵. С 1925 г. ЦБК находилось в ведении Наркомпроса РСФСР.

¹ ГАКО. Ф. 550. Оп. 1. Д. 83. – Л. 1.

² ГАКО. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. – Л. 1. Устав КНОИМК.

³ Отчёт о деятельности КНОИМК за 1918 г. – Кострома, 1919. – С. 1.

⁴ ГАКО. Ф. Р. 838. Оп. 5. Д. 2. – Л. 29.

⁵ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Д. 170. – Л. 21.

Председателем ЦБК в 1922 – 1927 гг. был секретарь АН академик С. Ф. Ольденбург, а с 1927 г. – П. Г. Смидович. Секцию охраны природы, памятников искусства, быта и старины возглавлял председатель П. Е. Васильковский. Большой вклад в развитие отечественного краеведения в это время внесли также академики М. М. Богословский, Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов, А. Е. Ферсман; члены-корреспонденты М. Н. Покровский, А. Н. Самойлович, Ю. М. Шокальский; известные ученые Н. П. Анциферов, Б. Б. Веселовский, И. М. Гревс, В. И. Равдоникас, Д. О. Святский и другие. ЦБК издавало журнал «Краеведение», бюллетень «Известия ЦБК», справочную и методическую литературу.

Период с 1917 по 1927 гг. по праву называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения¹. По-мнению Е. А. Флеймана, краеведческое движение 1920-х гг. приобрело характер общественного движения, что было связано с формированием настроения на изменение окружающей жизни после Октябрьских событий. Другим фактором, серьёзно повлиявшим на рост краеведческого движения, стала поддержка его государственной властью. Идея о том, что единый план народного хозяйства должен опираться на использование всех местных условий, поставила в практическую плоскость вопрос всестороннего исследования регионов².

В. С. Соболев, ссылаясь на материалы Центрального бюро краеведения³, привёл сведения о росте краеведческих организаций в России в первой трети XX в.

Таблица 1.– Рост краеведческих организаций в России

	Общ еств	Му зеев	Всего
До революции	61	94	155
на 01.03.1923	231	285	516
на 01.01.1924	297	446	753

¹ Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. – 1990.– Вып. 1. – С. 11 – 27.

² Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. – С.32.

³ Известия Центрального бюро краеведения. – 1927. – № 8. – С. 266.

на 01.09.1927	1112	576	1688
---------------	------	-----	------

Из приведённых данных видно, что краеведческое движение за 10 лет выросло в 10 раз. В эти же годы укрепились связи Академии наук с краеведами, возросло её влияние на деятельность краеведческих организаций, четко обозначилась координирующая роль академии в этом общественном движении¹.

В качестве одного из факторов развития регионального или локального краеведения в начале века Е. А. Флейман определяет рост национального сознания, развитие культуры на основе тех ценностей, которые испокон веков поддерживали дух народа². В рамках нашей темы последний фактор приобретает особое значение. Научные общества по изучению местного края внесли весомый вклад в развитие изучения этнических вопросов, культуры и традиций автохтонного населения того или иного края. Роль научных обществ и использование ими локального метода исследования удачно подметил С. И. Архангельский в 1927 г.: «Для того чтобы применение локального метода дало наиболее благоприятные результаты, необходимо соблюдение некоторых условий. Вести работу должны не дилетанты, а люди вполне подготовленные, объединенные одинаковостью научных интересов, не одиночки, а работники, объединенные в научное общество или в секцию последнего...»³. В начале XX в. сформировалось новое методико-теоретическое направление в освещении местной истории, историко-культурные методы в краеведении начали пробивать свою дорогу. Задачи местных обществ были сформулированы М. М. Богословским в выступлении на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в декабре 1921 г. в Москве. Он говорил, что «...наблюдения над

¹ Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. – 2000. – Т.70. – № 6, – С. 535 – 541.

² Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. – С. 33.

³ Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – 1927. – № 2. – С. 181 – 194.

историей отдельных мест, над разного рода местными особенностями, хозяйственными, бытовыми, культурными и другими явлениями, затем ложатся в общее русло изучений исторического процесса в его целом»¹.

Проблемами изучения культуры края занимался Н. К. Пиксанов. Он ввёл понятие «культурные гнезда», которые становятся преломлением общерусской культуры в местных условиях и показывают проникновение провинциальных процессов в столицу. Идея Н. К. Пиксанова была воспринята и включена в 1926 – 1928 гг. в программу исторического краеведения известным историком-энциклопедистом И. М. Гревсом, который писал о своеобразии территорий, влияющих на развитие культуры в России в целом. И. М. Гревс считал, что главной задачей краеведов является «целокупное» познание края, создание цельного портрета края, включающего не только естественно-производительные силы и современность, но и всю культуру человека. В целом примкнул к этой позиции С. В. Бахрушин в своей статье «Задачи исторического изучения края»². В некоторой степени полемизировал с ними Н. П. Анциферов. Он предложил сделать объектом изучения те уровни культурно-исторического процесса, которые характеризуются специфическими чертами, присущими именно провинции, заняться «поместным изучением своего прошлого»³. Как видим в 20-е гг. XX в. развернулась живая дискуссия, и проявился принципиально новый подход к изучению местной краевой истории и культуры, который отразился и в деятельности КНОИМК и предопределил появление комплексного подхода. Одновременно с этим в начале XX в. в связи с многонациональным составом населения России проявлялся интерес к истории и культуре различных национальностей. На фоне этого в 1925 г. было открыто научное краеведческое общество «Ленинградское общество

¹ Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. – Н.-Новгород: Нижполиграф, 1923. – С. 118 – 124.

² Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – 1928. – Т. V. – №3. – С. 129 – 140.

³ Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – 1928. – Т. V. – № 6. – С. 321 – 328.

изучения культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН)». Практическая работа общества состояла в исследовании вопросов языкознания, литературоведения, истории и этнографии.

Большой интерес к культурному наследию древнего финно-угорского этноса, проживавшего на территории Костромского края до прихода славянских колонизационных потоков, а так же к пестрой этнической картине, проявляли члены КНОИМК. К формам изучения финно-угорского культурного наследия Костромским научным обществом можно отнести разработку анкет, программ и сбор археологического, этнографического материалов, составление библиотечного фонда, создание музейных экспозиций, издательскую деятельность. Благодаря работе КНОИМК в фонды музея поступило 2800 археологических предметов из раскопок курганов и городищ, 597 предметов этнографического характера. КНОИМК разработало и распространило пособие по сбору документов «Этнографической программы», «Программы для собирания произведений народной словесности», «Предварительные указания к изучению Костромской губернии» и другие¹. Членами КНОИМК Н.Н. Виноградовым, В.И. Смирновым и др. в разное время были отправлены этнографические материалы, собранные на территории Костромской области: ювелирные украшения, одежда, головные уборы и др.²

Важную роль в координации научной работы КНОИМК играли губернские и уездные краеведческие съезды и конференции. Значительный интерес представляют печатные «Труды КНОИМК», всего общество издало 74 сборника статей, 25 из них принадлежат отделениям общества. Седьмой – сборник полностью исторический, восьмой – этнографический. Результатами

¹ Отчёт о деятельности КНОИМК за 1913 год.– Кострома, 1914. – С. 10 – 11.

² Коллекция РЭМ № 3252. Костромская губ. Гридинская волость (1914г.) – пуговицы; № 321.– Костромская обл., Юрьеvecкий уезд, деревня Лиходумово, Крутово, Орехово, Демино (1903 г.) – женская одежда, головные уборы, ювелирные украшения; №713.– Костромская губ., Шунгенская волость, село Самяць (1905 г.) – одежда, головные уборы, приспособления для плетения поясов; № 956 – Костромская губ., Шунгенская волость– изразцы; № 2629.– Костромская губ., Чухломской уезд, деревня Игнатово (1906 г.) – головной убор «поднизка»; № 2725.– Костромская губ., Ветлужский уезд, деревня Скоробогатое (1910 г.) – женский головной убор «повойник»; № 6754.– шуган-верхняя женская одежда.

практических исследований стали публикации в виде статей в печатных изданиях и научных докладов на собраниях общества.

На развитие данной проблемы огромное влияние оказали профессиональные историки-краеведы. А. А. Мансуров в статье «Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах», подчеркнул значение местных деятелей в изучении истории края: «Они освещают местную культуру, сами светятся ее тонами. Они дополняют и венчают «ландшафт» края... Крепко сросшиеся с краем, хотя не всегда видимо, они наиболее удачные питомцы его, бесконечно ему дорогие.... Они не похожи на других, их никем нельзя подменить...»¹.

Ведущая роль в изучении финно-угорского прошлого Костромского края принадлежит В. И. Смирнову, человеку который возглавил Костромское научное общество по изучению местного края с момента его основания до варварского разгона в 1930 г. Занимаясь изучением прошлого Костромской земли в широком аспекте, особый интерес В. И. Смирнов всегда проявлял к элементам древней финно-угорской культуры. Может быть, объяснение этого интереса лежит в некоторых моментах биографии краеведа. Родился Василий Иванович в 1882 г. в с. Большая Брембола, Переславского уезда Владимирской губернии в семье священника. Костромской краевед Л. И. Сизинцева пишет: «...стояло село это на месте мерянского поселения, а из окон церковного дома открывался вид на древнее Плещеево озеро, по берегам которого расположились дома и церкви Переславля Залесского»². По-видимому, детство, проведенное на древней мерянской земле, и является источником интереса к этой замечательной культуре: причитания, гадания, обряды, народные суеверия – вот перечень того, что впоследствии будет собирать В. И. Смирнов уже на Костромской мерянской земле.

¹ Мансуров А. А. Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах Текст. / А. А. Мансуров // Краеведение. – М., 1928. Т. 5. – С. 17 – 18.

² Сизинцева Л. И. «Мастер науки» Василий Смирнов / Жизнь замечательных Костромичей XX век. Краеведческие очерки.– Кострома, 2004. – С. 115.

Обращаясь к трудам исследователей – членов КНОИМК, представим в хронологическом порядке историю изучения ими финно-угорского культурного наследия Костромского края.

К изучаемому периоду относится работа Л. П. Скворцова «Материалы для истории города Костромы» 1913 г., в которой автор дал исторический обзор возникновения славянского этноса и его прихода на земли Средней Европы¹. Автор перечислил мерянские топонимы: «В Костромской губернии до сих пор во многих местах сохранились названия, свидетельствующие о том, что здесь обитали меряне: Галич Мерский, Мерехта (Нерехта), озеро Мерево, близ Нерехты, река Мера, гора Мерская и озеро Мерское...»². Л. Скворцов считал, что исходя из исторических данных, можно «с достоверностью заключить, что первобытным народом, населявшим Костромскую губернию, были финны, именно меряне»³.

Значительным событием в культурной жизни города стало появление работы В. К. Лукомского и Г.К. Лукомского «Кострома: Исторический очерк В.К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г.К. Лукомского»⁴. Г. К. Лукомский – искусствовед, художник, краевед; В. К. Лукомский – российский историк-геральдист. Их совместный труд о Костроме можно считать первым научным справочником по истории Костромы. Авторы обращаются к истории происхождения названия города и первых поселенцев Костромы. Анализ архитектурных и художественных достопримечательностей города дает важнейший материал о своеобразии культурного наследия Костромы.

Значительный вклад в изучение фольклора, особенностей языка местного населения Костромского края внёс один из наиболее активных членов КНОИМК Николай Николаевич Виноградов. В 1915 г. он обратился к

¹ Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. Кострома, 1913. Ч. 1 С. 6.

² Там же. – С. 9.

³ Там же.

⁴ Лукомские В. К., Г. К. Кострома: Исторический очерк В.К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г.К. Лукомского. – СПб.: изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913.

теме существования галивонского наречия на территории г. Галича и его связи с финно-угорским языком¹. По мнению автора, первые упоминания о данном наречии встречаются в сочинении «Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением Исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий. Или освобожденная Малороссия» Федора Глинки². Автор писал, что Галич в старину называли Галивоном, галичское озеро – Мироном, а жителей – кривизна. Ф. Глинка предполагал, что данное наречие «в смутные для России времена, служило некоторым из тамошних граждан для тайного разговора и переписки.

Н. Н. Виноградовым собраны все существовавшие к началу XX в. версии о причинах возникновения галивонского наречия. При этом точки зрения ученых и путешественников разделяются на два противоположных мнения. Одна группа считает, что галивонское наречие – это не самостоятельный язык, и искусственно созданное наречие принадлежит к группе офенских языков. При этом галивонское наречие перенято из владимирских офеней во время торговых отношений или в владимирских тюрьмах, куда могли попадать галичане. Этой точки зрения придерживался краевед В. Самарянов, знаток местного края галичский протоиерей Ф. И. Розов, В. И. Даль³.

Другая точка зрения была сформирована из замечаний, изложенных костромским краеведом М. Я. Диевым и известным писателем, путешественником П. П. Свиным. М. Я. Диев, знаток местного края и практически носитель нерехтского диалекта, проживший всю жизнь в

¹ Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан // Труды КНОИМК. – Кострома, 1915. Вып. III. – С.1 – 51.

² Глинка Ф. Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением Исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий. Или освобожденная Малороссия. Сочин. писем Русского офицера.– СПб.,1816. Ч. 2.

³ Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка /под ред. И.А. Бодуэн- де-Куртене. – СПб.– М.: изд-во Тов-ва М. О. Вольф, 1912. Цит. по: Виноградов Н.Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан // Труды КНОИМК. – Кострома, 1915. – С. 32.

Костромском крае, изучавший галичскую сторону, указывал на то обстоятельство, что возник алеманский язык на территории Галича Мерского, заселенного в прошлом финно-угорским племенем меря. Не оспаривая мнения В. И. Даля и Н. Н. Виноградова, отметим, однако, важное для нас обстоятельство, заключающееся в том, что Н. Виноградов, собрав словарь галивонского наречия (ему помогал местный житель И. А. Жадовский), разделил слова на группы и выделил группу слов, образованных из местного наречия. По всей вероятности некоторые слова этой группы, как, впрочем, и других, могли содержать финно-угорские основы. Интересным для нас является и сам факт возникновения особого наречия на мерянской территории, по всей вероятности данный процесс опирался на существовавшую долго ситуацию двуязычия в устной речи.

Н. Н. Виноградов, продолжая традицию описания Костромской свадьбы, представил её как обряд с ярко выраженными локальными чертами, сформированными под воздействием культурных традиций различных этнических групп в статье «Народная свадьба в Костромском уезде¹. При изучении данной работы обращает на себя внимание пёстрое переплетение финно-угорских и славянских традиций и обычаев. В поле зрения автора попали исследования известных этнографов XIX в.: Д. К. Зеленина, И. В. Терещенко, а так же местных краеведов М. Я. Диева и других, которые в свою очередь отмечали яркие местные фольклорно-этнографические черты. Основную исследовательскую линию автора можно выразить следующим образом: традиционные свадебные обычаи и обряды, сформировавшиеся ещё на ранних этапах развития общества, изменялись и вбирали в себя новые культурные элементы, но сохраняли свою древнюю, освящённую языческой религией основу. Например, обращая внимание на отражение культа медведя в свадебном обряде Костромского края, Н. Н. Виноградов опирался на факты, представленные в работе Д. К. Зеленина: «С идеей плодородия связан обычай

¹ Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды КНОИМК. – Кострома. Вып. XV, 1917. – С. 71 – 152.

рядиться медведем во время святочных, масленичных и брачных обрядов. Мать жениха, изображая медведицу, выходила встречать молодоженов в шубе, вывернутой шерстью наружу: «...чтобы жених был богатый, как козуж волосатый»¹.

К методологическим особенностям работы можно отнести её стремление к обобщению разновременных фактов, использование свода знаний о народной жизни, опору на дискуссионные мнения предшествующих исследователей. В отличие от подобного рода работ второй половины XIX в., данное исследование ставило своей целью не только сбор фактов, но и их классификацию, обобщение.

Благодаря активной собирательской работе краеведа-любителя К. В. Завойко, в 1917 г. в трудах Костромского научного общества появилась статья «В Костромских лесах по Ветлуге реке», в которой мы находим новые сведения о праздновании «Никольщины» (Микольщины). Автору удалось представить интересные подробности празднования, подчеркивая в нём языческие элементы как архаические отголоски древних марийских и финно-угорских в целом традиций. «Микольщина ведется в этих местах испокон века везде по Лапшанге, по Ветлуге, в Шуцкой волости и по другим местам Варнавинского уезда. Справляется Микольщина не каждый год, а по мере надобности повеличать»².

Подкрепляет авторскую мысль о сохранившемся до нашего времени языческом мировосприятии пример жертвоприношения бычка: «Обещанный для Микольщины бычок до трехлетнего возраста никаким особенным уходом от прочего скота не пользуется; гуляет он в общем стаде наравне с прочей скотиной и только его особое высокое назначение присваивает ему особую кличку – «Миколец». Все его в деревне знают, и указывая на него, говорят:

¹ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива ИРГО. Императорское Русское географическое общество.– Петроград, 1914 – 1916. – Т. III. – Вып. I. – III.

² Завойко К. В. В Костромских лесах по Ветлуге реке // Труды КНОИМК. Этнографический сборник.– Кострома, 1917. Вып. VIII. – С. 9 – 15.

«это – Миколец!»¹. День для празднества назначают обыкновенно четверг, реже субботу; праздничных дней избегают. За месяц или полтора до Микольщины, обыкновенно с Покрова (1 октября), бычка отделяют от стада, запирают отдельно и начинают кормить, откармливать. Вместе с тем хозяева будущего празднества начинают делать сборы. Жертвуют при этом рожь, овес, пшеницу, солод»².

Результатом возрастающего научного интереса к антропологическим исследованиям КНОИМК в 1920 г. явилось исследование Вишневого Б. «Антропологические заметки о Костромской губернии»³. В статье рассмотрен научный феномен, заключающийся в том, что низкорослость населения Костромского края можно объяснить примесью финского элемента в физическом типе населения⁴. Б. Вишневский акцентировал внимание на том что, в Ветлужском и Кологривском уездах преобладает население, по своему типу указывающее на нечто финское⁵.

Важным событием в деятельности КНОИМК стала специальная этнографическая экспедиция в Ковернинский и Макарьевский уезды, которую совершил Михаил Михайлович Зимин по заданию общества в сентябре 1919 г. Он с 1913 по 1917 гг. был кустарным старостой в д. Ковернино, а с 1919 г. переехал в Кострому, где исполнял роль помощника секретаря КНОИМК⁶.

Во время экспедиции М. М. Зиминым делались записи фольклора и приобретались предметы старины. Собранные материалы были использованы в статье «Ковернинский край». Автор отмечает, что традиции, обычаи и обряды играют важную роль в воспроизводстве культуры и всех

¹ Завойко К. В. В Костромских лесах по Ветлуге реке // Труды КНОИМК. Этнографический сборник. – Кострома, 1917. Вып. VIII. – С. 9 – 15.

² Там же.

³ Вишневский Б. Антропологические заметки о Костромской губернии // Труды КНОИМК. – Кострома, 1920. Вып. XVI. – С. 69 – 78.

⁴ Там же. – С. 70.

⁵ Там же.

⁶ Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год. – Кострома, 1920. – С. 2.

сфер духовной жизни, в реализации многовековых усилий сменяющих друг друга поколений. Интересны, например, собранные М. М. Зиминим факты, касающиеся празднования Рождества и Крещения. Православные обрядовые каноны дополняются, а подчас и нарушаются смело вкрапляемыми привычными для местного населения языческими элементами. Например, часто встречается особое почитание птицы, ритуальные действия, где птица то оберег, то существо с магическими возможностями. Территория, на которой собирался этот материал, (Поветлужье), с древних времен место поселения финно-угорских племён. Обратимся к описанию М. М. Зиминим рождественских гаданий: «По вечерам промеж Рождеством и Крещением, во все дни, когда вздумают, приносят в избу курицу, кладут ее посередь полу вверх ногам и очерчивают ее углем три раза встречу солнца. В эту черту кладут зерна горсть: овса, ржи, пшеницы и крошки хлеба, а в эти крошечки серьги; куда выбросит серьги, в ту сторону и выдадут девку замуж»¹.

В статье встречаем факт почитания «куриного бога». Если камень дарился кому-либо, то одариваемый должен был поцеловать того, кто дарил. «У кого куричий Бог (камень с дырочкой), подвешенный на веревочке, у того и водятся курицы. Это камень с самородной дырой, его находят больше случайно в поле и передают из рода в род»².

Автор статьи писал, что вся крестьянская жизнь пропитана еще дедовскими и прадедовскими взглядами, верованиями и предрассудками. На все у крестьян свой веками сложившийся взгляд, на все свои приметы и поверья.

Современный исследователь деятельности М. М. Зимина нижегородский учёный В. П. Федосеева пишет о нём так: «...не являясь профессионалом, М. М. Зимин был образован в области этнографии и фольклора и осуществлял собирание на высоком профессиональном уровне. В Костромском областном архиве хранится переписка Н. Н. Зимина с

¹ Зимин М.М. Ковернинский край // Труды КНОИМК. – Кострома: Коммунист, 1920. Вып. XVII. – С. 81.

² Там же. – С. 84.

московским этнографом В. Н. Харузиной. Кроме того, есть сведения о переписке и общении М. М. Зимина с известным этнографом и фольклористом Д. К. Зелениным. Всё это свидетельствует о высоком уровне его этнографической подготовки»¹. Личный фонд М. М. Зимина хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства. В фонде собраны «Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 - 1938)»².

Дополнил и обобщил этнографические исследования Костромского края В. И. Смирнов. Его работа «Народные похороны и причитания в Костромском крае»³, включала и 7 текстов причитаний, записанных М.М. Зиминим в Ковернино. Работа была включена в изданный КНОИМК в 1920 г. второй этнографический сборник. Достоинством данной работы является точное указание мест распространения похоронных традиций и причитаний, что особо важно в связи с пестротой этнического состава края. Добросовестно собранные и классифицированные В. И. Смирновым сведения являются ценным материалом для последующих исследователей. В Нерехтском, Галичском, Чухломском, Ветлужском уездах явно прочитываются финские традиции в обрядах. Василий Иванович писал: «...население Костромского края далеко не однородно, как по условиям жизни, по говору, так и по своим понятиям и обычаям. Каждая группа селений, как Ликурга, Корега, Бакowщина, Одуевщина и т.д. представляет собой особое лингвистическое гнездо, так сказать свою особую бытовую физиономию, и свои местные обрядовые особенности. Поэтому местами и в погребальный обряд вплетаются любопытные характерные особенности, сохранившие черты

¹ Федосеева В. П. Зимин М. М. – костромской собиратель фольклора // Жизнь провинции как феномен духовности / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 11-13 ноября 2010г. – Н.-Новгород: из-во НГУ им. М. Л. Лобачевского, 2011. – С. 198.

² РГАЛИ. Ф. 1455. Оп.1. Д. 1. – Л. 1. Личный фонд М. М. Зимина. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938).

³ Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. Второй этнографический сборник.– Кострома, 1920. Вып. XV.– С. 21 – 126.

глубокой старины, отражающие различные колонизационные потоки, столкнувшихся здесь народностей, растворивших в себе финские и другие не славянские племена»¹. П. Н. Травкин, обращаясь к этой работе В. И. Смирнова, указывает на важную деталь, отражающую финно-угорское языческое восприятие похоронного обряда: «Железо, согласно древним поверьям, в сочетании с заговором было способно создавать непреодолимую преграду, защищавшую жителей «земного», «дневного» мира от пагубного воздействия потусторонних сил. Так в начале XX века в Костромской губернии, по сведениям В. И. Смирнова, во время шествия похоронной процессии рубили землю топором и затем заметали след («холеру рубили и выметали»). Саван для умершего шили, держа иглу острием от себя. Во время эпидемии вокруг деревни пропахивали борозду, надеясь, что смерть не переступит через след острого железа»².

Некоторые традиции В. И. Смирнов сравнил с черемисскими, сославшись на работу И. Н. Смирнова «Черемисы»³: «Местами считают, что на мягком помирать «не хорошо», всё равно как и покойнику лежать на перине, потому что на пуху грехи не простятся. Настоящее значение обычая, практикующегося так же у черемис... если умирающего не успели переложить на солому, то всякая постель, на которой он умер, должна поступить в его собственность»⁴.

Подводя итог описанным традициям, автор высказал мнение: «...в некоторых других деталях здешнего современного похоронного и поминального ритуала, а так же в народных воззрениях на смерть и загробную жизнь, несомненно, бытуют религиозные и обрядовые черты неславянских аборигенов края, усвоенные, по-видимому, в эпоху

¹ Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. Второй этнографический сборник. – Кострома, 1920. Вып. XV. – С. 5.

² Травкин П. Н. Обряд «запирания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным Текст. / П. Н. Травкин // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. – Тверь, 1997.– С. 59 – 63.

³ Смирнов И. Н. Черемисы. – Казань, 1889. – С. 152.

⁴ Смирнов В. И. Указ. соч. – С. 7.

колонизации»¹. И далее дополнил: «В отмеченных здесь костромских народных похоронных обычаях заметны разные религиозные наслоения и следы языческих религиозных верований и представлений далеко не исключительно славянских»². Для того времени это смелое высказывание, так как общепринятым считалось указывать на великорусский характер населения. Многие материалы автором были взяты из анкет КГУАК 1899 – 1900 гг., из этнографических материалов, хранящихся в архиве КНОИМК, собранных так же с помощью анкеты в 1918 г., из личных записей и опросов автора, из записей сделанных корреспондентами Страхового Отдела при содействии В. А. Миндовского, а так же А. А. Ширского, Ф. Д. Нефёдова.

В. И. Смирнов писал так же о преимуществах метода анкетирования: «Факты определенного порядка, повторенные в корреспонденциях из разных мест, дают основания к заключениям о широте распространения известного явления или обычая и силе пережитка отдалённого прошлого»³. Что касается анкеты 1918 г., то, несомненно, КНОИМК испытывал большие затруднения при сборе материала, о чём Василий Иванович и упоминает, приводя слова одного из корреспондентов: «В виду теперешнего тревожного времени насилу уговорил сказать записанное – боятся, чтобы чего не вышло, и не попасться под ответственность – страшно все запуганны»⁴. Материалы, собранные В. И. Смирновым, легли в основу обобщающих трудов исследователей второй половины XX в. Используя его материалы, С. М. Толстая глубоко исследует природу похоронных причитаний»⁵. М. Д. Алексеевский, опираясь на работу В. И. Смирнова, проводит параллели между традициями народного похоронного обряда и причитаниями в Костромском крае и у финно-угорских народов.

Многогранным и богатым источником для изучения этнологии края являются Этнографические очерки Костромского края «Клады, паны и

¹ Смирнов И. Н. Черемисы. – Казань, 1889. – С. 20.

² Там же. – С. 24 – 27.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 152.

⁵ Толстая С. М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 135.

разбойники» В.И. Смирнова, опубликованные им в 1921 г. в КНОИМК¹. Он использовал устные предания, записанные и изданные рассказы, дневниковые записи, рукописи. Для нас этот источник интересен тем, что все истории опираются на мифологические представления и являются отголосками древних верований мерянского населения Костромского края. Читая легенды, легко восстанавливаются прямые связи с культом животных, действиями предков, нечистой силы – божеств нижнего мира и др. Автор записал и привёл конкретные места явления кладов, фамилии рассказчиков и участников действия. Он отметил места древних капищ, священных роц, поклонных камней. Описываемые места, в большинстве своём, совпадают с мерянскими могильниками, городищами, курганами, иногда с реальными местами кладов (археологических находок). Наиболее архаичные и интересные для нас легенды имеют фабулу и набор атрибутов, присущих мифологическим взглядам финно-угорских племен.

В. И. Смирнов, собравший большое количество легенд, в своей работе «Клады, паны и разбойники» привёл легенды, где клад стережет гусь или утка. В народных поверьях, связанных с кладами часто присутствует культ водоплавающей птицы. «В с. Минском Костромского уезда около пруда, на месте где были дома старых попов, в земле существует клад, который является в виде утки или человека. Рассказ этот В. И. Смирнов берет из дневника И. Д. Преображенского (Рукопись, 23 июня 1890г.)»².

В указанных легендах неоднократно упоминаются рассказы о кладах, которые зарыты под большими камнями. Как мы уже говорили ранее громадные камни, около которых «чудилось», по мнению многих ученых, являются маркерами мерянской территории. Часто камень обозначал место древнего капища. Интересно, что в Костромском уезде лежало несколько камней, на которых было высечено изображение гусиной лапы³. В легендах описан камень в местности «Гусыня» около с. Пушкина Костромского уезда

¹ Смирнов. В. И. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества.– Кострома, 1921. Вып. XXVI.

² Там же.

³ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94.– С. 142.

«в лугу «врос» большой камень, на нем ясно вырезана лапа гуся. По преданию под камнем зарыто не весть сколько денег. «На «бараньих горах» лежал большой сажени в 1,5 белый камень, на нем знак гусиной лапы. Под камнем большой сундук с деньгами»¹. В. И. Смирнов отмечал, что знак гусиной лапы встречался в рассказах из разных мест и о разных пунктах. Во всех указанных случаях гусяная лапа воспринималась как тотем-оберег.

Фольклорно-этнографические источники позволяют установить широкое распространение верований, связанных с космогонической ролью водоплавающей птицы у финно-угорских народов. Магическая защитная роль берега-уточки сохранила на долгие годы данное изображение на фасаде зданий, посуде, вышивке полотенец и сарафанов, в фольклорных сказаниях, песнях.

Как мы уже указывали ранее, панами назывались древние финно-угорские могильники и курганы. В. И. Смирнов описал, отмеченную в разное время и другими учёными, склонность местного населения связывать панские могильники с местами расположения кладов. Вполне вероятно, что основано это на рассказах о находках археологических раскопок. Анализируя все наиболее архаичные собранные легенды, можно выявить группу особых условий, при которых появляется клад: около клада что-то чудится или снится; клады находятся под большими одиноко стоящими деревьями, в священных рощах, пещерах, под камнями для моления, на раздорожье, на месте древнего капища; клад охраняет священное животное, оно имеет мифические черты: красный цвет, огромный размер, страшный вид и т. д.; появление клада сопровождается огнём; присутствуют волшебные действия: стукнуть по животному палочкой; часто слышится голос, который дает указания; задание: пройти 33 шага, сосчитать до трех, три дня не смотреть на клад и др.; особое время: действие происходит ночью, на закате, в день солнцестояния и т.д.; существует заклятие клада, надо произнести заговор;

¹ Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники / Труды Костромского научного общества. – Кострома, 1921. Вып. XXVI. С. 4 – 5.

предлагается совершить обряд заклания животных; в фабуле присутствует свадьба, смерть; на лицо чудесные превращения: клад превращается в навоз, кости в золото и др.; тот, кому показался клад, чувствует страх, ужас, может умереть, может потерять рассудок; клад не дается в руки, если нарушены условия, закон; встречаются магические цифры; клад кому то впрок, а кому то не впрок, несет несчастье, пропадает.

Все эти особенности указывают на мифологическую сущность легенд, являются исходными элементами мифов разных финно-угорских народов. Финно-угорские архаические элементы доказывают, что сюжеты и культы восходят к мерянской культуре Костромского Поволжья.

В 1922 г. В. И. Смирнов организовал при Научном обществе Этнологическую станцию и стал её заведующим. Создалась сеть корреспондентов, которых снабжали инструкциями и программами этнографического характера. Ежегодно организовывались этнографические экспедиции, велись археологические раскопки. По воспоминаниям Л.С. Кितिциной, она занималась диалектологическими исследованиями, Н.П. Беляева собирала и зарисовывала предметы материальной культуры, Е. М. Полянская изучала этнографию края¹. Работа станции оказала значительное влияние на процесс изучения финно-угорского этноса и его культурного наследия.

Существенным источником устного народного творчества финно-угорского народа являются фольклорные записи А. А. Ширского «Из легенд Ветлужского края», изданные в 1923 г.² Александр Александрович Ширский, в прошлом лесничий Мисковского лесничества, с 1913 г. заведовал библиотекой КНОИМК.

Сбор материалов автором производился в Какшинской и Вохомской волостях Ветлужского уезда и части Ключевской волости Котельничского

¹ Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930 – 1931). Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). / Л. С. Кितिцина; сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО Всё для Вас Сергиев Посад, 2011. – С. 128.

² Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Труды КНОИМК. – Кострома. Вып. XXIX, 1923. – С. 5 – 16.

уезда. Несмотря на отмеченную А. А. Ширским смешанность состава населения, исконно здесь проживали черемисы. Территория граничит с Вологдой, Великим Устюгом – местами проживания зырян – финно-угорской народности. Говор местных жителей напоминает какого-нибудь обрусевшего чуваша – «карашо», «терево» (дерево), коворю (говорю). Легенды рассказывались жителями зимой во время заготовок леса на сплав, когда жили в зимницах в лесу. Записанные легенды отражают финно-угорскую мифологическую картину мира. Например, в одной из них отчетливо просматривается общая финно-угорская мифологическая концепция сотворения мира при участии птицы. «Как-то бог творил мир, была сначала везде всё вода; вот бог и послал доставить земли со дна морьскова птицу. Два раза она опускалась на дно, брала земли в лапу, да не могла удержать покуда поднималась на верх-водой-то землю-то у ней, вишь, вымывало; в третий раз взяла землю в рот и вынесла наверх и т.д.»¹ Интересны примеры, связанные с особым почитанием мифических животных, например коня.

Образ коня или лошади, неоднократно встречается, при этом отчетливо видно сохранение языческих верований уже в эпоху христианизации края. Легенда 12 «Как лошадь простила обиду» служит тому доказательством. Суть легенды заключается в том, что племянник потихоньку приворовывал корм у лошади своего дяди и отдавал его своему коню. Однажды лошадь обиделась: «Вот один раз как стал он у неё корм-то из-под рыла выгребать, она взяла и сфыркнула на него. И стал он с того времени не наедаться: напала на него несуть – ест, ест, а всё голоден»². Перед нами картина кары за непочтительное отношение к священному животному, лошади приписываются качества разумности и преднамеренных действий, она мыслит, она избирает наказание и, проучив, наконец, прощает. Прощение вымаливается на коленях. Вся легенда проникнута воспоминаниями о магических силах животных, о поклонении им и приношении жертвы, в

¹ Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Труды КНОИМК. – Кострома. Вып. XXIX, 1923. – С. 20.

² Там же. – С. 5 – 16.

данном случае раскаяния. Это явные отголоски поклонения священным животным.

Собранный членами Костромского научного общества фактический материал нашёл отражение в статьях опубликованных в Трудах КНОИМК. К 1924 г. при обобщении тематики статей, известных фактов и выдвигаемых проблем стало ясно, что некоторые вопросы не исследованы, а другие требуют дальнейшего подтверждения и анализа. В связи с этим членами КНОИМК разрабатывается и рассылается анкета для дальнейшего изучения как экономического состояния, так и традиций, культуры края.

Некоторые из вопросов анкеты представляют особый интерес для нашей темы.

Для Костромского края характерно унифицирование праздника «Никольщины». В анкетах на вопрос «Устраивается ли братчина, например, «Никольщина»? мы встречаем, что «Никольщину» часто устраивали по обещанию, то есть не зависимо от дня праздника. Респондент из деревни Григорова написала: «Никольщина устраивается с переселением в новый дом, или же по обету¹. По количеству анкет, заполнявшихся в 1924 г., где отмечено празднование «Никольщины», становится ясным насколько была распространена «Никольщина». Из 99 анкет в 87 указано, что «Никольщину» празднуют. Среди отрицательных ответов есть в некоторых пояснение, например, «Прежде было, теперь хлебов нет»². В настоящее время мало, потому, что население стало нуждаться в хлебе (дер. Шувалово, Чухломского уезда)³. Режут быка или корову, что обещали. Созывают родных и близких (Кологривский уезд)⁴. Братчина устраивается, собирают по домам солод-хмель и варят брагу» (с. Ерха, Галичского уезда)⁵.

¹ КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета №349. КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. народное верование. Хулиганство.

² Там же. Анкета №1583.

³ Там же. Анкета № 1589.

⁴ Там же. Анкета №1610.

⁵ Там же. Анкета №359.

Святителя Николая часто называют «Русский бог», храмы в честь этого святого стояли почти во всех волостях, иконы были в каждом доме. При анализе материалов Костромского Губернского Статистического Комитета мы нашли подтверждение данному факту. В «Памятной книжке со списком поселений Ветлужского уезда»¹ мы обнаруживаем, что в Первом благочинном округе из 13 храмов – 3 освещены в честь Николая Чудотворца в селах Тоншаево, Широково, Красногора, при том, что остальные названия не повторяются. Во Втором благочинном округе из 15 храмов – 4 носят имя Святителя Николая в сёлах Шанга, Городище, Пыщуг, Кажирово, так же притом, что остальные имена не повторяются. Учитывая, что исследуемая территория издревле заселена черемисами, делаем вывод об особом почитании марийским финно-угорским племенем Святителя Николая.

Второй вопрос, касающийся древних традиций Костромского края звучал так: Не верят ли в «куриного бога»? Что вешают на насесты и для чего?² Во многих анкетах давались положительные ответы. Например, в анкете № 1613 из села Городища Каримовской волости Костромского уезда респондент отвечает: «Бог у курицы...если он весит, то и курицы ведутся»³.

Анализируя анкеты Галичского и Чухломского уездов, где в составе населения присутствует древний мерянский этнический компонент, мы получаем убедительный процент положительных результатов на поставленные вопросы. В Галичском уезде из 99 ответов в 24 – указывается на то, что население верит в Куриного бога и вешает на насесте камни с дыркой. Например, Н. Н. Прохоров из д. Макарово Галичского уезда отвечает: «Верили. Искали камня, что был весь в дырочках и вешали его на наседку, где сидят куры»⁴. Ответ респондента Н. Вазанова из д. Н. Кубово Галичского уезда звучит так: « Куриный бог – это камень и должен быть с

¹ Памятная книжка со списком поселений Ветлужского уезда.– Ветлуга: Издательство Ветлужского земства,1907. – С. 28 – 152.

² КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.

³ Там же. Анкета № 1613.

⁴ Там же. Анкета № 357.

дыркой, он всегда вешается на курицей наседке. Обязательно у всех имеется»¹.

В Чухломском уезде по результатам анкет из 35 опрошиваемых – 13 человек верили в «куриного бога». Например, Н. Гагарин из деревни Ледниково Чухломского уезда ответил: Верят, и вешают на насест известковый ноздреватый камень с самородною дырочкою, который мне, когда я был ребенком запрещали трогать руками, чтобы не навлечь на кур болезнь или холеру².

Таким образом, мы видим, что члены КНОИМК, составляя анкету, интересовались древними традициями, в основе которых лежал славянско-финский этнический конгломерат. В результате опроса авторы анкеты получили убедительный процент положительных ответов, что свидетельствует о сохранности древних этнических традиционных форм.

Большой интерес для изучаемой темы представляет, найденный нами дневник археолога Леонида Николаевича Казаринова – заведующего Чухломским музеем, председателя Чухломского отделения КНОИМК. Документ обнаружен в фондах ГУК КГИАХМЗ³. Он представляет собой отчёты археологических разведок в форме дневниковых записей, касающиеся стоянки каменного века у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда. Стоянка была открыта в 1923 г. Всего было две поездки, копали на глубине 2–3 лопат. Найденные предметы, среди которых, например, горшки чёрного цвета с крупно-ямочным орнаментом, свидетельствуют о древнем заселении края в период каменного века, предположительно последней четверти V – III вв. до н.э. Данные находки отражали сложные процессы главным образом внутреннего этнокультурного развития населения этого края.

Дневники Л. Н. Казаринова заслуживают внимания и в связи с наличием в них этнографического материала, описания традиций тех мест,

¹ КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета № 351. КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.

² Там же. Анкета №1588.

³ КГИАХМЗ КОК 49347. Казаринов Л. Н. Отчёт об археологических разведках у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда в 1924 г.

где он производил раскопки. Например, сведения о том, что близ р. Святицы у д. Крутицы есть родник, который считается целебным. Л. Н. Казаринов отмечает, что женщины приносят детей и не только поят их водой и обливают из ключа, но и совершают обрядовые действия: развешивают детскую одежду на кусты¹.

Летом 1924 г. на территории Костромского края работала Верхневолжская этнографическая экспедиция Академии истории материальной культуры под руководством Д. А. Золотарёва. Обследования велись в бассейне реки Костромы, в Шунгенской и Мисковских волостях в «Мерском стане». Была открыта стоянка с финно-угорскими материалами «Борань» около д. Вежи. В состав экспедиции входил и В. И. Смирнов. По воспоминаниям его жены Л. С. Китициной Василия Ивановича более всего интересовали вопросы о дославянском населении края. Для выяснения доисторической этнологии им был составлен список географических названий края неславянского корня (около 2 тысяч названий рек, урочищ, селений). Этот топонимический словарь был переслан для просмотра и выяснения форм тюркского и финского языков Н. Н. Поппе, а позднее Н. Марру².

В районе «Мерского стана» КНОИМК проводились антропологические, диалектологические и археологические работы³. Одним из наиболее значительных обобщающих трудов деятельности КНОИМК по изучению культурного наследия края является статья В. И. Смирнова «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края», вышедшая в 1924 г. в XXXIII выпуске Трудов КНОИМК⁴. Во вступлении автор охарактеризовал общую картину, сложившуюся в науке относительно мерянского населения

¹ КГИАХМЗ КОК 499343 – 49348. Археологические отчеты Казаринова Л. Н. / Из старых поступлений КНО.

² Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930-1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова.(1882-1941) /Л. С. Китицина; сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО Всё для Вас Сергиев Посад, 2011.– С.126–127.

³ Самойлова Т. В. Материалы для антропологических исследований Костромского уезда / Труды КНОИМК. Кострома, 1927. Вып. XL; Ерёмин С. А. Характеристика народных говоров по р. Костроме / Труды КНОИМК. – Кострома, 1927. Вып. XLI.

⁴ Смирнов В. И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края // Труды КНОИМК. – Кострома. Вып. XXXIII, 1924. – С.134 – 161.

Костромского края. Он систематизировал знания по финно-угорской проблеме, известные на данный период современной ему науки¹. Кроме того, Василий Иванович проанализировал все существующие в его время методы исследования данного вопроса и одним из первых поднял вопрос о необходимости комплексного исследования. Он высказал мысль о том, что этнографические находки надо выводить из археологических артефактов, которые в свою очередь необходимо подкреплять лингвистическими данными. В связи с тем, что летописных данных об этническом составе населения Костромского края нет, Василий Иванович предложил анализировать четыре типа источников: 1) данные доисторической археологии; 2) лингвистический анализ географических названий населенных мест, рек, урочищ; 3) диалектология края; 4) антропологические данные. И именно в этой статье привёл выводы научных исследований по этнологии края. Большинство археологических открытий, подтверждающих то, что на территории Костромского края проживало финно-угорское племя меря относится ко второй половине XX в., когда были исследованы памятники железного века: Минское городище, Дурасовское городище (IX – X вв.), Поповское городище, Унорож и др. Однако, исследования археологов первой трети XX вв. подготовили почву для данных открытий. В этот период археологами в основном исследовались доисторические памятники, которые, по мнению учёных начала XX в., должны были проливать свет на этнологический состав населения Костромского края. Такого же мнения придерживался В. И. Смирнов. Он считал, что данные доисторической археологии помогут выявить племенной состав первонасельников края. В своей статье В. И. Смирнов полемизировал с А. С. Уваровым по вопросу, выдвигаемых им соображений о широте географического распространения племени меря на основании краевой номенклатуры. Коренная ошибка выводов А. С. Уварова, по мнению В. И. Смирнова, кроется в том, что громадная область центральной и восточной России, отводимая А. С. Уваровым этому летописному племени, могла быть заселена им не одновременно, а постепенно в порядке отступления перед напором

¹ Середонин М. С. Историческая география. – Петроград, 1916. – С. 213.

славянской колонизации, причем представляется вероятным, что названия многих населенных пунктов с этим корнем были даны другими племенами, заставшими здесь отдельные удержавшиеся мерянские островки населения. «Не менее спорным является предположение А. С. Уварова о том, что р. Межа когда-то была границей мери и черемисы. Для обозначения понятия границы ни мерянам, ни черемисам, разумеется, не было надобности прибегать к русскому или славянскому языку. При этом, названия большей части рек бассейна Ветлуги звучат так же, как и в бассейнах Костромы и Унжи. Факт этот заставляет усомниться в том, что область Ветлуги была исконно черемисской»¹.

В 1925 – 1926 гг. на Ухтубужском городище делала раскопки группа учёных под руководством Отто Николаевича Бадера – выдающегося российского археолога, создателя пермской школы археологов, руководителя крупных археологических экспедиций. Экспедиция осуществляла попытки определить время и культуру городища. Ученые не были едины в датировке периода жизни на кургане: самые ранние памятники они относили к концу V в., самые поздние к началу XII в. Вспомним, что в 1885 г. археолог Ф. Д. Нефедов впервые обследовал Ухтубужский курган и убедился, что на кургане существовали стоянки финно-угорского племени, датируемы IX–X вв. Находки первых исследователей Ухтубужского кургана в виде предметов материальной культуры финно-угорского племени черемис позволили сделать им предположение о принадлежности этого археологического памятника древним марийцам, а позднее к меря².

Меряне селились, в основном, по берегам рек и озер, в труднодоступных местах в лесу. Их поселения, как правило, были окружены небольшими валами (городища). От своих предков они переняли навыки

¹ Середонин М. С. Историческая география. – Петроград, 1916. – С. 134 – 135.

² Этот курган копали в 1976 г. марийские археологи под руководством Г. А. Архипова. Лишь в 1984 г., после масштабных четырехлетних исследований, археологи Е. А. Рябинин и А. Е. Леонтьев закончили изучение городища, селищ и захоронений на Ухтубужье. Последующие экспедиции находили все больше предметов другого финно-угорского племени – меря. Археологи Е. А. Рябинин и А. Е. Леонтьев тоже отнесли эти стоянки к мерянским.

звероловства и рыбной ловли. Орудия охоты и рыболовные крючки встречаются среди находок на Ухтубужском кургане. Среди ранних находок в Ухтубужье встречалось немало керамики, сходной с керамикой ветлужских марийских городищ. Это позволило археологу О. Н. Бадеру отнести ухтубужские стоянки к черемисским. Образ жизни, хозяйственный уклад и даже язык черемисов были во многом схожи с мерянскими. Однако находки в чисто марийских (черемисских) стоянках отличаются большим количеством орудий охоты и рыбной ловли, а также свидетельствуют о знании марийцами кузнечного дела в X– XI вв.¹ О. Н. Бадер обнаружил следы древнемарийского поселения, относящиеся к началу II тыс., а вернее ко всей 1-ой половине его. Также он отметил, что «Проникновение русской этнической струи в Поволжье ... началось вряд ли раньше XIV века»².

Данными исследованиями и заканчивается эпоха «золотого века краеведения». На состоявшейся в марте 1930 г. IV Всероссийской конференции по краеведению был пересмотрен вопрос о системе работы краеведческих обществ. Вместо добровольных краеведческих организаций на местах стали создаваться так называемые бюро краеведения с административными методами управления. Замена самостоятельных организаций бюрократическими органами привела к массовому выходу его участников и, в конечном итоге, к свертыванию общественной культурной работы. Бюро краеведения не сыграло заметной роли в культурной жизни губернии и в 1937 г. было ликвидировано.

Таким образом, период с 1912 по 1930 гг. – это время возросшего интереса к вопросам этнического состава населения края в прошлом, наличия финно-угорских элементов в культуре Поволжья. Интерес этот развивался на фоне подъема краеведческого движения в целом в России при активной поддержке государства.

¹ Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР.– 1951. – № 22.– С. 157.

² Там же.

В изданных КНОИМК сборниках трудов большую долю занимают статьи, касающиеся изучения финно-угорского культурного наследия. Следовательно, в 1912 – 1930 гг. основная часть материалов по изучению культурного наследия древних финно-угорских народов Костромского края составляют исторические фольклорно-этнографические материалы, связанные с деятельностью КНОИМК, на втором месте находятся публикации, опирающиеся на собранные в экспедициях материалы членами КНОИМК; в регионах в это время стали издаваться исторические очерки и описания, вместе с тем отсутствовали фундаментальные работы общего характера, которые появились уже позднее в 50 – 60 гг. XX в.

Таким образом, в ходе *третьего периода* (1885 – 1912 гг.) идёт активное накопление исторических документов, фольклорных и этнографических находок. В систематизации и научном обосновании изучения финно-угорских древностей ведущую роль играла КГУАК. Начало её деятельности характеризуется историографической систематизацией уже накопленных фактов, первыми шагами в археологических изысканиях и методически обоснованном изучении финно-угорских древностей (через специальные программы, методики археологических разведок и раскопок) на территории Костромского края. В это время появляются первые программы-опросники для изучения фольклора и этнографии, новые правила по ведению дневниковых записей многочисленных археологических разведок и раскопок, проводимых КГУАК.

90-е г. XIX в. в истории краеведческого движения в Костроме относятся к периоду наиболее активной деятельности КГУАК. На лицо и развитие интереса к истории жизни автохтонного населения Костромского края. В трудах исследователей шло обобщение материалов и доведение до широкого круга артефактов финно-угорского культурного наследия Костромского края.

Важно упомянуть, что к началу XX в. в значительной мере была определена методика сбора фольклорной информации. Костромские учёные

использовали передовой метод исследования – картографический. Тому доказательством является собранный материал для археологической карты Костромской губернии, что способствовало изучению расселения финно-угорских народов на территории Костромского края.

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось проведением многочисленных археологических съездов, в том числе областных, что, несомненно, стимулировало научную мысль и способствовало появлению новых трудов, изучающих финно-угорские древности. Деятельность по организации археологических и этнографических экспедиций, съездов способствовала развитию тематики, поднимала решение проблемы на научный уровень, расширяла географию изучения исследуемой проблемы и привлекала внимание ученых, которые изучали другие сопредельные территории.

В ходе изучения финно-угорского культурного наследия в данный период ученые решали вопрос, поставленный ещё в начале XIX в. о мерянской принадлежности поселений г. Костромы и Костромского края.

Именно в это время были сформированы противоположные точки зрения о принадлежности костромских курганов мерянскому населению (А. С. Уваров, А. А. Спицын). Появилась гипотеза А. А. Спицына о том, что погребальные памятники финно-угров – могильники, а славян – курганы. Бекаревичем Н. М. был поставлен вопрос о принадлежности костромского финно-угорского населения именно мерянским племенам. Признавая финскую основу костромских курганов, предлагалось выделение их в особую группу погребальных насыпей и пояснение их своеобразия сильным влиянием Вятско-Камского региона.

Наиболее весомый персональный вклад в изучение финно-угорского культурного наследия Костромского края в обозначенный период внесли: Д. Н. Анучин, Н. М. Бекаревич, Д. П. Дементьев, Ф. Д. Нефёдов, И. В. Миловидов, В. П. Пирогов, И. Д. Преображенский, В. А. Андроников, О. Н. Бадер, Н. Н. Виноградов, М. Я. Диев, А. А. Спицын и др.

Исследователями в этот период были добыты новые артефакты финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края, свидетельствующие о мерянском заселении края.

Четвёртый период (1912 – 1930 гг.) – проявление активизации исследовательской научной работы, научного осмысления собранного, связанный с профессионализацией исторических, этнографических исследований. Период определяется общероссийскими тенденциями возрождения краеведческого движения, деятельностью КНОИМК. Именно благодаря деятельности КНОИМК внедрялись новые методы в изучение проблемы, использовался передовой опыт, а так же при поддержке государства и наличии связей со столичными и другими обществами, территориальными организациями и ведомствами появилась возможность широкого охвата территорий региона.

Вопросами этнографии, фольклора, в данный период занимались: Н. Н. Виноградов, К. В. Завойко, М. М. Зимин, А. А. Ширский. В своих работах они касались вопросов взаимодействия финно-угорских и славянских традиций и обычаев в древнерусской культуре.

Исследователи в работах первой трети XX в. ставили своей целью не только сбор фактов, но и их классификацию, обобщение.

Вместе с тем в изучении местного края в области методологии исследователями начинает использоваться комплексный подход. Одним из важнейших выводов для членов КНОИМК стало понимание того, что этнографические находки надо выводить из археологических артефактов, которые в свою очередь необходимо подкреплять лингвистическими данными.

Для периода характерно развитие уже существующих и появление новых форм изучения финно-угорского культурного наследия: разработка анкет, программ и сбор археологического, этнографического материалов, составление библиотечного фонда, создание музейных экспозиций, издательская деятельность. Благодаря активной деятельности КНОИМК

было разработано и распространено пособие по сбору документов «Этнографической программы», «Программы для собирания произведений народной словесности», «Предварительные указания к изучению Костромской губернии» и др.

КНОИМК внёс весомый вклад в изучение этнических вопросов, культуры и традиций автохтонного населения Костромского края.

Заключение

Проведённый анализ теоретической разработанности проблемы, представленный в данном диссертационном исследовании, позволяет прийти к определённым выводам о роли финно-угорского культурного наследия в формировании культуры Костромского края. Проблема финно-угорского культурного наследия имеет особое место в истории науки о народах и культурах. В огромном этническом многообразии мира выделяются родственные финно-угорские народы России, многие исследователи пытаются рассмотреть этапы их многовековой истории. При этом большой интерес представляют проблемы истории этих народов в их взаимоотношениях на протяжении столетий. Это особо значимо в связи с тем, что финно-угры первыми в сравнении с другими нерусскими народами оказались втянутыми в орбиту русской государственности. Развитие финно-угорских народов, их жизнь в составе древнерусского государства в исторической литературе представлены слабо. Особенно это касается этносов слившихся со славянским народом в единое древнерусское государство. Такие вопросы, как происхождение различных народов, их присоединение к России, или слияние со славянским населением на определённых территориях, уровень культурно-исторического развития, межкультурные взаимодействия, привлекают внимание современных исследователей. С позиций нового исторического мышления, научной объективности предстоит внимательно изучить и переосмыслить весь исторический путь финно-угорских народов. В современном мире этнические вопросы вызывают большой интерес, однако так было не всегда. Первые упоминания о финно-угорском населении на территории края появляются в трудах краеведов XVIII в., но настоящая развитие тема получила к середине XIX в. Исследования учёных XIX – первой трети XX вв. положили начало формированию выводов о том, что культура, история, этнический состав Костромского края отличаются своеобразием в связи с проживанием на этих территориях древнего финно-угорского племени меря (не летописного),

потомков других финно-угорских народов (мари) и влияния межкультурных взаимодействий с другими финно-угорскими народами: мурома, мордва, мещера, веси.

Изучение именно исследований финно-угорской культуры на территории Костромского края периода XIX – первой трети XX вв. актуально и в настоящее время. По постановке важных проблем этот период вполне можно сравнить с современной ситуацией. Многие проблемы, решаемые в указанный период, были забыты советскими историками, многие конкретные вопросы и методики изучения были отвергнуты. Взгляд учёных XIX – первой трети XX вв. на финно-угорское прошлое Костромского края, возвращение к выводам ряда культурных процессов в настоящее время представляется крайне актуальным. Некоторые выводы, отвергнутые в 50 – 80 гг. XX в., сейчас в связи с новыми исследованиями требуют переосмысления. Изучение финно-угорской культуры определенной территории даст возможность сравнить процессы аккультурации с другими регионами и позволит сделать необходимые выводы и обобщения.

Исследуя территориальное расселение племён мери необходимо выделить две группы: центральную и северо-восточную или костромскую группу, включая северную часть Ивановской области. Северо-восточная или костромская группа мери занимала некоторые территории Костромы, Шуи, Плёса, Вохмы, Нерехты, Мантурово, Галича. Культура финно-угров Костромского Поволжья значительно отличалась от материальной и духовной культуры летописной меря и имела свои особенности: виды захоронений, верования мерян, особенности предметов быта.

Славянская колонизация оказала значительное влияние на формирование смешанной культуры славянских и финно-угорских этносов. Изучение финно-угорских народов России стало предметом исследования в первой половине XIX в. различных научных обществ, в частности, Обществом истории и древностей Российских при Московском университете – это первое научное общество в Российской империи по изучению и

публикации документов русской истории. В 1834 г. при Совете Министерства внутренних дел учреждается особое Статистическое отделение по описанию России, затем появляются губернские статистические комитеты. В 1835 г. был создан Костромской губернский статкомитет. Предназначенные для сбора и обработки местного материала, они вели также исторические и этнографические обследования, а с 1850 г. стали издавать «Памятные книжки» и «Губернские ведомости». По инициативе Русского географического общества была разработана этнографическая программа по описанию быта России, которая активизировала интерес к подготовке описаний отдельных регионов.

Начало XIX в. по изучению финно-угорских народов Костромского Поволжья можно назвать периодом активной исследовательской работы отдельных краеведов-любителей: П. П. Свиньина и М. Я. Диева. Впервые исследователи описали финно-угорский мир Костромского края, используя этнографию, фольклор Костромы, Галича, Нерехты. В 40-х гг. XIX в. продолжается изучение истории г. Костромы, её основания и народонаселения. В 1840 г. вышел в свет труд костромского и вичугского краеведа, фольклориста, писателя А. Д. Козловского «Взгляд на историю Костромы», который был использован в «Материалах для географии и статистики России. Костромская губерния» Я. Крживоблоцкого. А. Д. Козловский указывал на наличие мерянского населения в Костроме, однако его выводы о принадлежности мерян славянскому этносу были ошибочными. Необходимо отметить, что первые работы по истории Костромского края отличались весьма низким уровнем, поскольку были написаны не профессионалами, а любителями.

Во второй половине XIX в. интерес к изучению местной истории проявился и с правительственной стороны. Это нашло отражение в «Положении об Императорской Археологической комиссии», а также в Положении «Об учреждении учёных архивных комиссий и исторических архивов» от 13 апреля 1884 г. Это активизировало работу исследователей в

области изучения истории мерянского населения Костромского края. Изучение костромских материалов нашло отражение в работе руководителя Московского археологического общества графа А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам». Автор характеризует особенности культуры меря: верования, одежду, захоронения, взаимоотношения со славянами, финно-угорские топонимы. Для определения роли финно-угорского субстрата А. С. Уваровым впервые были использованы археологические данные. Работа Уварова познакомила учёных с опытом сопоставления археологических и письменных источников, что было важным для середины XIX в.

Большая роль в области исследования, изучения, охраны и популяризации памятников истории и культуры принадлежала Археологическим съездам (первый прошёл в Москве в 1869 г., второй в Санкт-Петербурге в 1871 г.). В этот период активизируется археологическая разведывательная и экспедиционная деятельность. На территории Костромского края археологические экспедиции возглавлял Ф. Д. Нефёдов – известный писатель, археолог, этнограф. Первой работой, отражающей археологические находки Костромского края стала статья «Курганы Кинешемского и Макарьевского уездов». Исследования курганной культуры финно-угорских народов продолжил член Общества естествознания при Казанском университете Н. М. Бекаревич. Это были первые попытки анализа курганных древностей. Особый размах эта работа приобрела после создания Костромской губернской учёной архивной комиссии в 1885 г. С 1891 по 1900 гг. её председателем был Н. Н. Селифонтов известный учёный генеалог, археограф, член государственного совета.

С развитием деятельности Костромской губернской архивной комиссии всё больше стал проявляться интерес костромских историков-краеведов к древней истории края, её этническому составу, историко-культурному своеобразию. Наиболее активными членами КГУАК, внесшими

значительный вклад в изучение финно-угорского этноса Костромского края были И. Д. Преображенский, И. В. Миловидов, Н. М. Бекаревич.

В Костромской губернии архивная комиссия вела активную издательскую работу: 150 номеров «Журналов заседаний», а также с 1890 по 1911 г. комиссией было издано 6 выпусков сборника «Костромская старина».

Давая оценку роли КГУАК в изучении финно-угорского этноса Костромского края, необходимо отметить её вклад в области археологических разведок и раскопок, сборе огромного количества артефактов. Члены КГУАК не ставили перед собой цели классификации археологических находок по этническому признаку, некоторые находки атрибутировались неверное или спорно, но важно то, что значительный пласт вещественных источников в дальнейшем дал возможность учёным строить предположения и делать выводы относительно этнического состава и особенностей культуры автохтонного населения Костромского края.

Значительный вклад в изучении финно-угорского культурного наследия сыграли Археологические областные съезды. Всего Археологических областных съездов было четыре. Четвёртый (в 1909 г.) проходил в Костроме. Участниками этого съезда были столичные учёные, искусствоведы, историки, которые собирались для обмена информацией, получения новых данных в области исторических исследований и археологических изысканий. В съезде приняли участие профессор Московской духовной академии А. П. Голубцов, историк, профессор Д. И. Иловайский, искусствовед, историк-геральдист, член генеалогического общества в Петербурге, историко-родословного общества в Москве В. К. Лукомский, профессор Н. В. Покровский, академик Петербургской академии наук, директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский, историк, профессор Российской академии наук С. Ф. Платонов. Участниками съезда были также члены архивных комиссий Верхневолжского региона, а также представители тех регионов, на территории которых проживали финно-угорские народы (Нижний Новгород,

Вологда, Великий Новгород). Необходимо отметить разнообразие тематики докладов: местная история, археология, этнография, архивоведение, археография, церковные древности. Общение с ведущими учёными, знакомство с их работами способствовало активизации работы костромских краеведов. К съезду были изданы работы по истории г. Костромы: П. А. Алмазова, М. Я. Сырцова, В. И. Смирнова, В. Ширяева, П. Е. Навоева, в которых приводились сведения о проживании некогда мерянского населения на территории г. Костромы. Проведение археологических съездов, в том числе областных, несомненно стимулировало научную мысль, способствовало появлению новых работ, анализирующих финно-угорские древности.

Начало XX в. – время стремительного развития всех отраслей науки в России. Значительную роль в этом процессе сыграли краеведческие научные общества. В мае 1912 г. состоялось открытие Костромского научного общества по изучению местного края. Образование таких научных обществ отражало общественную тенденцию к демократизации российской науки и отвечало потребностям развития культуры в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. К формам изучения финно-угорского культурного наследия Костромским краеведческим научным обществом можно отнести разработку анкет, программ, сбор археологического, этнографического материалов, составление библиотечного фонда, создание музейных экспозиций, издательскую деятельность. Благодаря работе КНОИМК в фонды музея поступило 2800 археологических предметов из раскопок курганов и городищ, 597 предметов этнографического характера.

Работы членов КНОИМК внесли значительный вклад в изучении финно-угорского культурного наследия Костромского края. Это работы Л. Скворцова, Н. Н. Виноградова, М. М. Зимина, В. И. Смирнова и других. Исследователи в своих работах ставили своей целью не только сбор фактов, но и их классификацию, обобщение. Кроме того, в своих работах они

касались вопросов взаимодействия финно-угорских и славянских традиций и обычаев в древнерусской культуре.

Анализ широкого круга источников и большого пласта фактического материала позволили автору данного исследования выделить четыре периода в изучении финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края, их динамика обусловлена историческими, идеологическими и социокультурными трансформациями.

Первый период (первая половина XIX в.) характеризуется возникновением исследовательского интереса и накоплением материалов о древнем финно-угорском народе, населявшем Костромской край и появлением первых исследований, в которых затрагивались вопросы этнического своеобразия Костромского края.

Второй период (1860 – 1885 гг.) связан с формированием идей по изучению финно-угорского культурного наследия и эпизодическими археологическими исследованиями.

В этот период дискуссионным стал вопрос о возможности мирного слияния славян с автохтонным финно-угорским населением в местах их проживания.

Данный период характеризуется также появлением первых обобщающих исследований по финно-угорскому культурному наследию, авторы которых использовали обширные источниковые материалы, с анализом трудов других историков, попытками построить периодизацию истории края.

Вместе с тем надо отметить, что работа местных исследователей, группировавшихся вокруг появившегося статистического бюро в большей степени носила собирательно-описательный характер и не отличалась глубокими научными поисками. Хотя, серьёзных научных исследований по истории Костромского края в этот период не было создано, дело ограничивалось описаниями и очерками, однако, именно в этот период исследователями был поставлен вопрос о происхождении племени меря, его

исторической судьбе и участии в формировании народонаселения Ростово-Суздальской земли.

Следовательно, данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики изучения учёными и практиками-краеведами финно-угорского культурного наследия Костромского края, были сделаны шаги на пути к более основательным фундаментальным изысканиям.

Третий период (1885 – 1912 гг.). Для активизации изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края необходимо было объединение усилий, постановка общих целей, обмен информацией. Таким консолидирующим звеном и стала Костромская губернская учёная архивная комиссия.

Данный период – это время активного сбора археологических артефактов и исторических документов, фольклорных и этнографических находок. КГУАК играла ведущую роль в систематизации и научном обосновании изучения финно-угорских древностей.

Важно отметить, что к началу XX в. была в значительной мере определена методика сбора фольклорной информации. Костромские учёные использовали передовой метод исследования – картографический. Была создана археологическая карта Костромской губернии, что позволило изучить расселение финно-угорских народов на территории Костромского края. В этот период были выявлены новые артефакты финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края, свидетельствующие о мерянском заселении края.

В этот же период историками и краеведами был сделан вывод о том, что финно-угорские племена отступали в лесную зону под натиском славянских колонизаторов. По мере крещения финно-угорские народы (черемисы, мордва) с XVIII в. включались в состав русского населения.

Четвёртый период (1912 – 1930 гг.) – это период особого интереса исследователей к проблеме изучения финно-угорского культурного наследия. В ходе этого периода шло научное осмысление собранного материала,

связанного с профессионализацией этнографических исследований. Научные исследования опирались на краеведческое движение. В Костроме активизировалась деятельность КНОИМК, благодаря которой внедрялись новые методы в изучение проблемы, использовался передовой опыт, а так же при поддержке государства и наличии связей со столичными и другими обществами, появлялась возможность широкого охвата территорий региона, взаимодействия с другими территориальными организациями и ведомствами. Исследователи данного периода ставили своей целью не только сбор фактов, но и их классификацию, обобщение.

В силу большого объёма материала, в данном исследовании не представляется возможным привлечение материалов Ярославского, Ивановского и Владимирского края для дальнейшего сравнения артефактов культуры, фольклорно-этнографических и лингвистических материалов с помощью расширенного корпуса источников.

Для дальнейшей разработки данной темы необходимо расширение территории изучения. Это поможет выявить этническое своеобразие Костромского Поволжья и определить общие культурные элементы, присущие другим финно-угорским этническим группам: водь, эрзя, весь и др.

Выявленные источники, конкретный материал истории края может стать базой для изучения межкультурного взаимодействия финно-угорских и славянских этносов на территории Костромского края.

Изучение прошлого нашего края даёт возможность полнее понять настоящее. Вполне очевидна параллель, связанная с колониционными потоками славянского населения на земли финно-угорских аборигенов и современными миграционными процессами. Проблемы взаимодействия культур и межэтнических контактов актуализируются в современном мире в условиях взаимодействия процессов глобализации и самоидентификации регионов.

Список сокращений

- АРЭМ – Архив Российского этнографического музея
- ГАКО – Государственный архив Костромской области
- КГИАХМЗ – Государственное учреждение культуры Костромской
государственный историко-художественный музей-заповедник
- ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
- ЗРАО – Записки русского археологического общества
- ИАК – Императорская археологическая комиссия
- ИМАО – Императорское Московское археологическое общество
- ИОЛЕАЭ – Известия Императорского общества любителей естествознания,
антропологии и этнографии
- ИРГО – Императорское Русское географическое общество
- КГУАК – Костромская губернская архивная комиссия
- КНОИМК; КНО – Костромское научное общество по изучению местного края
- КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
- КЦИО – Костромское церковно-историческое общество
- ЛОИКФУН – Ленинградское общество изучения культур финно-угорских
народов
- МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России
- МИА – Материалы и исследования по археологии
- ОИДР; ИОИДР – Императорское общество истории древностей Российских
- ОРЯИС – Отделение русского языка и словесности
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РЭМ – Российский этнографический музей
- ЦИАМ – Церковный историко-археологический музей
- ЧОИДР – Чтения Общества истории и древностей российских

Список источников и литературы

1. Список источников

1.1. Законодательные акты

- 1.1.1. Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1911. 62 с.
- 1.1.2. Полное собрание законов Российской империи Т. XIII. –СПб, 1893. № 9982. – С. 569.
- 1.1.3. Полное собрание законов Российской империи. Второе издание. Т. XXXIV.– СПб, 1859. Отд. I, № 34109.
- 1.1.4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. – СПб, 1889. № 5841. – С. 95.
- 1.1.5. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. – СПб, 1884. № 2149. – С. 226.
- 1.1.6. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч.2. – СПб, 1833.
- 1.1.7. Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи 1775 г.
// Полное собрание законов Российской империи. – М.: Печатано при Сенате, 1830. Т. 22. 229 с.

1.2. Делопроизводственная документация

а) Архивные источники

- 1.2.1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
 - 1.2.1.1. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу.
 - 1.2.1.2. Ф. 1455. Оп. 1. Д. Личный фонд М. М. Зимины. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938).
- 1.2.2. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (ПФА РАН).
 - 1.2.2.1. ПФА РАН. Ф. 94. А. И. Шёгрэн. Оп. 1. Д. 1/1–10.

1.2.3. Архив Русского этнографического музея (АРЭМ).

1.2.3.1. Ф. 7. Оп. 1. Д. 376. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева; Д. 495. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния; Д. 592. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния. Галичский уезд.

1.2.4. Государственный архив Костромской области (ГАКО).

1.2.4.1. Ф. 161. Оп. 1. Губернский статистический комитет.

1.2.4.2. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Письмо Государю Императору о созыве съезда; Программа IV областного археологического съезда; Протокол заседания в Императорском археологическом институте в Санкт-Петербурге 21 февраля 1908 года; Решение IV областного археологического съезда; Д. 41. Списки костромских воеводств. Исторические сведения о Костромском крае и другие статьи. 1891 – 1896 гг. / Труды КГУАК; Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни. Л. 58 об.; Д. 47. Отчёт о деятельности Императорского Московского Археологического общества (1887 – 1899 гг.); Обзор деятельности КГУАК за первые десять лет, с 6 июля 1885 г. по 6 июля 1895 г., читаемый председателем комиссии Н. Н. Селифонтовым, в заседании комиссии 6 июля 1895 г.; Отчёт о деятельности КГУАК 1891 г.; Д. 68. Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища. Составлена членом Костромской ученой архивной комиссии Д. П. Дементьевым.

1.2.4.3. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Устав КНОИМК; Д. 49. Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы.

1.2.4.4. Ф. Р. 550. Оп. 1. Д. 1. Смирнов Василий Иванович /1882 – 1941/, краевед, председатель Костромского научного общества по изучению местного края.

1.2.4.5. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. Дементьев Д. П. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива. Ветлужская старина.

1.2.4.6. Ф. 652. Д. 1. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891г.; Д. 2. Письма Н. Н. Селифонтова к И. В. Миловидову.

1.2.5. Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (КГИАХМЗ).

1.2.5.1. Коллекционная опись. Анкета № 349, № 359, № 1583, № 1610. КНОИМК. 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.

1.2.5.2. Рукописный фонд. КОК 1273. Сумароков Н. С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии [рукописная копия].

1.2.5.3. Фонд археологии. КОК 49347. Казаринов Л. Н. Отчёт об археологических разведках у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда в 1924 г.; КОК 49343 – 49348. – № 65. Из старых поступлений КНОИМК. Археологические отчёты Казаринова Л. Н. Рукопись; КОК 49350. Из старых поступлений КНОИМК. Преображенский И. Д. Клады и паны, легенды и предания Костромского края; Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной учёной Комиссии 29 августа 1895 г.; КОК 49353. Из старых поступлений КНОИМК. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

1.2.6. Церковный историко-археологический музей (ЦИАМ).

1.2.6.1. КОК 24738. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.

б) Опубликованные делопроизводственные материалы

1.2.7. Материалы по археологии Восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства / под. ред. П. С. Уваровой. – М. – 1896. Вып. 2. – С. 1 – 261.

1.2.8. Отчёт о деятельности КНОИМК за 1913 год. – Кострома, 1914. – С. 10 – 11.

1.2.9. Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год (Год VIII). – Кострома, 1920. – С. 2.

1.2.10. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) за время от его открытия 3 июня 1912 г. до января 1914 г. – Кострома, 1914.

1.2.11. Отчёты о деятельности КГУАК за 1900 год // Костромские губернские ведомости. – Кострома. –1901. – № 97.

1.2.12. Протоколы заседаний 2-го областного тверского археологического съезда//Труды 2-го областного тверского археологического съезда 1903г. 10 – 20 августа. Изд. Тверской КГУАК.– Тверь: Тип. губ. Правления, 1906. 1248 с.

1.2.13. Протоколы заседаний Археологического съезда. Заседания 1 Отделения: Древности первобытные // Труды I Археол. съезда. 1869. – М., 1871. Т. I.

1.2.14. Протоколы заседаний Второго археологического съезда. Заседание 11 декабря 1871г. // Труды II Археол. съезда. 1871. – СПб., 1881. Вып. 2. – С. 28–29.

1.2.15. Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г. / Труды КГУАК. – Кострома: Губернская типография, 1914.

1.2.16. Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М.: Изданием А. И. Вахрамеева, 1902. – № 3. 177 с.

1.2.17. Устав КНОИМК. – Кострома, 1912.

1.2.18. Устав Костромского церковно-исторического общества. – Кострома, 1912. – С.3.

1.3. Вещественные источники

1.3.1. Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей (КГИАХМЗ).

1.3.1.1. Фонд археологии. Коллекционная опись. КОК 17318. Скульптура Св. Николая; КОК 37808. № 2. Наконечник стрелы листовидный, железный; № 6. Льячек желтой глины, лепной; № 7. Льячек глиняный, лепной с втульчатой ручкой; № 20. Подвеска шумящая с тремя гусиными лапками; № 85. Привеска в виде гусиной лапки; № 108. Подвеска серебряная уточка; № 243. Подвеска в виду утиной лапки с ушком; № 306. Фрагмент лапки-привески; № 338. Льячек глиняный, лепной ложкообразной формы с носиком; № 375. Подвеска бронзовая с 5-ю привесками утиными лапками. № 344. Привеска-лапка бронзовая. КОК 15419 / 5. А – 87 / 5. Подвеска зооморфная с 4-мя привесками бубенчиками. КОК 15430 / 10. А – 98 / 10. Фибула подковообразная. КОК 15452 / 50а. А – 120 / 50а. Подвеска шумящая с привесками в виде гусиных лапок; 90. А – 120 / 90. Шумящая подвеска в виде птички. КОК 15453 / 34. А – 121 / 34. Подвеска коньковая двуглавая; 42. А – 121/42. Подвеска шумящая с привесками в виде гусиных лапок. КОК 15455 / 16. А – 123 / 16. Лунница узкорогоая; 25. А – 123 / 25. Подвеска шумящая треугольная с привесками; КОК 15456 / 4. А – 124 / 4. Подвеска круглая косорешетчатая. КОК 15467 / 8. А – 135 / 8. Подвеска из 6-ти цилиндрических пронизок; КОК 15469 / 16. А – 137 / 16. Подвеска зооморфная плоская, двуглавая. КОК 15474 / 84. А – 142 / 84. Подвеска зооморфная, пластинчатая.

1.3.2. Русский этнографический музей (РЭМ).

1.3.2.1. Коллекционная опись № 321. Костромская обл., Юрьевецкий уезд, деревня Лиходумово, Крутово, Орехово, Демино. Женская одежда, головные уборы, ювелирные украшения; № 713. Костромская губ., Шунгенская волость, село Саметь. Одежда, головные уборы, приспособления для плетения поясов; № 956. Костромская губ., Шунгенская волость – изразцы; № 2629. Костромская губ., Чухломской уезд, деревня Игнатово. Головной убор «поднизка»; № 2725. Костромская губ., Ветлужский уезд, деревня Скоробогатое. Женский головной убор «повойник»; № 3252. Костромская губ. Гридинская волость. Пуговицы; № 6754. Шуган – верхняя женская одежда.

1.4. Статистические издания

1.4.1. Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 28 марта 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 22 с.

1.4.2. Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 2 мая 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 7 с.

1.4.3. Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 12 июня 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 13 с.

1.4.4. Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 18 марта 1868г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 17 с.

1.4.5. Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 17 июля 1868г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 8 с.

1.4.6. Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 15 ноября 1868 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 14 с.

1.4.7. Зябловский Е. Статистические описания Российской империи в нынешнем её состоянии. – Изд.2. – СПб., 1815. Ч. 1 – 5.

1.4.8. Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. – СПб: Типография Н. Таблена и К., 1861. 647 с.

1.4.9. Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. – Кострома, 1870. Вып. 1– 8. 182 с.

1.4.10. Отчёт Костромского губернского статистического комитета. – Кострома, 1901 – 13 гг.

1.4.11. Памятная книжка со списком поселений Ветлужского уезда. – Ветлуга: Издательство Ветлужского земства, 1907. 358 с.

1.4.12. Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г./В.А. Толмачев. – Кострома: Губернская типография, 1909. 486 с.

- 1.4.13. Справочная книжка-календарь по Костромской губернии на 1911. – Кострома: Губернская типография, 1911. XII. 416 с.
- 1.4.14. Статистические таблицы Костромской губернии по сведениям 1863 – 1864 гг. (Обработано Лебедевым). – Кострома: Губернская типография, 1866. Вып. 1. 193 с.
- 1.4.15. Финно-угорские народы: Статистический сборник. – Сыктывкар, 2008. 116 с.
- 1.4.16. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628 – 1710 и 1722 – 1746 гг. – Кострома, 1895. – С. 134.

1.5. Периодическая печать

а) журналы

- 1.5.1. Археологические известия и заметки. – 1894. – Т. 2. – № 8.
- 1.5.2. Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. 7; 1900. – Вып. 13.
- 1.5.3. Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. – 1958. – № 4.
- 1.5.4. Вопросы истории, естествознания и техники. – 2007. – № 2.
- 1.5.5. Вопросы истории. – 1990. – № 5; 1996. – № 9.
- 1.5.6. Вопросы языкознания. – 2000. – № 2.
- 1.5.7. Живая Старина. – СПб: Отделение этнографии Императорского географического общества, 1893 . – Вып. I.; 1895. – Вып. 1; 1986. – Вып. 2; 1897. – Вып. 3–4; 1999. – Вып. 1.; 1901. – Вып. 1–4; 1903. – Вып. 1–3.
- 1.5.8. Журнал Министерства народного просвещения. – М. – 1868. – Ч. СXXXIX. – Июль; 1872. – Ч. CLXIV. – Дек. Отд. 2.

- 1.5.9. Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб: Тип. Акад. наук, 1903. Т. 5. Вып. 1.
- 1.5.10. Известия Императорской Археологической Комиссии. – М., 1904 – № 21, 1912; № 26.
- 1.5.11. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1885. – Т. XXVIII.
- 1.5.12. Известия Центрального бюро краеведения. – М.– 1927.– № 8.
- 1.5.13. Известия IV Областного Историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909. – № 5 – 6.
- 1.5.14. Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1890. – Вып. 1; 1892. – Вып. 2; 1894. – Вып. 3; 1897. – Вып. 4; 1901.– Вып. 5; 1905. – Вып. 6.
- 1.5.15. Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1927 – № 2; 1928. – Т. V. – № 3 – № 6.
- 1.5.16. Краеведческие записки: Сб.ст.– Ярославль.– 1986. Вып. 4.
- 1.5.17. Материалы и исследования по археологии. – 1951. – № 22. – С. 159 – 180.
- 1.5.18. Отечество. – 1990. – Вып. 1.
- 1.5.19. Регионология. – Саранск: Из-во МГУ им. Н. П. Огарева. –2008.– № 2.
- 1.5.20. Российская археология. – М., 1990. №2; 1996. – № 3.
- 1.5.21. Русский вестник. – М. 1867. – № 6, 9, 10.
- 1.5.22. Советская археология. – 1957. –№ 2; 1981. – № 3; 1994. – № 4.
- 1.5.23. Финно-угроведение. – 1995. – № 1;1999. –№ 2 – 3.

1.5.24. Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М. 1865. – Кн. 4.

1.5.25. Этнографическое обозрение. – 1891. – № 2.

1.5.26. Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3.

б) газеты

1.5.27. Вологодские губернские ведомости. – 1854. – 24 апреля.

1.5.28. Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1885. – 8 сентября; 1859. – 26 марта; 1902. – 3 апреля.

1.5.29. Костромские епархиальные ведомости. – 1889. – 1 марта; 1 апреля; 1 июня; 15 августа; 1 сентября; 15 сентября; 1900. – 1 сентября; 1901. – 15 апреля; 1902. – 1 января.

1.5.30. Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта; 1 апреля; 15 апреля; 1 мая; 15 мая.

1.5.31. Костромской листок. – 1903. – 11 апреля.

1.5.32. Эрзянь Мастор. – 2005. – 16 мая.

2. Список литературы (монографии, статьи)

2.1. Алексеев С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев и др. – Кострома, 1997. 275 с.

2.2. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 368 с.

2.3. Алексеевский М. Д. Севернорусские похоронно-поминальные причитания как акт коммуникации: к вопросу о прагматике жанра // Рябининские чтения – 2007. – Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2007. 497 с.

2.4. Алмазов П. А. Краткий путеводитель по г. Костроме и Костромской губернии. – Кострома: Губернская типография, 1909. 43 с.

2.5. Аלקвист А. Меряне, не меряне ... // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 15 – 33.

- 2.6. Андроников В. А. О собирании памятников народного творчества в пределах Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1902. – С. 1 – 17.
- 2.7. Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства / под ред. Д. Н. Анучина. – М., 1899. Т. 3. – С. 237 – 259.
- 2.8. Анучин Д. Н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды Моск. археол. общества. – М., 1890. Т. XIV. С. 1–146 с.
- 2.9. Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1928. – Т. V. – № 6. – С. 321 – 328.
- 2.10. Апушкин В. Печальник Костромской старины. – Кострома: Типография КНОИМК, 1919. – Вып. XIII. – С. 3 – 14.
- 2.11. Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1927. – № 2. – С. 181 – 194.
- 2.12. Архипов Г. А. Марийцы IX – XI вв.: К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. Вып. 6. 1973. 164 с.
- 2.13. Балдин К.Е. Купцы-краеведы: страницы истории изучения Ивановского края//Борисовский сборник. Вып.1.–Иваново:Изд.дом Референт,2009.– С. 12–19.
- 2.14. Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1951. № 22. – С. 157.
- 2.15. Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии. – 1951. – № 22. – С. 159 – 180.
- 2.16. Баженов И. Костромской кремль. Историко-археологический очерк // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1905. – Вып. 4.– С. 90 – 116.
- 2.17. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М.: Мысль, 1987. 350 с.

- 2.18. Барсов Н. П. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885. 384 с.
- 2.19. Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – 1928. – Т. V. – №3. – С. 129 – 140.
- 2.20. Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1928. – Т. V. – № 3. – С. 129 – 140.
- 2.21. Бекаревич Н. М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенном им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1894. – Вып. 3.
- 2.22. Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг. Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1901. – № 5. – С. 302 – 462.
- 2.23. Бекаревич Н. М. Доклад о раскопках, произведенных совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома: Губернская типография, 1897. – С. 371 – 376.
- 2.24. Бекаревич Н. М. О некоторых городищах в Костромской губернии. – М.: Тов. типогр. А. И. Мамонтова, 1902. 7 с.
- 2.25. Бекаревич Н. М. Раскопки в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1890. – Вып.1. – С. 149 – 150.
- 2.26. Бердинских В. А. Вятский период жизни А. А. Спицына // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
- 2.27. Березин П. С. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных времён до наших дней // Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней: составитель Варгудин В. И. – Саратов: Надежда, 1996. – 688 с.
- 2.28. Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. – Н.-Новгород: Нижполиграф, 1923. – С. 118 – 124.

- 2.29. Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. – Н.-Новгород: Нижполиграф, 1923. – С. 118 – 124.
- 2.30. Бочков В. Н. Василий Смирнов // Второе свидание. – Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1974. – С. 42 – 80.
- 2.31. Бочков В. Н. Ветлужский летописец: Образы краеведов // Памятники Отечества. – 1989.– №1. – С. 72 – 78.
- 2.32. Бузин А. И. Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: издание акционерного об-ва «Красносельский ювелирпром», 1997. 259 с.
- 2.33. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. – Л., 1978. – С. 110.
- 2.34. Васьков И. К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы, сочиненное полковником Иваном Васьковым. – М.: Тип. М. Пономарева, 1792. 64 с.
- 2.35. Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV– XVI вв. – М.–Л.: ОГИЗ, 1936. 166 с.
- 2.36. Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1915. – С. 1 – 51.
- 2.37. Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1917. Вып. XV. – С. 71 – 152.
- 2.38. Виноградов Н. Н. О народном говоре Шунгенской волости, Костромского уезда: сборник Отделения русского яз. и словесности Имп. Акад. Наук. Часть I. Фонетика.– СПб., 1904. Т. LXXVII. – С. 1 – 100.
- 2.39. Виноградов Н.Н. Шишкинская волость, Костромского у. // Живая старина.– СПб: Отделение этнографии Императорского географического общества, 1901. – Вып. 3 – 4.
- 2.40. Виноградова С. Г. Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885 – 1990гг.) // Памяти Селифонтова. – Кострома: КГОИАМЗ, 2000. – С. 148 – 158.

- 2.41. Винокурова Т. Ю. О культуре медведя у вепсов (итоги комплексного изучения проблемы // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Барцевом регионах: сборник научных трудов. – СПб: Рис РЭМ, 2002. – С. 102 – 115.
- 2.42. Вишневыи Б. Антропологические заметки о Костромской губернии // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1920. Вып. XVI. – С. 69 – 78.
- 2.43. Владыкина Т. Г. О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России // Народные культуры Русского Севера. – Архангельск: Поморский ун-т, 2004. Вып. 2. – С. 25 – 32.
- 2.44. Воронцова Т. А. Старинные свадебные обряды и песни Костромского края. – Парфеньево: Костромская областная типография, 2011. 155 с.
- 2.45. Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья / Этимологические исследования. – Свердловск: изд-во УрГУ, 1981. – С. 3 – 45.
- 2.46. Ганцовская Н. С. Особенности говоров Костромской области. – Кострома: КГПИ, 1992. 96 с.
- 2.47. Ганцовская Н. С. Шунгенские говоры: по следам Н. Н. Виноградова / Н.С. Ганцовская. Лингвокраеведческая деятельность членов костромского научного общества по изучению местного края. Н. Н. Виноградов // Костромское народное слово. – Кострома, 2003. – С. 17 – 20.
- 2.48. Гаркави А. Я. Некоторые данные по исторической географии и этнографии России из рукописей, недавно приобретенных Императорской публичной библиотекой // Труды Археологического съезда в России. – Казань: тип. университета, 1884. Т. 1. Отд. 2. – С. 253 – 254.
- 2.49. Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1967. 307 с.
- 2.50. Георги И. Г. Лопари. // Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ,

- упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб: изд. К. В. Миллера, 1799. Ч. I. – С. 30 – 31.
- 2.51. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. 703 с.
- 2.52. Геродот История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского: под ред. С. Л. Утченко. – Л.: Наука, 1972. 599 с.
- 2.53. Герье В. И. Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому. – СПб.: Наука, 2008. 807 с.
- 2.54. Глинка Ф. Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением Исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий. Или освобожденная Малороссия. Сочин. писем Русскаго офицера. – СПб, 1816. Ч. 2. 165 с.
- 2.55. Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. Археология СССР. //Свод археологических источников. – М.: Наука. – Вып. Е1 – 59. 1979. 113 с.
- 2.56. Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 158 – 163.
- 2.57. Городцов В. А. Первобытная археология. – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1908. 416 с.
- 2.58. Городцов В. А. Типологический метод в археологии // Общество исследователей Рязанского края. – Рязань: Рязгостиполит, 1927. – Вып. 6. 11с.
- 2.59. Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // Материалы и исследования по археологии. – М.: Наука, 1955. – Вып. 59. – С. 11 – 21.
- 2.60. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. М.: Акад.наук СССР, 1961. – Вып. 94. 285 с.
- 2.61. Гофман А. Б. Традиция // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. Т. 2. – С. 721.
- 2.62. Девочкин Г. М. Очерк пространства Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1859. – № 22 – 23.
- 2.63. Дементьев Д. П. Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1892. – Вып. 2. – 16 с.

- 2.64. Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. – Кострома, 1894. – Вып. 3.
- 2.65. Диев М. Я. Какой народ в древние времена населял костромскую сторону и что известно об этом народе» // Чтения Общества истории и древностей российских. – М. 1865. – Кн. 4. – С. 167 – 178.
- 2.66. Диев М. Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материал для историко-географического словаря Костромской губернии. – М., 1909. 96 с.
- 2.67. Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // Чтения Общества истории и древностей российских. – М. 1846. – Кн. II. – № 2. – С. 1 – 43.
- 2.68. Дмитриева С. И. Русско-финно-угорские связи (по материалам севернорусского фольклора) // Русский фольклор. Т. XXVII: Межэтнические фольклорные связи. – СПб.: Наука, 1993. – С. 136 – 147.
- 2.69. Древности Ивана Баженова // Жизнь замечательных костромичей XX век: краеведческие очерки. – Кострома: Областная типография, 2004. – С.10 – 11.
- 2.70. Дубов И. В. Спорные вопросы этнической истории северо-восточной Руси IX—XIII вв. / Вопросы истории. – № 5. – 1990. – С. 15 – 27.
- 2.71. Дубов И.В. И поклоняющиеся идолу камену...– СПб.: Рис РЭМ, 1995. 104 с.
- 2.72. Европеус Д. П. О курганных раскопках около погоста Бежец, в Бежецком уезде Тверской губернии // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1872. – Ч. CLXIV. – Дек. Отд. 2. – С. 376 – 387.
- 2.73. Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей // Труды II Археол. съезда. 1871. Отд. IV. – СПб., 1876. Вып. I. – С. 81 – 103.
- 2.74. Ерофеева Е. Н. Археологические памятники Ивановской области: материалы к археологической карте. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965. 64 с.
- 2.75. Жебелев С. А. Введение в археологию. – Пб.: Изд-во З. И. Гржебина, 1923. Ч. 1 – 2. 125 с.

- 2.76. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: Издание книгопродавца М.Березина, 1880. 607 с.
- 2.77. Завойко К. В. В Костромских лесах по Ветлуге реке // Труды КНОИМК. Этнографический сборник. – Кострома: Губернская типография, 1917. – Вып. VIII. – С. 3 – 40.
- 2.78. Загребин Е. А. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – нач. XIX вв.: История, теория и практика / Автореф. дис. док. ист. н. – Чебоксары, 2009. 61 с.
- 2.79. Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорское Русское географическое общество. – СПб. – 1914 – 1916. – Т. III. – Вып. I. 1077 с.
- 2.80. Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива ИРГО. Императорское Русское географическое общество.– Пг., 1914 – 1916. – Т. III. – Вып. I. – III.
- 2.81. Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? – Л.: изд. ЛОИКФУН. Вып.1, 1929. – С. 96 – 108.
- 2.82. Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в формировании великорусской народности // ЛОИКФУН. – Л., 1929. Вып. 1. – С. 1 – 13.
- 2.83. Зимин М. М. Ковернинский край // Труды КНОИМК. – Кострома: Коммунист, 1920. Вып. XVII. – С. 1 – 89.
- 2.84. Золотова Т. А. Методические и методологические аспекты проблемы межэтнических связей и взаимодействий (На материале традиционной культуры) // Финно-угроведение.– 1999. –№ 2 – 3. – С. 103.
- 2.85. Зорин П. Песни черемис Ветлужского уезда // Труды КНОИМК– Кострома: Губернская типография, 1917. – Вып. 8. – С. 41 – 70.
- 2.86. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / под ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1969. 799 с.
- 2.87. Иконников В. С. Опыт русской историографии, в двух книгах. – Киев. Т. I. 1891 – 1892.; Т. II, 1908. 1956 с.
- 2.88. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья и пер.и коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960. 688 с.

- 2.89. История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 19. 328 с.
- 2.90. Каменский В. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1907 год: сборник музея по антропологии и этнографии при императорской академии наук. – СПб., 1909. – С. 1 – 12.
- 2.91. Карамзин Н. М. О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще // История государства Российского. – М.: ЭКСМО, 2003. Т. 1. Гл. II. – С. 15.
- 2.92. Карпов Г. В. Путь ученого. – М.: Географгиз, 1958. 40 с.
- 2.93. Кастальева Т. Б. История жизни ученого протоиерея Михаила Диева, рассказанная им самим. – М.: Форум, 2008. 64 с.
- 2.94. Кельсиев А. И. Доклад о лопарях // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1885. – Т. XXVIII. – С. 491 – 500.
- 2.95. Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ти т./под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. Ч. 1. 431 с.
- 2.96. Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М.: типография Н. Степанова, 1840. 209 с.
- 2.97. Комаров М. Н. Памяти Г. Н. Девочкина [первого местного археолога-любителя] // Костромской листок. – 1903. – № 141. – 11 апреля.
- 2.98. Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. – Петрозаводск, 1992. – С. 26 – 119.
- 2.99. Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. – Казань: Университетская типография, 1872. 266 с.
- 2.100. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Эсмо, 2007. 596 с.
- 2.101. Костромская ГУАК // Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. 7. – С. 8 – 9; 1900. – Вып. 13. – С. 230 – 232.
- 2.102. Костромская ГУАК // Известия Имп. Археологической Комиссии. Прибавление. – № 5, 1904; – № 21, 1912. – С. 35 – 37; – № 26, 1912. – С. 35 – 37.

- 2.103. Костромская ГУАК // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1902. – № 25 – 26.
- 2.104. Куза А. В. Малые города Древней Руси. – М.: Наука, 1989. 168 с.
- 2.105. Кузнецов С. К. Русская историческая география: курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907 – 1908 г. Меря, мещера, мурома, весь. – М.: Синод. тип. , 1910. – Вып. 1. 197 с.
- 2.106. Курбский А. М. История о великом князе Московском: составление, вступительная статья, комментарии Н. М. Золотухина. – Тольятти: Университет Российской академии образования, 2001. 162 с.
- 2.107. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1.– М.: ЯРК, 1997. 496 с.
- 2.108. Лаллукка С. Наследие академика Шёгрена и некоторые задачи изучения финно-угорских народов // Финно-угроведение. – 1995. – № 1. – С. 55 – 61.
- 2.109. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. – СПб: изд-во СПб ГУ, 1992. 464 с.
- 2.110. Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. – М.: Геоэко, 1996. 340с.
- 2.111. Леонтьев А. Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.
- 2.112. Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII – XI вв.). Автореф. дис...канд. ист. н. – М., 1975. 26 с.
- 2.113. Леонтьев А. Е. Стратиграфия и хронология культурного слоя Ростова Великого // Археологические памятники на территории РСФСР. – М., 1985. – С. 105 – 112.
- 2.114. Ломоносов М. В. Краткий российский летописец с родословием// Полное собрание сочинений. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т.6. 307 с.
- 2.115. Ломшина Е. Н. Праздничная культура мордвы // Регионология. – Саранск: Из-во МГУ им. Н. П. Огарева. – № 2.– 2008. – С. 135 – 142.

- 2.116. Лукомские В.К., Г.К. Кострома: Исторический очерк В.К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г.К. Лукомского. – СПб.: изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913. 403 с.
- 2.117. Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
- 2.118. Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. – Л., 1929. Ч. 1. 45 с.
- 2.119. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 529 с.
- 2.120. Мансуров А. А. Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1928. – Т.5. – С. 17 – 18.
- 2.121. Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – 1997. – № 7. – С. 5 – 17.
- 2.122. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского севера. Ч. 1. – Екатеринбург: Изд-во уральского ун-та, 2000. 396 с.
- 2.123. Матвеева Т. А. К исследованию комплекса каменных кладок под п. Подборовье Выборгского района / Большая Петербургия в пространстве культурологического исследования: сборник научных статей. – СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – Вып. 4. – С. 12 – 13.
- 2.124. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. – Тверь: Типография губернского правления, 1905. – С. 16 – 44.
- 2.125. Мельников-Печерский П.А. Очерки Мордвы / Русский вестник. – М. 1867. – № 6, 9, 10.
- 2.126. Миловидов И. В. О Костроме в историко-археологическом отношении // Труды 7-го археологического съезда в Ярославле. – М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1887. Т.1. – С. 54 – 72.
- 2.127. Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. – Кострома: Ф.А. Фальк губернская типография, 1885. 179 с.

- 2.128. Мордва: историко-этнографические очерки. – Саранск: мордовское книжное из-во, 1981. 384 с.
- 2.129. Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Заонежье как периферия топонимных ареалов Карелии // Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск: ГИАЭМЗ «Кижис», 2007. – С. 245 – 249.
- 2.130. Муравьев В. Б. Вехи забытых путей. – М., 1961. 71 с.
- 2.131. Мызников С. А. Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров северо-запада. – СПб: Наука, 2003. 360 с.
- 2.132. Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада. – СПб: Наука, 2004. 496 с.
- 2.133. Навоев П. Е. Описание Костромской губернии: Опыт родиноведения с приложением карты губернии, плана Костромы и 14 рисунков. – Кострома: Губернская типография, 1909. 64 с.
- 2.134. Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки: отв. ред. Кузеев Р. Г. – М.: Наука, 1985. 309 с.
- 2.135. Насонов А. Н. Русская земля и образование Древнерусского государства. – М.: АН СССР, 1951. 256 с.
- 2.136. Нефёдов Ф. Д. Курганы Кинешемского и Макарьевского уездов // Антропологическая выставка 1879 г. – М., 1878 – 1879. Кн.4. – С. 90 – 93.
- 2.137. Нефёдов Ф. Д. О поездке 1885 г. в Костромскую, Вятскую и Пермскую губернии // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1885. – № 71.
- 2.138. Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С. 161 – 232.
- 2.139. Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1884. 120 с.
- 2.140. Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. – М.; Л., 1966. 64 с.
- 2.141. Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20 – 26 июня 1906 года. – Владимир, 1909. – С. 1 – 14.

- 2.142. Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съезда. – Владимир, 1909. – С. 2 – 9.
- 2.143. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки)/ под ред. В.И. Лыткина. – М.: Наука, 1976. 465 с.
- 2.144. Островский А. Н. Дневник 1848 года «Первая поездка в Щельково». Собр. соч. Т. 13. – М.: Госиздат худ. лит., 1952. – С. 180 – 181.
- 2.145. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: Транзиткнига, 2005. 464 с.
- 2.146. Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. – М.: Гиз., 1923. 220 с.
- 2.147. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. – М. Л.: Гиз., 1928. 70 с.
- 2.148. Пирогов В. Г. Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1890. – Вып. 1. – С. 135 – 141.
- 2.149. Повесть временных лет. Подготовка текста Д.С.Лихачева/ под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.–Л.: Изд-во Акад. Наук, 1950. Ч.1–2. 556 с.
- 2.150. Покровский Ф. И. Случайная археологическая находка // Археологические известия и заметки.– 1894. –Т.2.– № 8.– С. 358 – 360.
- 2.151. Попов А. И. Названия народов СССР: Введение в этнонимистику / Отв. ред. Ф. П. Филин. – Л.: Наука, 1973. 170 с.
- 2.152. Православный молитвослов. – М.: Даниловский Благовестник, 1995. 287 с.
- 2.153. Праздников В. В. Привески с поселения Введенское // Археология Ярославского края. Рыбинск. – 2002. – Вып. 2. – С. 55 – 57.
- 2.154. Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад. Члена-делопроизводителя комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. – Кострома: Тип. лит. СПб. С. П. Федотова, 1897. – Вып. 4.
- 2.155. Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов : составитель М. Йокиппи. – Ювяскюля: Атена, 1995. 405 с.

- 2.156. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / Шмидт С. О.; кол. авт. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). – М.: Изд-во РГГУ, 1997. 612 с.
- 2.157. Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. – Т. 7. – Вып. 3 – 4. Л., 1932. – С.5 – 106.
- 2.158. Регули Антал: Календариум. Дневник венгерского путешественника-исследователя с 29 сентября 1843 г. по 5 марта 1846 г. Путешествие по России: Петербург – Урал – Петербург. – Будапешт: Гинта, 2008. 78 с.
- 2.159. Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья. – М.: Наука, 1982. 178 с.
- 2.160. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. 608 с.
- 2.161. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. 783 с.
- 2.162. Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. 160 с.
- 2.163. Рябинин Е. А. Чудские племена древней Руси по археологическим данным / Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15 – 17 ноября 1976 г. – Л.: Наука, 1976. – С. 93 – 103.
- 2.164. Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 259 с.
- 2.165. Сазонов Л. Мерянские «Синие камни» // Эрзянь Мастор. – 2005. – № 209. – 16. 05. – С. 10 – 11.
- 2.166. Салминен Т. Маттиас Александр Кастрен // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / под ред. Тимо Вихавайнен / пер. с фин. яз. И. М. Соломеша.– Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. – С. 228 – 235.
- 2.167. Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии / Древности. Труды МАО. – М., 1875. Т. VI. Вып. 1. Отд. I. – С. 47 – 67.
- 2.168. Сапрыгина Е. В. Стражи времени. – Кострома: Промдизайн-Н, 2005. 379 с.
- 2.169. Свадьба на Вохме (Из записок землемера Паули) // Вологодские губернские ведомости. – 1854. – № 17.

- 2.170. Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Часть первая (с иллюстрациями автора). – СПб: Типография Н. Греча, 1839. 436 с.
- 2.171. Севастьянова А. А. «Любезным моим согражданам...» Первый костромской историк Николай Сумароков // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. – Кострома, 1995. – Вып. 3. 216 с.
- 2.172. Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Автореф. дис. ... док. ист.н. – СПб., 1993. 40с.
- 2.173. Седов В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. 328 с.
- 2.174. Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. – М.: Наука, 1995. 416 с.
- 2.175. Селиванов А. М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). – Ярославль: ЯрГУ, 2005. 375 с.
- 2.176. Семёнов Т. К. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887 г. – М., 1891. Т. 2. – С. 228 – 258.
- 2.177. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. – М.: Наука, 1967. 264 с.
- 2.178. Сизинцева Л. И. «Мастер науки» Василий Смирнов / Жизнь замечательных Костромичей XX век. Краеведческие очерки. – Кострома, 2004. – С. 114 – 128.
- 2.179. Сизинцева Л. И. Музей КГУАК и его создатели // Памяти Селифонтова: сборник докладов первых Селифонтовских чтений. – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 126 – 139.
- 2.180. Сизинцева Л. И. Смирнов Василий Иванович // Кострома: Историческая энциклопедия. – Кострома, 2002. – С.304 – 305.
- 2.181. Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы // Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893 г. – М., 1897. Т. 2. – С. 73.
- 2.182. Сизов В. И. Дьяково городище близ Москвы // Труды девятого археологического съезда в Вильне. 1893 г. – М., 1897. Т. 2.
- 2.183. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.

- 2.184. Сказания Приска Панийского / Пер. С. Дестуниса // Ученые записки Второго отделения Императорской Академии Наук. – СПб., 1861.– Кн. 7. – Вып. 1. – С. 408 – 457.
- 2.185. Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. – Кострома, 1913. Ч. 1. 273 с.
- 2.186. Скржинская Е.Ч. Вступительная статья //О происхождении и деяниях гетов. – М.: Наука, 1960. 838 с.
- 2.187. Смагина Г.И. Петербургская Академия наук и провинциальные любители наук в XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. – 2007. – № 2. – С. 121–139.
- 2.188. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. – М., 1952. 278 с.
- 2.189. Смирнов А. П. Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний / собр. и изд. с соблюдением мест выговора Александром Смирновым. – М.: Университетская типография, 1847. Т. 2. 189 с.
- 2.190. Смирнов В. И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края// Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1924. Вып. XXXIII. – С. 134 – 161.
- 2.191. Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1921. Вып. XXVI. – С.1 – 48.
- 2.192. Смирнов В. И. Костромской край в докладах 1-й Костромской губернской конференции по изучению производительных сил края // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1924. Вып. 33. – С. 2.
- 2.193. Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930 – 1931).материалы к биографии В.И. Смирнова (1882-1941) / Л. С. Китицина: сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО Всё для Вас Сергиев Посад, 2011. 224 с.
- 2.194. Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. Второй этнографический сборник. – Кострома: Губернская типография, 1920. Вып. XV. – С. 21 – 126.
- 2.195. Смирнов И. Н. Наброски из истории финской культуры // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 2. – С. 59 – 73.

- 2.196. Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографические очерки. – Казань : Типография Императорского Университета, 1889. 255 с.
- 2.197. Смирнов К. А. Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 76 – 77.
- 2.198. Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры // Российская археология. – М., 1990. № 2. – С. 51 – 60.
- 2.199. Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // Советская археология. – 1994. – №4. – С. 85 – 97.
- 2.200. Смирнов М. И. По забытым путям Залесья. // Доклады Переславль-Залесск. научн.-просвет. общ. – Переславль-Залесск, 1926. Вып. 15 – С. 15 – 16.
- 2.201. Смирнов П. П. К истории г. Костромы в XVII в. В связи с вопросом о распределении посадского населения по территории Московского государства // Известия IV Областного Историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909. – 25 июня. – № 6. – С. 5 – 10.
- 2.202. Смирнова В. И. Потонувшие колокола // Труды КНОИМК. Третий этнографический сборник. – Кострома: Губернская типография, 1923. – Вып. XXIX. – С. 1 – 4.
- 2.203. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, Вып. 1 – 4. – М.: Университетская типография, 1837 – 1839.
- 2.204. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. – М.: Университетская типография, 1839. – 1600 с.
- 2.205. Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. – 2000. – Т.70. – № 6. – С. 535 – 541.
- 2.206. Соболевский А.И. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя // Живая Старина. – СПб: Отделение этнографии Императорского географического общества 1893. – Вып. I. – С. 121, С.115 – 122
- 2.207. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн.3 // Соловьев С. М. Сочинения в 18-ти кн. – М.: Мысль, 1989.
- 2.208. Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия археологической комиссии. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1905. Вып. 15. – С. 84 – 174.

- 2.209. Спицын А. А. Городища дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб: Тип. Акад. наук, 1903. Т. 5. Вып.1. – С. 111. – 113.
- 2.210. Спицын А. А. Норманнские и славянские древности верховьев Волги // Известия IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома. – 1909. – № 5.– С. 15 – 17.
- 2.211. Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей Российских в археологическом отношении // Записки Императорского Русского Археологического общества. – СПб.– 1899. Т. XI.– Вып. 1 – 2. – С. 237 – 248.
- 2.212. Спицын А. А. Финские древности Верхнего Поволжья // Известия IV областного археологического съезда в Костроме. – Кострома. – 1909. – № 5.
- 2.213. Сырцов И. Я. Город Кострома в ее прошлом и настоящем. – Кострома, 1909. 51 с.
- 2.214. Татищев В. Н. История Российская. – М.–Л.: Наука, 1962. Т. 1. 500 с.
- 2.215. Терещенко А. В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2007. 729 с.
- 2.216. Терюков А. И., Шёгрэн А. И. и Кастрен М. А. // Финляндия и Россия в XIX – XX вв. – СПб., 1998. – С. 3 – 15.
- 2.217. Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857 гг. – М., 1909. 116 с.
- 2.218. Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. – М.: Синодальная типография, 1885. 657 с.
- 2.219. Ткаченко О. Б. Мерянский язык. – Киев: Наукова думка, 1985. – 208 с.
- 2.220. Ткаченко О. Б. Очерки теории языкового субстрата. – Киев: Наукова думка, 1989. 206 с.
- 2.221. Токарев С.А. Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. – 1958. – № 4. – С. 113 – 128.

- 2.222. Толстая С. М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М., 1999. – С. 135.
- 2.223. Торопов С. Н. Мантурово. Страницы истории. – Кострома: Мантуровская типография, 1998. 148 с.
- 2.224. Торопов С.Н. Ухтубужье // Костромская земля. – Кострома. – Вып. 4. – 1999. – С. 177 –188.
- 2.225. Травкин П. Н. Древний костюм Ивановского края. Раннее средневековье. – Иваново: Иванов. газета, 1999. 110 с.
- 2.226. Травкин П.Н. Микшинское финское селище на реке Уводь //Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. – Иваново, 1990. Вып. 4.– С. 14 – 24.
- 2.227. Травкин, П. Н. Обряд «запирания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. – Тверь, 1997.–С. 59 – 63.
- 2.228. Травкин П.Н. Плесское ювелирное искусство: 25 веков истории. – Иваново: А – Гриф, 2010. 16 с.
- 2.229. Травкин П.Н.Язычество древнерусской провинции: малый город. – Иваново : Талка, 2007. 312 с.
- 2.230. Третьяков П. Н. Археологические памятники древнерусских племен / Ученые записки ЛГУ. – Л. – 1949. – № 85. – Вып. 13. – С. 272 – 281.
- 2.231. Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939. – С. 51.
- 2.232. Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // Советская археология. – М. – 1957. – № 2. – С.67 – 68.
- 2.233. Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии. – М – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 5. 150 с.
- 2.234. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности // Материалы и исследования по археологии. – Л.:АН СССР, 1970. Вып. 179. 156 с.

- 2.235. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.– Л.: Наука, 1966. 308 с.
- 2.236. Третьяков П.Н.. На финно-угорских окраинах Древней Руси /У истоков древнерусской народности. – М.: Московский институт археологии, 1970(179). – С.111– 137.
- 2.237. Уваров А. С. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // Журнал Министерства народного просвещения. – М.– 1868. – Ч. СXXXIX. – Июль. – Отд. 2 – С. 55 – 71.
- 2.238. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 643 – 847.
- 2.239. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка /пер.с нем.и доп. Трубочева. – М.: Прогресс, 1964 – 1973. Т. 1–4.
- 2.240. Федосеева В. П. Зимин М.М. – костромской собиратель фольклора // Жизнь провинции как феномен духовности / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 11 – 13 ноября 2010 г. – Н.- Новгород: из-во НГУ им. М.Л. Лобачевского, 2 011. 390 с.
- 2.241. Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. 82 с.
- 2.242. Флейман Е. А. Краеведческая литература: опыт изучения регионов: монография. – Кострома: из-во КГТУ, 2007. 69 с.
- 2.243. Флейман Е. А. Краеведческие организации в Костромской губернии в конце XIX – начале XX века : монография / Е. А. Флейман, А. Д. Шипилов. – Кострома : КГУ, 2010. 113 с.
- 2.244. Флейман Е. А. Краеведческое движение в Поволжье 1917 – 1930 гг. Автореферат дис... док. ист. н. – Ярославль, 1997. 18 с.
- 2.245. Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 98 – 99.
- 2.246. Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. – изд. 2-е. – М.: МГПИ, 1990. 247 с.
- 2.247. Формозов А. А. А. С.Уваров и его место в истории русской археологии// РА. 1993. № 3. С. 228 – 245.

- 2.248. Фосс М. Е. Итоги работ Галичской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН. – СПб. – 1949. – Вып. XXVI. – С. 58.
- 2.249. Хайду П. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс 1985. 430 с.
- 2.250. Ходаковский Д. Пути сообщения в древней Руси / Русский исторический сборник. – М., 1837. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 20 – 45.
- 2.251. Цыпанов Е. А. Энциклопедия. Коми язык. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 211 с.
- 2.252. Чернецова С. Б. Опыт интерпретации преданий об аборигенах края в Верхнем Поволжье в связи с семантикой культовых камней // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: материалы конференции, – Ярославль, 2008. – С. 138 – 146.
- 2.253. Чернецова С. Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье)// Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2007. Вып. 7. Ч. 1. – С. 180.
- 2.254. Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. – М., 1958. – С. 389 – 391.
- 2.255. Шипилов А. Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия // Краеведческие записки: сб.ст.– Ярославль, 1986. – Вып. 4. – С. 51. –52.
- 2.256. Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47 – 51.
- 2.257. Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX века: костромская школа. – Кострома, 2007. 516 с.
- 2.258. Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Третий этнографический сборник: Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1923. – Вып. XXIX – С. 5 – 16.

- 2.259. Ширяев В. Описание Костромской губернии: Опыт географии губернии для городских училищ. – Кострома: Губернская типография, 1892. 31 с.
- 2.260. Ширяев В. Описание Костромской губернии: Опыт географии губернии для городских училищ. – Кострома: Губернская типография, 1909. 41 с.
- 2.261. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. – 1990. – Вып. 1. – С.11 – 27.
- 2.262. Шмидт С. О. Краеведение // Российская музейная энциклопедия. – М.: Изво М-ва культуры РФ, 2001. Т. 1. – С. 297.
- 2.263. Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера / Рос. акад. наук. Сиб. отделение, Институт истории. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1999. 239 с.
- 2.264. Яценко С. А. Археология // Культурология XX век. Словарь. – СПб: Университетская книга, 1997. 640 с.

3. Иностранная литература

- 3.1. Castren M. A. Nordische Reise und Forschungen. Herausgegeben von A. Schiefner St.-Petersburg, 1853–1858, 1862. Bd. 1–12.
- 3.2. Evgene Helinski «A Mezeni nenets glossary and other lingvistic data from Sjogren's papers»//Lingvistica Uralica – Hamburg, 2007. – № 3.
- 3.3. Honko L. Itkuvirsirunous // Kirjoittamaton kirjallisuus. Helsinki, 1963. S.113.
- 3.4. Sjögren A. J. Bericht uber die wissenschaftliche Reise zur untersuchung der finnischen völkerschaften in Russland // Joh. Andreas Sjögren`s Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861.– Bd. 1.– S. 71–84.
- 3.5. Vasmer M. Beitrage zur historischen Volkerkunde Osteuropas.III. Merja und Tscheremissen. Berlin. 1935. –S. 507– 594.
- 3.6. Veenker W. Die entwicklung der finnougrikistik im deutschsprachigen raum Finnisch-Ugrisches Seminar, Universität Hamburg. Hamburg, 1986. – S.145.
- 3.7. Veenker W. Die Frage des finnougriischen Substrats in der russischen Sprache, 1967: 329 s.

3.8. Weithmann M. W. Fenno-Ugrica in August Ludwig Schlözers «Allgemeiner Nordischer Geschichte» // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1983. – S.175 – 179.

4. Диссертации

4.1. Антонов В. А. Археологические древности в провинциальной исторической мысли Европейской России второй половины XVIII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. н. – Нижний Новгород, 2005. 264 с.

4.2. Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов : дис. ... док. ист. н. – М., 1994. – 423 с.

4.3. Кабатов С. А. Сельские поселения Костромского Поволжья XIII – XVII вв.: по археологическим данным: дис...канд. ист. н. – Йошкар-Ола, 2004. 329 с.

4.4. Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие. XIX перв. треть XX.: дис...канд. ист. н. – М., 1998. 181 с.

4.5. Шипилов А. Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. – М., 1985. 264 с.

5. Электронные ресурсы

5.1. Атлас Российской Империи 1792 года. Российской атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий. /А. Вильбрехт.– Санкт-Петербург: Географический департамент Кабинета Е.И.В., 1792. [Электронный ресурс]. URL: <http://allday.ru/2008/11/17/atlas-rossijskojj-imprii-1792-goda.html>. (дата обращения: 10.04.2011).

5.2. Голан А. Миф и символ (избранное) // Великая богиня. [Электронный ресурс]. 123 с. [Сайт].[2011].URL: <http://astrovic.ru/lib/golan.htm>

5.3. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. – СПб., 2004. [Электронный ресурс]. [2010]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/>.

5.4. Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kominarod.ru/>.

5.5. Напольских В. Этническая история. [Электронный ресурс].URL: <http://forum.molgen.org/>.

- 5.6. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. [Электронный ресурс] // Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. [Сайт].[2010]. URL: <http://www.demoscope.ru/>.
- 5.7. Сануков К. Финно-угорские народы России до 1917 года. Проблемы историографии. Доклад на международном конгрессе Historia Fenno-Ugrica II, Tallinn, октябрь 1998. [Электронный ресурс] // Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов. Составитель М.Йокиппи. Ювяскюля: Атена, 1995. 405 с. URL: <http://www.suri.ee/hist2/plen/Sanukrus.html>).
- 5.8. Спицын Александр Андреевич. Биография. [Электронный ресурс] // Википедия. [Сайт]. [2011]. URL: <http://ru.wikipedia.org/>.
- 5.9. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии :с пред. Ан. Титова. М., 1909. [Электронный ресурс]// Кинешма[Сайт]. [2011]. URL: <http://kineshma.msk.su/lib/slovar18.shtml>.
- 5.10. Финно-угорские народы [Электронный ресурс]// Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890 – 1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron / (дата обращения 23.07.2012).
- 5.11. Любимов А. А. Народные праздники, поверья и предания сельских жителей Костромского Поволжья. Фольклорный сборник, 2000// http://vichuga-hronograph.narod.ru/Folk01/Lubimov_text.htm.



Рис. Карта расселения финно-угорских народов в XX в.¹

¹ Карта расселения финно-угорских народов в XX в. [Электронный ресурс] [сайт]. [2011] // URL: <http://erzianj-jurnal.livejournal.com/27656.html>.

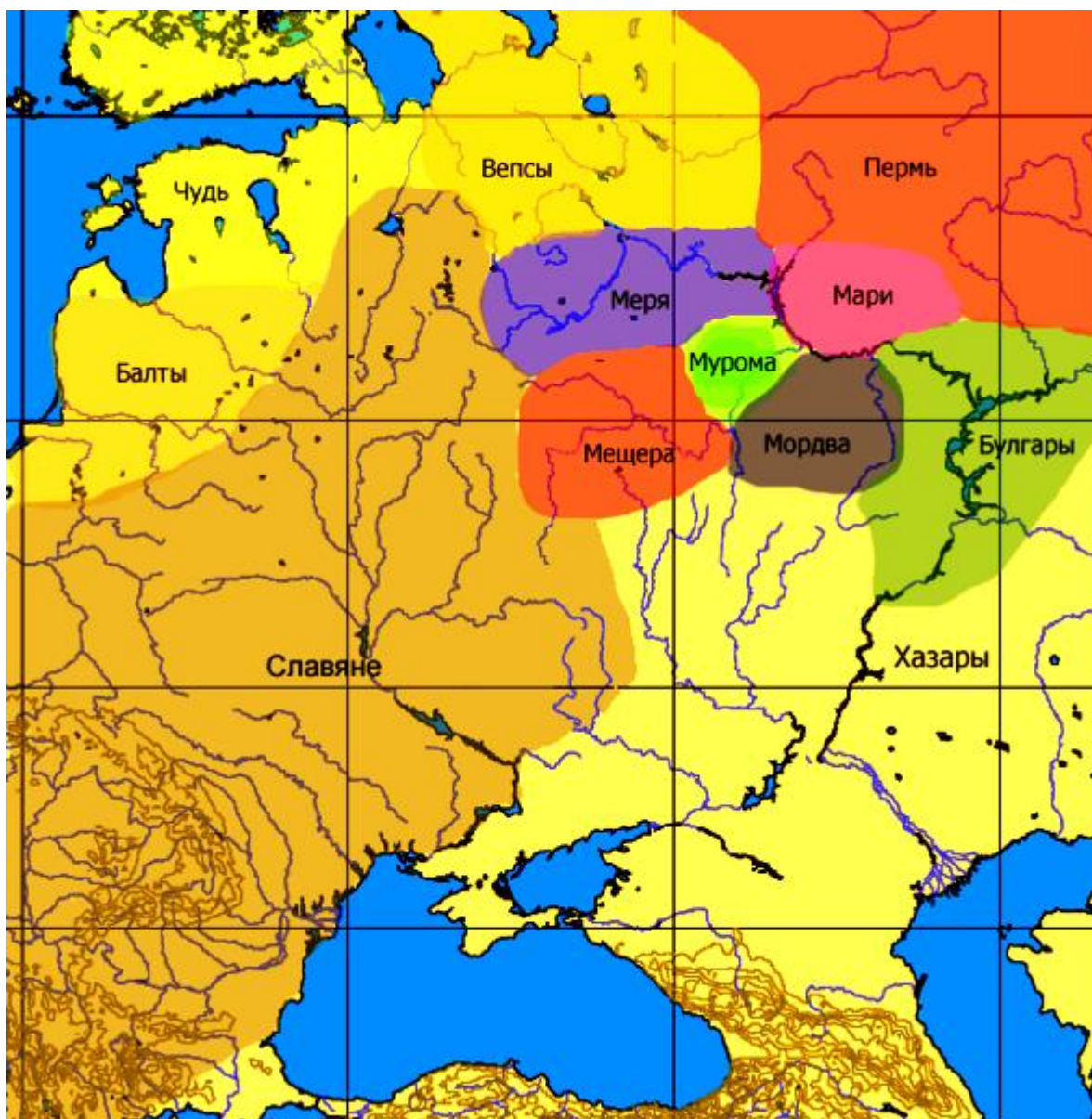


Рис. Карта расселения финно-угорских народов до прихода славян¹.

¹ Карта расселения финно-угорских народов до прихода славян. [Электронный ресурс] [сайт]. [2011] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

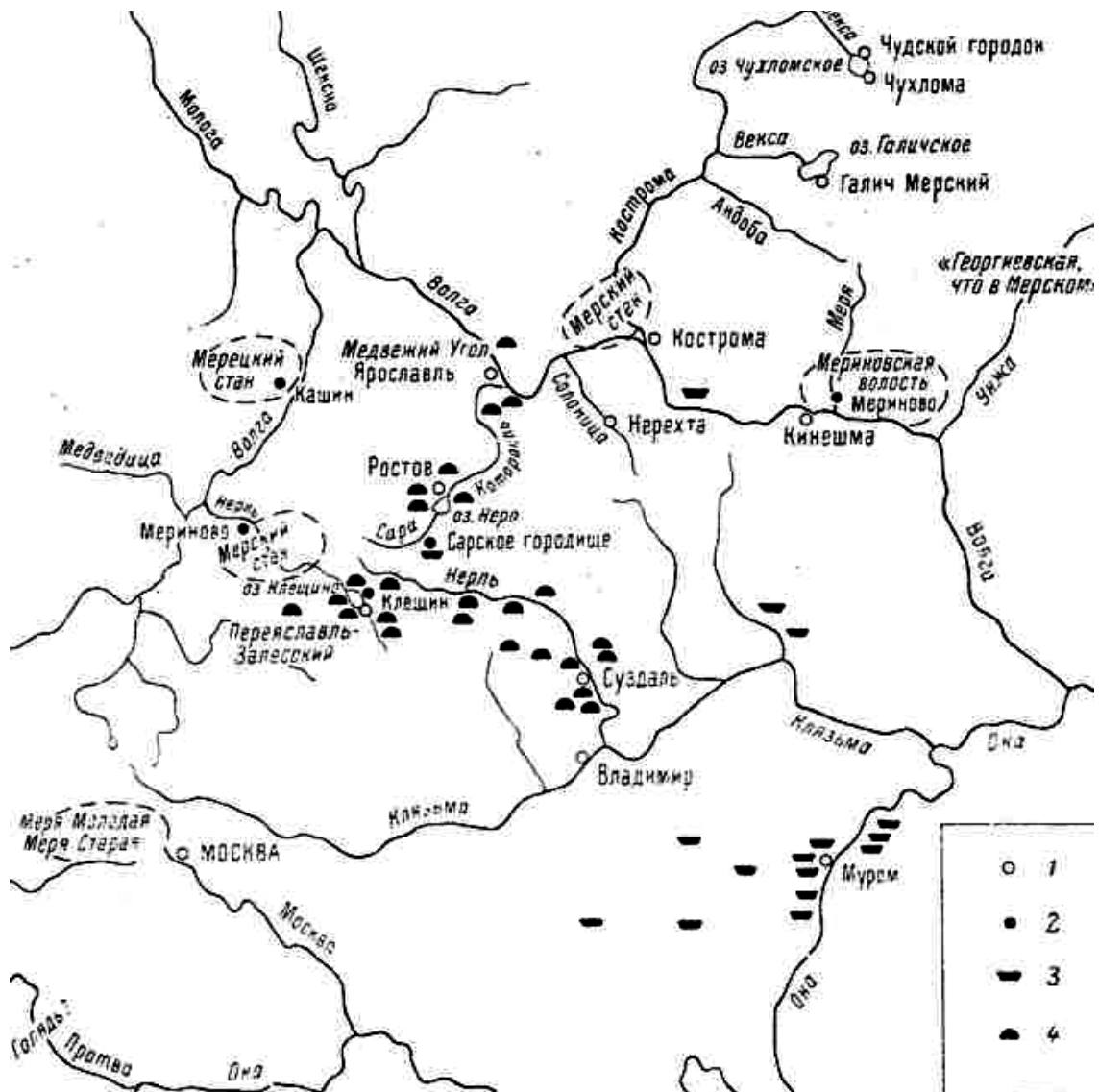


Рис. Восточная часть Волго-Окского междуречья в период Древней Руси. Местоположение мерских станов. 1 - населенные пункты; 2 - городища; 3 - могильники мерянских и муромских племен; 4 - русские курганные группы конца IX-X в.¹

¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. М.: Акад.наук СССР, 1961. Вып. 94. 285 с.

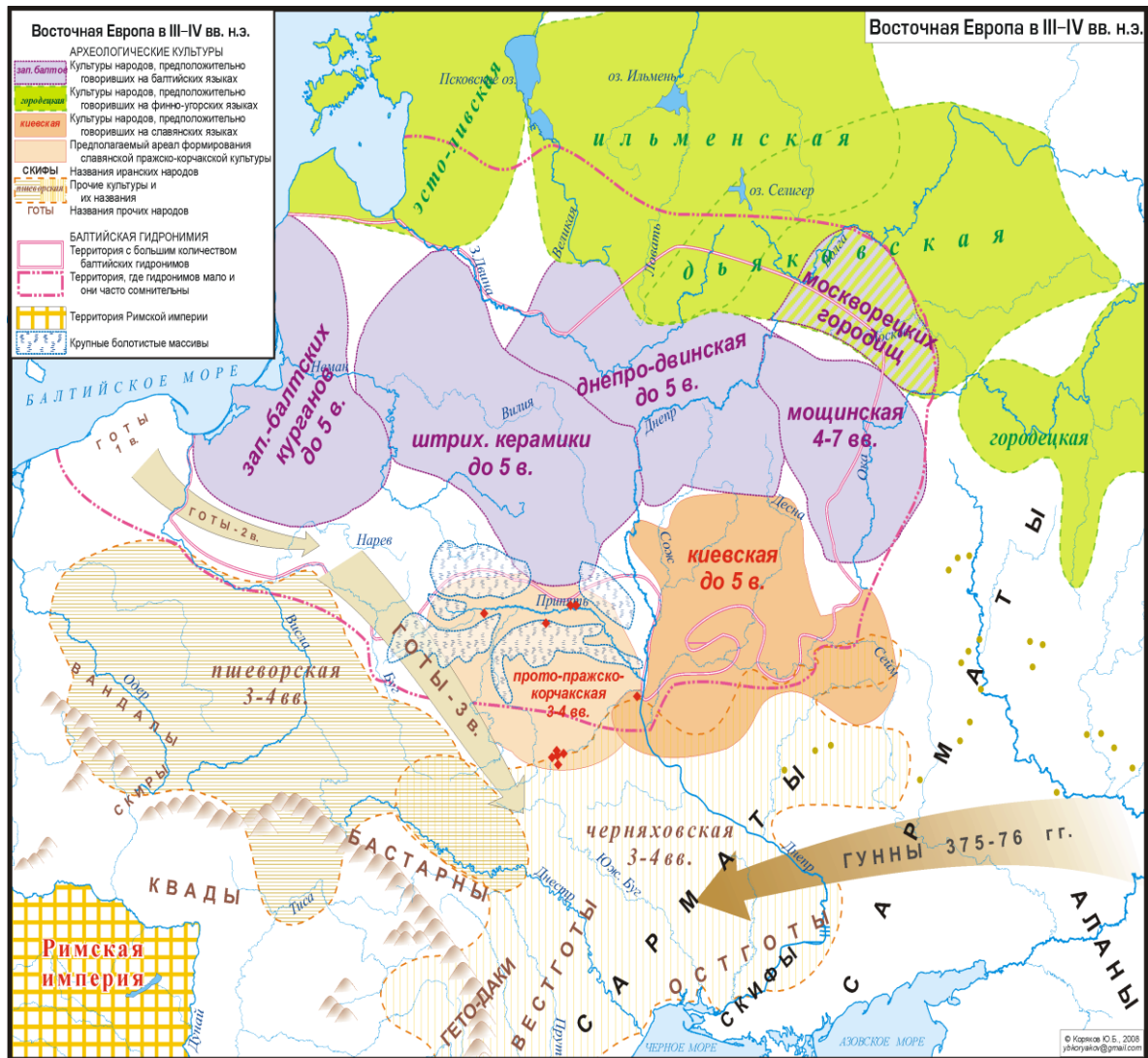


Рис. Карта финно-угорских, балтских и славянских археологических культур III—IV вв., соседних племён и государств и ареал балтских гидронимов¹.

¹ Карта финно-угорских, балтских и славянских археологических культур III—IV вв., соседних племён и государств и ареал балтских гидронимов. [Электронный ресурс] [сайт]. [2011] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.



Рис. Фрагменты антропоморфных статуэток. VI – VII вв.¹

¹ Московский государственный объединённый художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник Коломенское. Материалы экспозиции дьяковской культуры.



Рис. Подвеска шумящая. Бронза. XII –XIII вв. Поповское городище.

Из коллекции ГУК КГАХМЗ



Рис. «Куриный бог» – амулет, вывешивавшийся в курятнике для предохранения куриц от мора и кикиморы. Костромская губ., Тверская губ.¹

¹ Коллекция языческих оберегов музея РЭМ. СПб.

